
ОГОНЁК
№ 12 МАРТ 1972
ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА», МОСКВА

Первый солист.

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

ЕЖЕНЕДЕЛЬНЫЙ ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ И ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ЖУРНАЛ

№ 12 (2333)

Основан 1 апреля 1923 года

18 МАРТА 1972

ТОЧКА

Пробный выезд каневских сеяльщиков.

Эта странная, странная весна...

РОСТА

СТРАТЕГИЯ ВЕСНЫ

Николай БЫКОВ

Фото Б. КУЗЬМИНА.

В ИНТЕРЕСАХ ПЛОДОТВОРНОГО СОТРУДНИЧЕСТВА

По приглашению Советского правительства в Советском Союзе с официальным дружественным визитом находился Премьер-Министр Афганистана Абдул Захир.

А. Захир выступает за дальнейшее развитие дружественных, добрососедских отношений между Афганистаном и Советским Союзом, за расширение афгано-советского сотрудничества. Возглавляемое им правительство продолжает проводить традиционный курс позитивного нейтралитета, неприсоединения к военным группировкам, политику мирного сосуществования, выступает в поддержку национально-освободительной борьбы народов, против колониализма и расизма, за всеобщее и полное разоружение, за решение спорных вопросов, возникающих между государствами, мирными средствами.

Приветствуя приезд в СССР Премьер-Министра Афганистана, советские люди выражают уверенность в том, что этот визит послужит делу дальнейшего упрочения отношений дружбы и плодотворного сотрудничества между Советским Союзом и Афганистаном.

На снимке: встреча высокого гостя на Внуковском аэродроме.

Фото А. УСТИНОВА.

Эта странная, странная весна! Грачи на заиндевевшей озими... Да верно ли, что я на южных полях, на Кубани? Мартовское солнце никак не отогреет нахолодавшую за январь пашню. В станице Каневской, кажется, в первой бригаде, услышал: «Теперь казаки долго шапок не снимут, напужала зима».

Хмурым выдалось нынче утро года. Даже мартовский прогноз для этих мест удручающе плох. Одна надежда: в ту пору, когда этот номер журнала выйдет в свет, весна свое возьмет, не может же быть иначе. А пока тянутся часы и дни великого ожидания.

На рассвете, только солнце в тумане проклюнет, бегут один за другим комфортабельные бригадные автобусы с механизаторами на полевые станы. Не бидарки, не велосипеды — автобусы. Не проселками — асфальтом, сначала большим, потом меж полями, но по асфальту до самых бригад. Сияют стеклами кабин вымытые тракторы. Это и есть так называемая линейка готовности.

Исходит радужной капелью игольчатый иней в лесополосе. Фантастические образования кристаллов будто ледяные хризантемы. Растасканы по углам севооборотных клеток сцепы сеялок. И с каждым новым восходом солнца крепнет надежда на тепло. Но шапок никто не снимает! Наоборот, Пантелей Яковлевич Гринь (из первой бригады каневского колхоза «Победа») надвинул свою ушанку поглубже. Полез в кабину своего высоченного «К-700». Не утерпел, двинул в степь по неотложным делам. Там и тут трещат еще и еще пускачи. Сказывается нетерпение! О страшной зиме в бригадах почти не говорят. Знают, что агрономы давно определили гиблые поля, значит, грядет пересев... А к нему готовы. И все.

Конечно, что с воза упало, то пропало. А с надежнейшего озимого воза упали только в Каневском районе около десятка тысяч гектаров, в основном ячменя. Опаленные морозами в бесснежном январе, озимые ячмени, кажется, так и не пробудятся. Тут уж и солнце бессильно. Поля ячменя выделяются среди прочих мертвенной желтизной. Они уже не в счет. Вернее, они пойдут в счет дополнительных хлопот — и затрат! — весны семьдесят второго года. Но тут требуется особый расчет площадей, культур, сортов, горючего, техники, людских характеров...

Стратег такой весны — агроном. В каневском колхозе «Победа» стратегию весны-72 взял на себя главный агроном хозяйства Василий Петрович Самойленко. Собеседник он отличный, на лице ни тени деланной озабоченности. Очевидно, его агротылы настолько прочны и насыщены житейским опытом, что он без страха и сомнения смотрит в холодом дохнувшую степную даль.

— Крестьяне не одни, давно не одни! — Этим объясняет уверенность в победе над стихией Василий Петрович. — Вот письмо, посмотрите. Павел Пантелеймонович прислал, Лукьяненко. Тут и предложения интересные и советы, как быть с подсевом и пересевом... Теперь жду с часу на час гонцов от него — в колхоз выехали научные сотрудники Краснодарского научно-исследовательского института. Я уж не говорю о тех совещаниях, что прошли в конце февраля и в Москве и в Краснодаре, а недавно и у нас в Каневской. Нет, не одни мы нынче!

Постепенно я уяснил ситуацию. Да, стихия — вот она, это факт объективный, как черные бури 1969 года. Но колхоз «Победа» и тогда по́ миру не пошел. Да, стихия... В тот черный год план продажи хлеба выполнили только на треть, кажется. Для такого мощного хозяйства, в котором одной пашни больше девятнадцати тысяч гектаров, в котором лишь озимые занимают около десяти тысяч гектаров, недород может обернуться катастрофой. И мог бы... Если бы «крестьяне», как любит называть колхозников Василий Петрович, оставались в одиночестве — одни лицом к лицу с эрозией, с бесснежной зимой, с засухой...

В Каневской стихия нынче споткнулась о мощный заслон особой социально-экономической структуры:

13 миллионов рублей — таков доход колхоза в 1971 году;

246 коммунистов и почти столько же комсомольцев — это люди особой прочности;

84 специалиста в колхозе — это не просто обладатели дипломов, а мощный мозговой трест станичников, предки которых распа-

хали впервые окрестную степь еще в 1794 году;

85 человек каждодневно задолго до восхода солнца облачаются в белоснежные одеяния, надевают белые колпаки и становятся... к кухонным плитам. Да, в колхозе 85 поваров и других работников общественного питания, а это о многом говорит; к этой же цифре льнет еще одна, не менее красноречивая: одного мяса за год работники колхоза в своих бригадных столовых поедают ни много ни мало, а 130 тонн. Как говорит секретарь парткома Глеб Павлович Пошивайло, «с аппетитом ест лишь тот, кто с аппетитом поработает...».

Так вот, к вопросу о морозах и прочих страстях-мордастях. Они бессильны одолеть хозяйство с вышеприведенными показателями. А ведь тут ни слова не сказано о наличной технике, о химизации, о мелиорации, об оплате труда, о том, что лишь в начале года колхозники купили шифера на сорок крыш, о том, что зерновые сеют семенами только 1-го класса, а газовых плит для колхозников только в последнее время приобрели в количестве пятисот. Им же, колхозникам, уже продали 24 холодильника да 30 еще взяли — оптом, на краевой базе...

Вот все вместе это и противостоит нынче холодам. А ведь доходило до минус 25 и ниже! А ведь земля кубанская местами промерзла на полметра и глубже. И все-таки и все-таки... Нет уныния в Каневской.

С огромным удовольствием делился главный агроном Василий Петрович своими стратегическими планами. Главная задача — собрать зерна не меньше, чем в прошлом году. Дерзость? Да, и еще какая! Прошлый год на Кубани вообще и у каневчан был урожайным, отличный был год. Например, третья бригада, рассказывал бригадир Владимир Максимович Галка, собрала больше сорока шести центнеров с гектара. Это с девятисот гектаров на круг! (Сказались и сорта академика П. П. Лукьяненко, большого друга колхоза «Победа», и полив, конечно.) Тем более как дерзость воспринимается целевая установка: собрать зерна даже в год из ряда вон выходящий не меньше, чем в год особых погодных условий. Что это? Дерзость? Расчет? И то и другое.

Василий Петрович умеет неожиданно рассмеяться. Оказывается, ему не составляет труда доказать, что нынче и дерзание и прочие героические поступки на колхозной ниве, например, баснословные урожаи, имеют вполне реальную основу. Они предопределены как бы всем ходом работ в хозяйстве, всей системой самых различных мероприятий, проводимых коллективом. Всей атмосферой станичных будней — и обеды, и оптовые закупки дефицитных товаров для своих колхозников, и дружба с людьми науки. А станичники в Каневской исповедуют одну веру—веру в землю, в свою, каневскую. Это у них от праотцов, переселившихся сюда всей общиной с Днепра. Так вместе они и держатся до сих пор.

Есть в биологии понятие — «точка роста». Чтобы узнать, живы ли растения, бригадные агрономы вырезают в поле куб земли с дремлющими (или погибшими?) всходами озими, то есть берут так называемый монолит. Монолиты ставят на отращивание. Я видел их и в кабинете Василия Петровича и в теплице. На отращивание уходит немало дней. Но можно узнать о состоянии растения и в тот же день — в лаборатории. Стоит лишь глянуть в микроскоп на точку роста. В окуляр виден живой конус: клетки, постепенно сходя на нет, напоминают головку ракеты, устремленной к иным мирам. Это и есть точка роста! Она спит до поры до времени — ждет своего луча солнца, своего часа. Спит, но живет. Отступит стужа, поднимутся холодные туманы — и двинутся ввысь, наливаясь силой, нарастая, как обвал, живые клетки точки роста. Зеленая сила ее, всем известно, и бетон рвет!..

Мне кажется, что тут есть повод сравнить нынешнее состояние экономики колхоза «Победа» с состоянием его озимых полей. Анализы в лаборатории показали, что в подавляющем большинстве пшеница выстояла—точка роста в полном порядке. А испытание на зимостойкость было жестоким...

Точка роста... Я думал о ней, символической, незримой на глаз, но экономически настолько ощутимой, когда главный агроном колхоза «Победа» перечислял, что будет сделано в степи с возвратом теплых дней. Собственно, право на дерзость (дерзость жить, управлять событиями в любой ситуации) дает именно она, эта точка роста, видимая лишь под пристальным оком микроскопа, живая единица органической структуры. В растении пшеницы — это главная клетка, та самая верхняя в конусе нарастания. В коллективе — человек, выходящий в поле вместе с солнцем. От его настроения, выучки, пристрастий зависит жизнь поля, ход самой весны, ход событий года.

Письмо академика П. П. Лукьяненко, полученное колхозным агрономом в самый трудный час, свидетельствует о том, что поединок со стихией будет выигран человеком. Зеленая революция животворна в отличие от слепого натиска метеорологических случайностей. Что же касается стратегии и тактики Василия Петровича и всего агрономического корпуса колхоза «Победа», то они полны чисто практических изворотов крестьянского характера. Предложение знаменитого селекционера попробовать в производственных условиях вырастить новые, стране нашей еще неизвестные, короткостебельные пшеницы — да еще на поливе — пришлось как нельзя кстати. Другой сказал бы: не до жиру (не до экспериментов!), быть бы живу. Но Василий Петрович имеет вкус к новинкам селекции и вообще к науке. А трудности года выявят, быть может, какие-то скрытые возможности впервые предлагаемых сортов, покинувших взлетную полосу институтских полей. Точка роста!

— У нас около пяти тысяч гектаров занимают новейшие сорта Лукьяненко. Вот чем берем,— объясняет главный агроном. — В прошлом году некоторые из них дали больше шестидесяти трех центнеров с каждого гектара. Вдумайтесь! А вот теперь пойдут карликовые сорта, мы им создадим такие **академические** условия, что сто центнеров зерна с гектара станут реальностью!

Василий Петрович азартно продолжал:

— В городе беспокоятся за вал зерновых. Напрасны волнения — возьмем! Конечно, не так-то просто намолотить почти сорок тысяч тонн зерна.

Я записал: ежегодно колхоз по весне стравливал полтысячи гектаров озими скоту. На молоко жали! Нынче их можно оставить на зерно — гектар даст не менее тридцати центнеров, а то и все сорок. Вот вам и компенсация. Далее. Решили расширить площадь под горохом с овсом. До тысячи ста гектаров. А девятьсот гектаров отдать эспарцету. Он и заменит зерно, которое в прошлом отдавали на фермы. А люцерна, волшебное растение! В колхозе «Победа» она дает по пять укосов. Травяная мука — пальчики оближешь... Почему речь с зерна перешла на корма? Да потому, что, продав зерно, нельзя оставить фермы без кормов. Выход — интенсивное кормопроизводство за счет многолетних трав. И тут еще слово за кукурузой. Ее надо бы нынче побольше посеять. И поливать. Значит, потребуются дополнительные сеялки, а главное — кукурузоуборочные машины. Их в колхозе пока нет. Да и в Каневском районе мало и в крае.

...После обеда трактористы вывели машины в поле. Среди них асы пшеничной степи Иван Гарус, Павел Колесников, Дмитрий Мальцев, Пантелей Гринь (сорок лет на тракторах!), Николай Лещенко... Кто бороновал, торопясь закрыть и без того малую влагу, кто вносил на колесниках минеральные удобрения... Люди торопили приход весны. Не ждали у полосы погоды, выходили ей навстречу. И сразу уютно стало в степи — она за полдень полнится гулом. А то ведь было ни звука... Даже скворец один присвистнул удивленно: «Фью-уй, а ведь потеплело».

Великое ожидание. По первому сигналу весны — по машинам...

ПРОГУЛКА С БУРГОМИСТРОМ

Сейчас я преподаю немецкий язык в Красноярском педагогическом институте. А после войны три года работал переводчиком в Германии. Двадцать лет спустя мне посчастливилось еще раз встретиться с прошлым, которое я не смог узнать. Это были дни празднования 20-летия ГДР. Тогда я познакомился с Хорстом, которого теперь называю «Мой друг». Да, на старой почве взошли и расцвели семена новой жизни. Впрочем, все по порядку.

Ветер гонит по дюнам колючий песок. По бетонному проходу среди дюн к нам поднимается невысокий моложавый человек.

— Рад приветствовать вас у нас в Цингсте. Я — Хорст Лоренц.

Его фамилия мне уже знакома. Она прозвучала в зале заседаний райсовета, когда награждали передовиков промышленности и сельского хозяйства. Ее назвал председатель райсовета Альфред Отт. «Первое место среди всех сельских общин,— сказал он,— заняла по благоустройству община Цингст, где бургомистр — Хорст Лоренц».

— Что же вам показать?— вслух размышляет бургомистр Лоренц.— Идемте-ка в новый магазин! Его открыли только сегодня.

Мы спускаемся с дюн в чистый предпраздничный поселок и уходим от моря в тесную путаницу переулков. Весь поселок полон запахов моря.

— Вот наш новый дом отдыха,— показывает Лоренц на большое красное здание с зеленой крышей и смотрит на него, как хозяин, как автор и создатель.

— Я сам строил его,— подтверждает бургомистр мою догадку.— Клал стены, выполнял плотницкие и столярные работы. Это, можно сказать, стало началом реконструкции Цингста.

Он обводит широким жестом зеленые газоны под громадными дубами.

— Скоро весь Цингст станет сплошной цветочной клумбой. На наших песках при хорошем уходе растет все. Даже розы. Главное, чтобы сердце к этому лежало.

Мы подходим к новому зданию магазина с большими окнами, рассматриваем богатые витрины.

— Знаете,— говорит Хорст,— ведь магазин построен во время субботников.— Он так и произносит по-русски это слово — «субботник».— Вот этот дом для гостей — мы тоже построили его методом народной стройки.

Мы проходим по чистым, аккуратным комнатам гостиницы. Просторный зал для вечеров и собраний, светлый, праздничный, ярко расписанный. Буфет. Зрительный зал. Вокруг здания зеленые газоны. Во всем домашний уют и комфорт.

— Неплохо тут у вас, Хорст. А ведь я помню...

Хорст не дает мне договорить. Он останавливается и показывает на домишко, спрятавшийся в переулок.

— Это?— спрашивает Хорст.— Вы помните это?

— Да,— говорю я.— И это.

В узком переулке за низеньким забором будто чудом сохранилась старая рыбачья хибара. На подслеповатые окна надвинулась черная соломенная крыша, будто зюйдвестка, прикрывая хижину от холодных осенних ветров.

— Это — наше прошлое,— говорит Хорст.— Мы решили сохранить хибару как музей. Пусть молодежь знает, как жили их деды и отцы... В такой халупе прошло мое детство... А вот тут была когда-то центральная площадь нашей деревни,— продолжает он.— По ней в свое время маршировали фашистские молодчики. Здесь они помяли однажды мне бока... Теперь у нас есть новая Главная площадь.

Мы долго ходим по обновленной общине Цингст, осматриваем новые большие пансионаты, выстроенные в кооперации с крупными промышленными предприятиями юга республики, общественные кухни, магазины, Дом культуры...

— В этом салоне работают берлинские парикмахеры. Наши женщины делают себе столичные прически...

Здесь мы начали строительство дома отдыха.

Это первые жилые дома нашего Цингстского госхоза. А эти мы закончили недавно. Ведь, правда, похоже на город?

— Правда,— подтверждаю я и с удовольствием гляжу на уверенную походку Хорста Лоренца. Это походка хозяина, умного, рачительного, влюбленного в свое большое дело...

Вечером мы сидим в уютной морской таверне, и Хорст рассказывает о своей жизни:

— Сколько помню себя, все время работал. В сорок пятом мне было семнадцать. Я работал столяром в советской воинской части. Там встречал я очень талантливых ребят. Был даже один скульптор. Это простые, сердечные люди... Я тогда еще мало смыслил в политике. Только сердцем чувствовал, где правда... Потом пришлось мне работать в Берлине на Александер-плац: я отделывал большой универмаг на площади. И вот однажды, когда мы получили зарплату, несколько парней уехали в Западный Берлин, да так и остались там навсегда. Ну, нет, думаю. Я не убегу!

Пришло время, и я вступил в партию... Стал членом совета общины Цингст. Работали все дружно. Хорошо работали. А несколько лет назад мне вдруг предложили: давай-ка в председатели совета Цингста — в бургомистры... По правде говоря, испугался. Потом подумал, подумал да и взялся. Так плотник стал бургомистром.

Я слушал его и думал, что в Цингсте, как в капле воды, отразились перемены в жизни всей страны. Ведь счастливая судьба Цингста — это судьба республики. А счастье Хорста Лоренца — это счастье всего трудового народа ГДР — первого государства рабочих и крестьян на немецкой земле.

Михаил ВЕЛИЧКО

Красноярск.

ДО СКОРОЙ ВСТРЕЧИ

Когда я училась в 11-м классе, прочитала «Подпольный обком действует». Эта книга произвела огромное впечатление, и мне захотелось переписываться со сверстниками из Советского Союза.

Так я заочно познакомилась с мальчиком по имени Толя. Из писем я узнала, что он ровно на неделю старше меня, на 20 сантиметров выше, а глаза у нас одного цвета. У него есть братишка Валерка, но сестры нет, а у меня нет брата. И мы стали называть друг друга братишкой и сестренкой. Продолжалась эта переписка несколько лет. Мне стал писать и Валерик, а потом и мать мальчиков, Александра Ивановна.

Окончив школу, я стала работать переводчиком. В это время очень тяжело заболели мои родители. Я написала об этом Александре Ивановне, которая для меня уже была тетей Шурой. Никто меня так морально не поддержал, как тетя Шура, ставшая мне очень родным человеком. В ее честь я назвала свою дочку Александрой. Потом мы встретились с братишкой Толей, который проходил военную службу в ГДР.

Мы с тетей Шурой и ее мужем дядей Колей никогда не виделись. И очень мечтали о встрече... Когда я приехала в Москву на практику в газету «Нойес Лебен», эта мечта осуществилась. 4 декабря, в день рождения дяди Коли, я приехала в Чернигов!

На вокзале мы друг друга сразу узнали. Объятия, поцелуи, слезы радости и счастья!..

В их домике на улице Чайковского я провела два дня — одни из самых счастливых в моей жизни! Этим летом я собираюсь вместе с дочкой провести отпуск у моих «вторых родителей», встретиться с обоими братишками.

Посылаю фото моей дочки Сашеньки, которая прилежно учится русскому языку и мечтает погулять по Красной площади.

Лиза МАРТИНО

Берлин.

Сашенька Мартино.

ПАМЯТЬ О МУЖЕСТВЕ

...Это было в последние дни минувшей войны. Наша часть беспрерывно участвовала в боях. Нас перебрасывали с одного участка фронта на другой, туда, где требовался огонь нашей артиллерии. Утром, после длительного ночного марша, мы заняли огневые позиции в садах небольшого населенного пункта в нескольких километрах от Штрасбурга. Я с сержантом Карпенко пошел осмотреть населенный пункт. На одной из улиц вдруг послышались слабые крики. Мы вслушались. Может быть, показалось? Нет, не показалось. Стон и крики повторились: люди попали в беду, они звали на помощь.

Мы бросились к горевшему дому и поняли, что кричат из подвала дома. Накинув на головы плащ-палатки, мы с Карпенко бросились туда. Дверь подвала была закрыта и завалена. На сержанте загорелась плащ-палатка, но он продолжал сбивать замок, а я откидывал от двери ящики. Через минуту мы вытащили из подвала задыхавшихся от дыма, перепуганных, избитых детей — мальчика лет двенадцати, девочку на один-два года постарше и седую, дрожащую, но еще молодую женщину.

Наши медицинские работники оказали им помощь, а повар накормил супом, кашей, напоил чаем. Женщина, отдохнув, рассказала нам грустную историю своей жизни. Муж ее Иоганн Швабе дружил с неким Вальтером, но вскоре их пути разошлись: Иоганн стал коммунистом, Вальтер — национал-социалистом. По доносам Вальтера Иоганн был брошен в концлагерь и там замучен. Фашист все время преследовал семью своего бывшего друга, а перед бегством хотел сжечь ее заживо.

— Значит, гад недалеко ушел, где-то рядом,— зло процедил Карпенко.— У них, у фашистов, одинаковый подход что к русским, что к немцам: огонь да концлагерь.

Марта Швабе, благодарно улыбаясь, взволнованно говорила:

— Спасибо! Большое спасибо вам! Вы спасли нам жизнь. Я и мои дети никогда не забудем этого. Мой Иоганн погиб за коммунизм, а его семью спасли коммунисты!

Вскоре по нашей позиции гитлеровцы открыли артиллерийский огонь. Мы отправили Марту и ее детей в тыл.

Вечером нас вновь обстреляли, и около своего орудия был убит сержант Карпенко. Хоронили мы его молча. Он лежал около вырытой под яблоней могилы с тихой, доброй улыбкой. Рукав гимнастерки был прожжен. Старшина шепнул мне на ухо:

— Надо бы заменить гимнастерку?

— Нет,— твердо ответил я,— это память о доброте и мужестве советского солдата.

Я долго не мог уснуть в эту ночь. Долго думал о трудной, горькой, но честной и благородной жизни Карпенко, об истории «друзей» Иоганна и Вальтера, о звериной злобе фашизма.

Марта и ее дети вошли в мою жизнь. Мне хотелось бы знать, как сложилась их жизнь. Может быть, прочитав эти строки, они отзовутся?

В. ФОТЕЕВ,
директор Приозерненской средней школы в Крыму,
гвардии старший лейтенант запаса

Письма читателей, присланные на конкурс «Мой друг». Подробно об условиях конкурса см. «Огонек» №№ 3 и 8 за этот год.

ТУЧИ НАД КИПРОМ

Николай ПАСТУХОВ

На протяжении последних четырех недель из Афин и Вашингтона на Республику Кипр обрушивается град ядовитых стрел. Стратеги НАТО целятся прямо в сердце — правительство Республики и ее президента архиепископа Макариоса, а фактически в их политику неприсоединения.

11 февраля греческая хунта вручила Макариосу ультимативное требование изменить состав правительства. Опираясь на массовую поддержку народа, президент игнорировал ультиматум. Тогда по команде из Афин на острове были приведены в боевую готовность тайные вооруженные силы. Связь с ними осуществлял греческий генерал Гривас, который открыто выступает за проведение эноэиса, то есть насильственного присоединения Кипра к Греции. Патриоты Республики воздвигли мощный заслон на пути этого заговора и подготовки переворота.

Недавно в ход было пущено еще одно средство. Святейший синод кипрской православной церкви, состоящий из трех епископов, потребовал от Макариоса покинуть президентский пост. Как стало известно, давление на синод оказал глава греческой церкви Иеронимос. «Те, кто верит,— писала в этой связи издающаяся в Никозии газета «Филэлефтерос»,— что требование трех епископов нейтрализует волю кипрского народа, будут обмануты в своих ожиданиях». Парламент Республики единогласно принял резолюцию, в которой подчеркивается, что народ избрал архиепископа Макариоса президентом Кипра и что пребывание его на этом посту «является необходимым».

Таким образом, открыто, перед лицом мирового общественного мнения, симпатии которого целиком и полностью на стороне Республики Кипр, вопреки воле кипрского народа и в нарушение решений ООН, взявшей на себя функцию поддержания на острове нормальной обстановки, продолжается бесцеремонное вмешательство во внутренние дела независимого, суверенного, демократического государства. Какими же мотивами побуждается это вмешательство? Какие оно преследует цели?

На эти вопросы нетрудно ответить, если вспомнить некоторые международные события, предшествовавшие развернутому нажиму на Никозию. По требованию Ливии США вынуждены были убраться с ливийской базы Уилус-филд. Такое же требование предъявило НАТО правительство Мальты, возглавляемое Минтоффом. Штаб североатлантического военного блока залихорадило. Уже на его лисабонской сессии со всей остротой был поставлен вопрос о Кипре, стратегическое значение которого определяется близостью к Сирии, Ираку, Иордании, Ливану, Израилю и Синайскому полуострову.

Учитывая массовые поставки американского вооружения Израилю и открытую подготовку Тель-Авива к новым агрессивным действиям против арабских стран, штаб НАТО стремится сейчас обеспечить себе прочные тылы на Средиземном море. Для этого ему необходимы более мобильные военные базы. Как заявил на недавней чрезвычайной сессии Всеобщего национального конгресса АСС президент Египта Анвар Садат, «проблема коснулась Кипра. США хотят убрать со своего пути архиепископа Макариоса с тем, чтобы заполучить базу на Кипре в дополнение к своей базе в Греции. Эти шаги направлены на закрепление американского присутствия в восточном Средиземноморье». Анвар Садат подчеркнул также, что подобные действия США направлены, в частности, и против Египта.

Именно в течение последнего месяца США получили на греческой территории постоянную военно-морскую базу в Пирее для 6-го американского флота. О том, как это произошло, рассказал недавно своим читателям журнал «Шпигель». После государственного визита в Афины вице-президента США Спиро Агню американские военные эксперты начали топографическую съемку Пирея, где сейчас получила постоянную прописку одна треть 6-го американского флота.

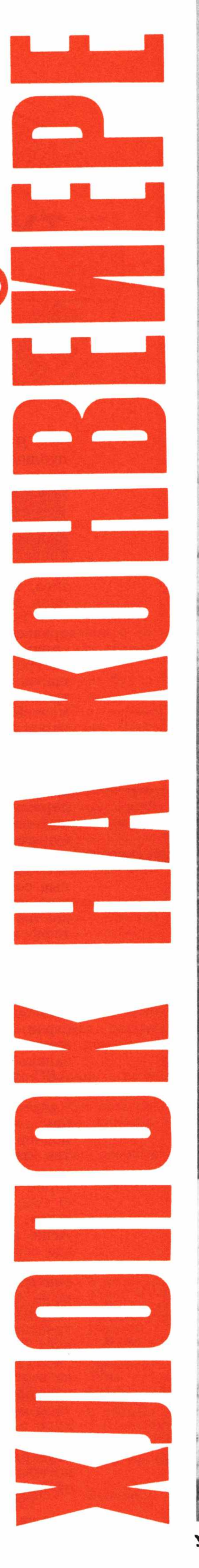
Но Соединенным Штатам этого явно недостаточно. Действуя через НАТО, они пытаются сейчас прибрать к своим рукам английские военные базы на Кипре — Акротири и Декелия с тем, чтобы превратить их в постоянно действующий военный трамплин на Средиземном море. Но для этого необходимо изменить политический климат на острове. Вот, собственно, те мотивы и цели, которые преследует Вашингтон в своем нажиме на Никозию через услужливую афинскую хунту.

Римская газета «Астролябио», разоблачая планы североатлантического блока в отношении Кипра, справедливо замечает: «Кое-кто называет даже даты осуществления плана «натоизации» Кипра. Однако «пророки» явно не сверили свои часы с кипрским временем. Поддерживаемый народом Макариос отстаивает свой курс с энергией и пылом, живо напоминающими времена борьбы за освобождение острова от британского колониального господства». Лондонская газета «Обсервер», в свою очередь, вынуждена признать: «На Кипре нет такого политика, который мог бы надеяться получить хотя бы минимальную часть поддержки, оказываемой сейчас Макариосу».

События на Кипре убедительно свидетельствуют, что США усиливают опасную напряженность в Средиземноморском бассейне.

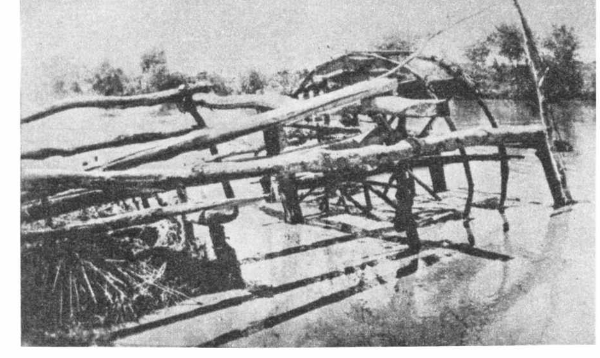
КОЛОНКА МЕЖДУНАРОДНОГО ПУБЛИЦИСТА

СОЮЗУ ССР — 50 ЛЕТ

ХЛОПОК НА КОНВЕЙЕРЕ

КОММЕНТАРИЙ К БИОГРАФИИ

Вот он, древний чигирь. Фото 1929 года.

СОВЕТСКОМУ ТЕКСТИЛЮ—СОВЕТСКИЙ ХЛОПОК

В тринадцатом номере «Огонька» за 1931 год был опубликован очерк «Советскому текстилю — советский хлопок». В очерке есть такие строки: «На службу пятилетке обуздываются дико ревущие потоки среднеазиатских рек, завоевываются непроходимые пески среднеазиатских пустынь...

А всему причиной хлопковая программа».

Корреспондент «Огонька» В. КОСТЫРЯ попросил НАДЖИМА РАХИМОВИЧА ХАМРАЕВА, возглавляющего «Средазгипроводхлопок», прокомментировать давний материал «Огонька».

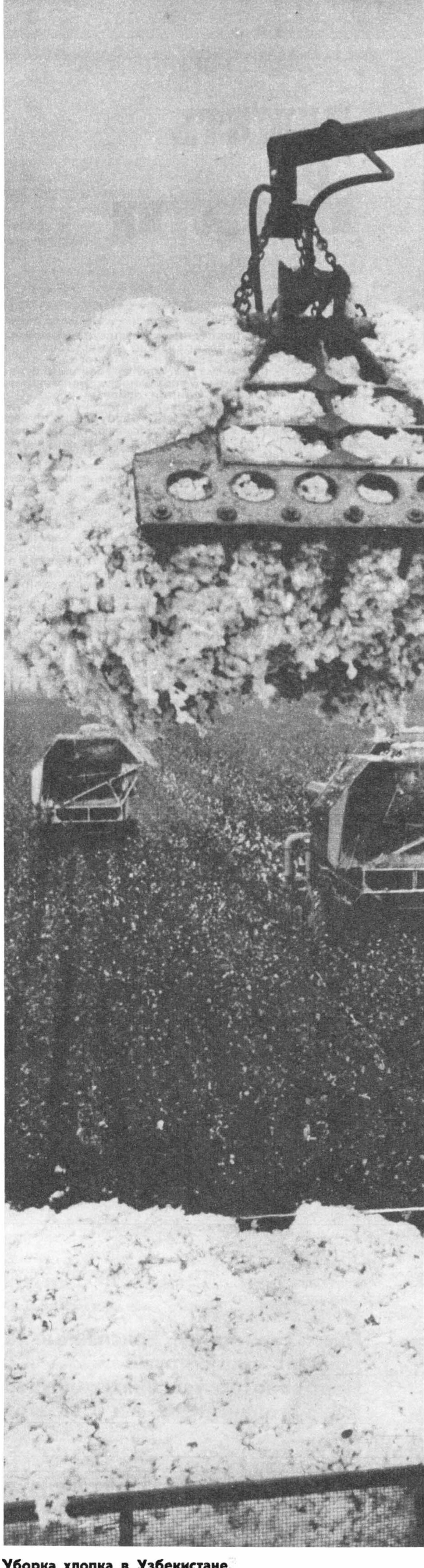
— В том очерке «Огонек» 1931 года писал о лозунге дня: ни одного грамма заграничного хлопка! С него началась борьба за отечественный хлопок. А это значит — борьба за новое ирригационное хозяйство, за новую селекцию хлопчатника, за механизацию хлопководства, за новые плантации. В 1921 году в Узбекистане, например, хлопчатником было засеяно около восьмидесяти тысяч гектаров, а урожай хлопка-сырца составил 14 тысяч тонн. Даже через десять лет, в 1931 году, в стране собрали меньше двух миллионов тонн сырца. Однако уже в первые годы Советской власти начали накапливаться богатырские силы отечественного хлопководства. В 1918 году В. И. Ленин подписал «Декрет об ассигновании 50 млн. рублей на оросительные работы в Туркестане и об организации этих работ». В ноябре 1920 года также за подписью В. И. Ленина были изданы еще два декрета Совета Народных Комиссаров — о восстановлении водного хозяйства и хлопководства в Туркестанской и Азербайджанской республиках.

В декабре 1922 года — а ведь именно в это время был образован Союз Советских Социалистических Республик — Совет Труда и Обороны принял постановление «О восстановлении и развитии ирригации в Туркестанской республике» и выделил для этой цели крупные денежные суммы. Земельно-водная реформа 1925—1927 годов разбудила творческую инициативу трудового народа в Советской Средней Азии. Уже в 1928 году были восстановлены почти все прежние ирригационные системы, их технически усовершенствовали и расширяли. Только в Узбекской ССР к этому времени хлопчатник занимал более полумиллиона гектаров.

Жизнь требовала новых темпов и новых масштабов развития. В июле 1929 года было положено начало всенародной борьбе за расширение посевных площадей под хлопчатником, за рост его урожайности. Эти новые задачи были не по плечу древнему чигирю — деревянному водоподъемному колесу. И в том же году в Ташкенте создали Среднеазиатский проектно-изыскательный трест водного хозяйства, преобразованный впоследствии в крупнейший институт по проектированию комплексных водохозяйственных объектов для орошения и освоения земельных массивов республик Средней Азии. Ныне он известен как «Средазгипроводхлопок» и стал постоянно действующим штабом Главного среднеазиатского управления по ирригации и строительству совхозов Министерства мелиорации и водного хозяйства СССР. Около восьмидесяти тысяч человек — таков коллектив работников этого центра.

— Те скудные литры воды, которые перебрасывали кувшинчиками чигиря,— предшественники наших теперешних сотен кубометров в секунду! — продолжил свой рассказ Наджим Рахимович.— Родился я в 1933 году, так что очерк о хлопке в «Огоньке» старше меня, не говоря уж о самом чигире... Неузнаваемо преобразилось наше ирригационное хозяйство. Стала явью извечная мечта дехкан о большой воде для хлопка. В стране теперь множество искусственных морей. У нас в республике строятся еще два — Андижанское и Чарвакское. Закладывается и самое крупное в стране — Тюямуюнское, на реке Аму-Дарье. Емкость этого моря составит почти восемь миллиардов кубометров!

Лишь в одной из среднеазиатских республик — в Узбекистане — ныне действует более семисот оросительных систем, а гидротехнических узлов, плотин, водозаборных и других сооружений наберется около 26 тысяч. Тысяча насосных станций и отдельных установок способна транспортировать в нужном направлении 950 кубометров воды ежесекундно. Вдумайтесь в это слово: ежесекундно! Если вытянуть все каналы и арыки Узбекистана в одну

Уборка хлопка в Узбекистане.

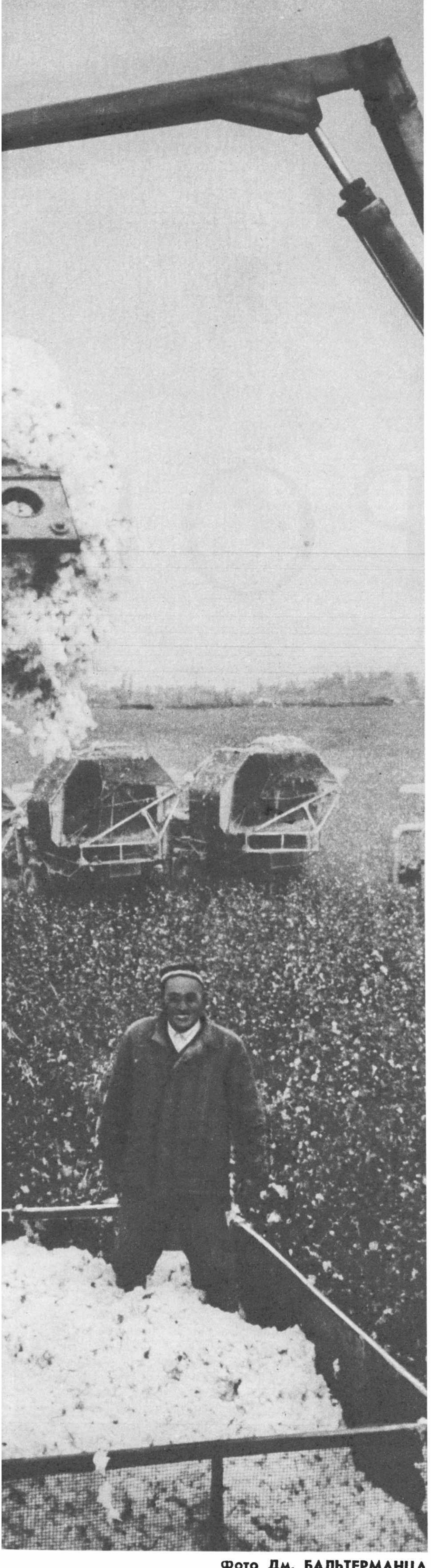

Фото Дм. БАЛЬТЕРМАНЦА.

линию, ими можно дважды опоясать земной шар.

Благодаря труду мелиораторов каждый год вступают в строй тысячи и тысячи гектаров орошаемых земель. Но это далеко не предел. Директивами XXIV съезда КПСС предусмотрено ввести в эксплуатацию в Узбекской ССР еще почти полмиллиона гектаров таких земель.

В ближайшие годы и Каршинская степь превратится в край плодородия: веками пустовавшие земли будут давать в год миллион 800 тысяч тонн хлопка! Это столько, сколько собрали хлопка по всей стране в том 1931 году, о котором шла речь в «Огоньке». Для такой прибавки урожая понадобятся бесконечные потоки поливной воды, которую мы будем брать с помощью насосных станций из Аму-Дарьи, расположенной значительно ниже каршинских земель.

В минувшем году государство получило от хлопкоробов 7,1 миллиона тонн сырца — больше, чем когда-либо прежде. Не четырнадцать тысяч тонн, как когда-то, а более четырех с половиной миллионов тонн «белого золота» дали в первом году новой пятилетки узбеки, начинавшие, по существу, с нуля.

Важно отметить и то, что хлопководство ведется ныне на иной качественной основе. Сколько может вырастить хлопковолокна один человек в наши дни? Бригада Ажихана Ескараева из чимкентского совхоза имени XX партсъезда в прошлом году так ответила на этот вопрос: 105 тонн! Это рекорд. Причем себестоимость тонны полученного сырца снижена до 137 рублей.

Высокие урожаи оказались посильными для хлопкоробов Средней Азии благодаря постоянной помощи братских республик. Со всех концов страны приезжают к нам рабочие, специалисты, мастера мирового класса. На землях среднеазиатских республик работают экскаваторы из Костромы и Коврова, бульдозеры из Челябинска, тракторы-тягачи К-700 из Ленинграда, Астрахань поставляет нам насосы, Вольск — цемент, Харьков — керамические трубы, Белоруссия и Грузия — автобусы, грузовые автомобили, Латвия — полиэтиленовую пленку, Армения — электродвигатели, Казахстан — стройматериалы... Только в адрес Каршинского магистрального канала идут подъемные краны из Красноярска, московские и запорожские силовые трансформаторы. Комплекты распределительных устройств насосных станций поставляет Чувашия. А сами насосы и синхронные двигатели к ним мы получаем с Урала.

Вот как богаты ныне техникой хлопкоробы Средней Азии!

...В том самом очерке, который мы с вами сегодня вспоминаем, «Огонек» приводит строки из книги «Земледелие Сырдарьинской области», книги, изданной за два года до Великого Октября. Автор ее, агроном Александров, тогда писал: «Можно быть уверенным, что пройдут еще многие тысячелетия, а земледельцы-дехкане будут так же ковырять землю омачом». Этому мрачному предвидению не суждено было сбыться. Прошло немногим более полстолетия, а омач и чигирь забыты навсегда. Народ Страны Советов поставил хлопководство на твердую современную основу.

К 50-ЛЕТИЮ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ ДАВИДА КУГУЛЬТИНОВА.

ДУША ЕГО СЛОВ

Он родился в славный год образования многонационального Советского государства, политработником прошел трудные пути-дороги войны, очень рано начал писать стихи, и вот теперь имя его значится в ряду всесоюзно известных литературных имен. Давид Кугультинов — поэт завидной самобытности, за последние полтора десятка лет талант его раскрылся особенно активно и впечатляюще крупно. Вышедшие на русском языке сборники калмыцкого поэта убеждающе свидетельствовали: современная советская поэзия обогатилась еще одним творцом ее. В 1967 году за прекрасную книгу стихов «Я твой ровесник» Давид Кугультинов был удостоен Государственной премии РСФСР имени А. М. Горького.

Поэзия Кугультинова взросла на плодоносной почве богатейшего калмыцкого фольклора, она и сейчас жадно питается им. Устное творчество родного народа не только легло в основание безупречной поэтики Кугультинова; мощный, из глубин истории идущий свет этого чарующего творчества придал гармоническую объемность, особую значительность всему тому, что нашел в дне текущем и выразил поэт в звучных, поющих стихотворных строках.

Вот несколько дивных слов, обращенных к родительнице-степи в пору ее весеннего цветения:

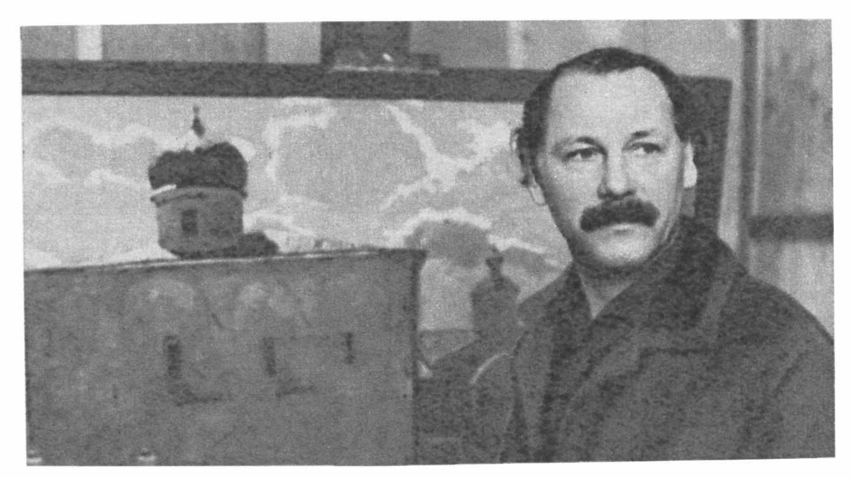
Ты — музыка, чьи звуки с давних пор
Какой-то гений, в неизвестность канув,
Переложил на живопись тюльпанов...

Литературная сказка, лирико-философские стихотворения, поэма, — пожалуй, основные жанры Кугультинова, в них он выразил свои чувства пережитого, наблюдения времени и собственное миропонимание. Но в каком бы жанре ни выступает поэт, прежде всего и преимущественно он обращает свой изучающий взор на нравственный мир личности, как правило, значительный и многообразный. Это особенно приметно, когда читаешь стихи его циклов «Жизнь и размышления» и «Душа слова». Наверное, и это также определило пристальный интерес поэта к безгранично богатой личности Владимира Ильича Ленина. Лениниана Давида Кугультинова — большое поэтическое событие, пример успешного литературно-эстетического освоения великой, благородной темы.

Талантливый калмыцкий поэт славит Человека, славит наше героическое время; как советский патриот, самые дорогие, из сердца идущие слова он обращает к социалистической Отчизне, к ее краснозвездной столице:

...И взор мой трассу точную находит
К родному краю, заново цветущему,
И верю я: через Москву проходит
Дорога человечества к грядущему.

Н. СЕРГОВАНЦЕВ

Заслуженный деятель искусств РСФСР В. Ф. Стожаров.

СТОЖАРОВ

Русская школа живописи. Неисчерпаемое, сложное и яркое явление. Со своими традициями, своими высочайшими достижениями, связанными с именами великих, всемирно известных художников. Александр Иванов, Репин, Суриков, Врубель, Петров-Водкин, Кончаловский... Творчество каждого добавляло новую, неповторимую грань! Но уже у самых истоков русской живописной школы стали заметными как бы два основные направления. Одно — тяготеющее к духовной стороне бытия, к человеческому духу. Второе — обращенное сильнее к миру материальному. Эти две равноценные, одинаково прекрасные грани русского искусства развиваются параллельно, не противопоставляясь, не умаляя никак одна другую. И даже в едином живом потоке искусства их невозможно четко выявить, потому что они взаимопроникают, совмещаются, дополняя и обогащая друг друга.

Столь же сложно, взаимосвязанно продолжают жить эти две линии и в русском советском искусстве. Однако порою одна из них проявит себя особенно полно.

Владимир Стожаров. Этот художник своим творчеством очень ярко и цельно выражает ту из двух граней, что обращена к миру вещному. Он любит мир материальный и умеет передать красоту его, выразить свою любовь к нему. Это умение остро чувствовать и воплощать в красках живой материальный мир роднит Владимира Стожарова, например, с таким глубоко национальным мастером, как Кончаловский. Глядя на созданное Стожаровым, нельзя не заметить, что именно то чувство красоты, щедрости и радостности земного бытия, которое вдохновляло его старших предшественников — Машкова, Кончаловского — и которое так мощно проявлялось в их сочном, жизнерадостном, жизнеутверждающем искусстве, стало близко идеям, составившим основу стожаровского творчества. Но Владимир Стожаров не повторил, а продолжил своих замечательных предшественников. В разделяемое им так горячо сочное, радостное восприятие мира он внес свою любовь и свои пристрастия, нашел свои темы и краски.

Традиционно русский Стожаров оказался как бы даже вдвойне таковым, потому что соединил в своем творчестве богатства от двух сокровищниц: русской школы живописи и русского народного быта, отмеченного высоким художеством.

Быть может, из-за этой удвоенной традиционности и случилось так, что на Стожарова иные смотрят, как на словно бы что-то уже бывшее, прежде виденное. Но это не так. Лишь поверхностному взгляду может представляться, что Стожаров сегодня тот же, каким был в начале пути, потому что невнимательный этот взгляд просто не успевает заметить той глубинной, напряженной работы, что постоянно идет у этого цельного и самобытного художника.

Совсем недавно было создано живописцем несколько ночных пейзажей, с какими ранее мы в его творчестве не встречались: «Ярославский кремль. Лунная ночь», «Сумерки». Поэзия, пронизывающая оба полотна, говорит, что Стожарову свойственно не только мажорное, радостное восприятие действительности и что мир, воспроизводимый этим живописцем, сложен.

Рядом с радостью живут здесь элегические настроения, а звучная мажорная нота вдруг отзовется неожиданно тихой, едва слышной нотой грусти и даже печали.

Но, меняясь, Стожаров никогда не изменяет самому себе. И это не повторяемость, не однозначность, а цельность человеческой и творческой натуры живописца.

Игорь Эммануилович Грабарь задавался как-то вопросом, что же означает новое, современное в приложении к изобразительному искусству. И протестовал против того, чтобы два эти эпитета прямо прикладывались к форме произведения.

Эти эпитеты в самом деле очень скоро отделяются от произведения, которому их в свое время придали. И что же остается, если их убрать? Остается то постоянное и непреходящее, что затронул художник в жизни и утвердил своим произведением в искусстве. Это и определяет, наверное, ценность искусства.

Зрители безошибочно чувствуют эту подлинную современность созданного Стожаровым. Они любят, знают и ценят искусство этого художника, потому что встречаются здесь с живым и точным выражением своего времени. Особенно ценно то, что не воспроизведением внешних проявлений нового воссоздан здесь облик времени. Больше того: прямых, подчеркнутых примет того, что зовем мы новым, современным, очень мало в картинах Стожарова. Но всегда есть в них главное — правда сегодняшнего дня, согретая сердцем большого художника.

Гелий КОРЖЕВ

Лет пять назад приехала в Италию группа советских художников. Был среди них и живописец Владимир Стожаров. Побывал он тогда в нескольких итальянских городах и везде увлеченно писал с новой для него, северянина, южной натуры этюды. Потом, в Москве, в мастерской, были написаны по натурным итальянским этюдам картины «Венеция. Полдень», «Рим», «Сан-Джиминьяно», «Венеция»...

Советский живописец с удивительной, редкой правдой по-своему увидел неповторимый лик Вечного города — Рима, величественные и грозные параллелепипеды башен, что высятся над городком Сан-Джиминьяно, с которых некогда на головы врагов сыпался град камней, лилась кипящая смола. Ныне у их подножий, в тесноте и каменной тени древних улиц и площадей, кипит современная жизнь, которую тоже запечатлел художник во всей характерности.

Еще когда некоторые холсты итальянской серии были в работе, на мольберте, художник принялся за цикл, посвященный древним русским городам.

— Работал я в Италии много,— рассказывает сам Стожаров.— Каждый уголок, каждый город интересен по-своему. Писал бы и писал, не отрываясь. Ан нет-нет да и придет на мысль: «Да ведь у нас не хуже». Я ведь уже тогда в скольких городах России побывал: Новгород, Ярославль, Кострома, Псков, Архангельск... Вернулся домой и скорее опять поехал — посмотреть, сравнить, этюды пописать. Когда в мастерской поставил эти этюды рядом с итальянскими моими вещами, увидел: и впрямь не хуже! Наши-то крепости да храмы, сроднившиеся с русской природой, овеянные ее красотой, даже теперь еще прекраснее мне показались. Тянутся они остриями башенных наверший и куполами к переменчивому северному небу, какого никогда не увидишь в Италии. Чуть изменилось освещение, и весь пейзаж будто возник наново. Захотелось и зрителям все это показать, донести свои чувства. Так и работал сразу над двумя сериями.

В. Стожаров. НОВГОРОД.

ВАЖГОРТСКИЕ ПРОВОДЫ ЗИМЫ.

В. Стожаров. ВЕНЕЦИЯ.

ЯРОСЛАВСКИЙ КРЕМЛЬ. ЛУННАЯ НОЧЬ.

От настоящей любви к России, от знания и понимания ее красоты возникло у художника желание сравнить и сопоставить.

Стожаровская любовь к красоте Родины зародилась давно. Внук костромских крестьян, еще в студенческие годы часто и подолгу жил художник у своей бабки Дарьи Акимовны на Волге, в деревне Закобякино, где половина народу Стожаровы... Там и раскрылись Володе смысл и красота строгого и простого русского деревенского быта, доброго и уважительного в своем укладе, уюте, сердечной открытости. А незадолго перед защитой диплома в Суриковском институте проехал Стожаров по Волге до самой Астрахани. Здесь не только нашел он тему для дипломной работы («Сверх плана» называлась эта картина о рыбаках), но и увидел во всей красе, во всем неоглядном размахе просторы необъятной страны.

Север. Может, оттого вдруг потянуло туда Владимира Стожарова, что мать его была северянка, родом из Архангельска. Вот и вышло, что однажды проложенный творческий маршрут к селам Севера стал привычным и повторяющимся.

— Помню, когда приехал впервые, дух захватило,— рассказывает художник.— Ни о чем другом и мысли не было, кроме как о том, чтобы работать — от зари до зари. Хотя по весне здесь сплошная заря... Неудержимо хотелось запечатлеть каждый кусок этого былинного края. Но ведь на это и целой жизни недостанет! Поэтому, когда пообвык, поосмотрелся, стал расчетливее: теперь уж, как приезжаю, беру не все подряд, а отыскиваю точки, где словно бы сконцентрированы самые характерные и выразительные черты нашего сегодняшнего советского Севера. Найти такую точку не просто. Бывает, что пролетишь, проедешь, прошагаешь много сотен километров, пока наконец, остановившись, не воскликнешь в душе: вот оно! И уж тут забудь про усталость. Да она и не напоминает о себе: сердце горит в работе. Я пишу, что вижу... Людей сильных, веселых, крепких сердцем, творящих жизнь своими руками. Небо, что раскинулось у них над головами,— низкое, неспокойное, неласковое. Родное. Землю — вечно остуженную, ни разу не прогревшуюся вдосталь за сотни тысяч лет! Домá, что строились в здешних местах испокон веку,— просторные, пятистенные и шестистенные, с конюшнями в нижнем этаже. Стоят себе под плоскоугольными крышами громадные срубы из смолистой сосны да ели. И ни мороз, ни бешеный ветер им нипочем. Да и те, что сегодня рядом с ними вырастают, ни в чем старшим не уступят. Только, правда, эти — новые — сразу отличишь: светлым золотом свежих бревен сияют они на фоне старых, побуревших от солнца на южных стенах и зазеленевших, темных по студеной северной стороне...

В 1951 году окончен Суриковский институт. Молодому художнику дали путевку на творческую Академическую дачу, где подолгу живут и работают многие живописцы. Но Стожаров не прожил и дня. Тут же переселился в соседнюю деревню и жил там в избе у тети Груши. Писал окрестные пейзажи, нехитрый интерьер избы. А не прошло и года — Стожаров уже в пути. Целина, плавание по Енисею, далекий Диксон, Норильск, Игарка, города и села Севера — вот его маршруты. А первые картины — «Туруханск», «В Кострому», «Ростов Ярославский» и другие — сразу же показали: в советское искусство пришел своеобычный, щедрый и очень талантливый живописец.

И с тех пор вот уже 20 лет дважды в году — весной и осенью — на два-три месяца отправляется Стожаров на любимый Север к рыбакам, лесорубам, колхозникам. Там находит свои сюжеты. Вернее, они рождаются в живом общении художника с людьми края. Вместе с ними он ходит на охоту, рыбачит, косит, вместе проводит досуг. Вот откуда появляются в его картинах та насыщенность живыми впечатлениями, та сила и глубина правды, которые так радуют и привлекают зрителей. Стожарову все интересно в жизни его героев. И веселые, шумные праздники — «Важгортские проводы зимы», «Приезд колхозников-передовиков на слет». И заботы будней — «Исады. Переправа», «Каргополь. Склады». И картины здешнего быта — «Суббота. Бани»... Картина за картиной. И перед нами встает жизнь Севера с ее завидным здоровьем, размеренным ритмом, исконными обычаями. И невольно хочется перечислить все стожаровские полотна, потому что выбирать лучшие среди них очень непросто. Ведь именно за северные пейзажи была присуждена художнику в 1968 году Государственная премия имени И. Е. Репина. Многие из них сегодня — достояние Третьяковки, Русского музея, музеев Костромы, Иванова, Калинина, Ярославля, Кирова, Волгограда, Куйбышева, Иркутска, Астрахани, Киева, Донецка... И трудно себе представить, что их не было там. Что не знали мы их, не было их у нас, не видели мы этой доброй и величавой, своеобразной красоты насыщенной жизни громадного края, пока не поехал туда наш современник, художник и не написал свои прекрасные картины.

Еще в 1956 году впервые был показан на выставке стожаровский «Хлеб». Натюрморт с разной печеной снедью, увиденной художником в просторной избе. Картина будто излучала тепло. И подолгу стояли перед ней зрители, то любуясь, то улыбаясь чему-то, то почему-то вздыхая. Видно, много чувств рождало это, казалось бы, немногословное, непространное произведение. Человек, глядя на него, невольно погружался в раздумье о жизни, о судьбах людских, о вечности понятий «хлеб», «дом», «Родина».

Потом сколько еще было написано Стожаровым его натюрмортов, без которых теперь уже словно неполной, незавершенной кажется нам экспозиция самой большой и представительной выставки. А как в них все просто!

Стол. На нем обычные вещи из деревенского быта. От названий вещей появились и названия картин: «Натюрморт с подковой», «Туеса и черная рябина», «Лен»,— воспроизведенный на вкладке номера. Последний холст из этой серии, который автор предполагает назвать «Натюрморт с квашней», еще стоит на мольберте в мастерской. Художник над ним еще работает.

Свои замечательные натюрморты Стожаров ставит долго—не день, не два, примеряется, меняет композицию, что-то вносит в нее, что-то изымает. И считает, что, «если уж натюрморт поставлен,— полдела сделано». Так как потом уж, ничего не меняя в постановке, пишет художник ее прямо в холст.

Все вещи, которые пишет в своих натюрмортах Владимир Стожаров, настоящие, подлинные. Было время — они подолгу служили людям в хозяйстве, жили общей с ними жизнью, дарили их уютом, удобством, красотой. Это, должно быть, и приносит в стожаровские изображения мертвой натуры (точный перевод слова «натюрморт») их удивительную жизненность, доброту, тепло.

Вглядитесь: на ручном ткацком станке, который украшает бревенчатую стену в натюрморте «Лен», вырезана дата: «1875». Ее поставил мастер без малого сто лет назад, когда сделал эту вещь. Художник бережно и уважительно перенес эту драгоценную и выразительную деталь в свою картину. И возникает перед нашим внутренним взором особенный и неповторимый, дорогой сердцу художника уклад жизни русских северных сел, где так удивительно дружно, в полной гармонии уживаются вековая старина и молодая новь. Искусствоведы называют эту стожаровскую способность разбудить воображение зрителя счастливым чувством исторической перспективы, чувством народной традиции.

Из каждой поездки на Север везет художник вместе с этюдами разную крестьянскую утварь: прялки, полотенца, ложки, кринки, братины, ковши, туеса, троечные колокольцы «Дар Валдая», ложки, самовары... Живописец считает их не менее важными для своей работы, чем натурные этюды. И, глядя на его картины, мы не можем с ним не согласиться. Понимаем, почему и мастерская и квартира Владимира Стожарова постепенно превратились в настоящий музей народного творчества. Одних только самоваров в нем более тридцати, и все разные. Экспонаты этого музея вдохновляют художника, учат творить красоту.

И оттого даже охотнее, чем о собственных картинах, рассказывает Стожаров об этих своих дорогих помощниках — прекрасных творениях мастеров-художников из народа. Легонько поглаживая крутобокую братину рукой, готов он каждому рассказывать:

— Глядите, как она красива. Хоть так, хоть эдак ее поверни — со всех сторон хороша, словно, вскинув голову, плывет гордая утица. Совершенная скульптура, да и только! А вот этот глиняный горшок. Долго служил он верой и правдой хозяйке, да пришло время — треснул. Тогда хозяин стянул, обмотал его узким берестяным ремнем. И вот он словно помолодел, стал краше и готов служить еще один свой трудовой век.

Это не любование эстета, это настоящая, глубокая любовь. Поэтому так органично в творчестве В. Стожарова переходят друг в друга натюрморт, пейзаж, жанровая картина. Вот почему все его полотна, посвященные Северу, не этнографические зарисовки и не поверхностный, пусть и самый восторженный взгляд стороннего наблюдателя. На них запечатлен кусок жизни целого края, то его сегодня, в котором еще живет история и уже властно хозяйничает будущее. Взгляните на вкладку: какая удивительная, живая смесь исконного и нового! Но мы сразу узнаем наше нынешнее десятилетие. Северная русская природа, конечно же, не изменилась со времен Ломоносова, художник часто пишет в своих картинах вещи, бывшие привычными нашим прадедам и даже пращурам. Но, оказывается, мы не властны «переселить» все это из стожаровских холстов ни в дореволюционное время, ни, например, в 20-е годы, ни даже в пору предвоенную. Все это современно, живет и существует именно сегодня — в те наши 60—70-е годы, когда написал художник свои картины. Даже далекая Венеция у Стожарова — тоже из этой поры: обветшалая, чуть печальная и неожиданно в чем-то суетная. Картины о Венеции словно вобрали и нашу тревогу о том, что море наступает на сказочный город...

А ведь находились и такие критики, что упрекали Стожарова в недостаточном внимании к современности. Что и говорить, конечно, в сравнении с космодромами, с которых взмывают в пространство вселенной космические корабли, например, тот «Аэродром в Кослане», что запечатлел на холсте Стожаров,— малость! Но ведь после постройки аэродрома вместо двухнедельного переезда северянам, чтобы попасть из поселка Важгорт в районный центр, стало хватать получасового перелета! Поэтому думается, что в способности видеть истинную цену таких «малостей», их глубинное родство с современной новью выразила себя народная мудрость, частицу которой вобрал художник, а еще — стожаровская доброта и человечность, умение любить людей, так полно воплотившиеся в его ярком, сердечном, талантливом искусстве.

...Готовится выставка «Художники — детям». И разве не те же черты характера — доброта, отзывчивость, душевная щедрость позвали Владимира Стожарова одним из первых откликнуться согласием на предложение участвовать в ней!

Детство самого художника пришлось на трудные годы. Когда грянула Великая Отечественная война, учеников Московской художественной школы, среди которых был и Володя Стожаров, эвакуировали на Урал, в башкирское село Воскресенское. Пришлось в эвакуации ребятам нелегко. Не хватало самого необходимого. Работой в колхозе зарабатывали на пропитание. Володя был из самых неутомимых и на поле и на этюдах. Он очень гордился тем, что ему довелось учиться у Г. К. Савицкого, сына известного художника-передвижника. И по сей день заслуженный деятель искусств РСФСР, замечательный советский живописец Владимир Федорович Стожаров, имя которого знают далеко за пределами Родины, горд, что «дедом» его в искусстве был передвижник К. А. Савицкий.

Так живут традиции.

Сегодня зрители в залах музеев и выставок подолгу задерживаются у картин Владимира Стожарова, унося чувство благодарности художнику, подвижнически работающему для того, чтобы в нашей жизни «не распалась связь времен».

Эльвира ПОПОВА

УТРЕННИЕ ЭТЮДЫ

Александр
АНДРЕЕВ

Рисунки
И. МИХАЙЛИНА.

Сафо

Последний раз я был здесь тридцать лет назад. На длинных столах среди стопок книг мягко светились лампы под бледно-зелеными абажурами. В жидких желтоватых кругах света — сосредоточенно склоненные головы, неспокойные руки на белых листах бумаги... Настороженный шелест страниц, шуршание пера по линейкам и клеткам тетрадей, робкие шаги в проходах... Здесь происходило таинство познаний.

Как и тогда, я ощутил сейчас трепетный холодок в груди и праздничную радость душевного обновления. Мы приходили сюда вдвоем — она и я. Мы получали книги и отыскивали свободные места. Где они были, наши любимые места? Кажется, вон там, в конце зала, в углу. И теперь там сидели двое — он и она... Мы разговаривали взглядами, движениями губ и рук. Несколько часов мы пребывали как бы в окружении Великих Человечества. В их обществе мы чувствовали себя маленькими и счастливыми, они насыщали нас силой отваги, мы купались в щедрости их чувств и мыслей.

На нас смотрела добрыми и усталыми глазами Мудрость. Она брала за руки и уводила в глубь веков — за драгоценностями человеческого разума. Вокруг нас бушевали невиданные страсти романтиков... Перед нашим взором открывались поля сражений, где сходились в поединке светлые рыцари свободы и правды с черными всадниками лжи и насилия... На городских площадях жаркие языки огня с ревом вели бешеные хороводы вокруг обреченных на гибель смельчаков с глазами пророков... Мы скользили по ледяному глянцу узорчатых паркетов в пышных и церемонных танцах на балу... Мы дышали сладким воздухом поэзии, шествуя под солнечными сводами Ренессанса... Она уводила нас еще дальше, за ту черту, которая носит имя Рождества Христова,— на луга Древней Эллады. Навстречу нам несся нежнейший звон кифар и возвышенные слова гекзаметров...

Склонившись над страницей — висок к виску,— мы повторяли строчки божественной Сафо: «Как дитя за матерью — я за тобой...» И я украдкой, осторожно сжимал ее похолодевшие пальцы.

Сейчас я видел тех двоих, юных. Они примолкли над страницей. У нее волосы тоже русые, длинные пряди скользили по плечам, словно шелк. И я заметил, как он украдкой сжал ее пальцы. Возможно, они только что прочитали строчку из божественной Сафо.

Неразрывна связь времен, связь человеческих сердец, скрепленных любовью поколений.

Лыжня

Она проходит вдоль изгороди. И стоит лишь отворить калитку, повернуть лыжи, и ты уже катишься по ней, по лыжне, легко и без усилий, и первые порывы ветра, еще слабые, как бы пробные, смахивают со щек теплую домашнюю дремоту, и набегает слеза.

Вскоре открывается поле, обширное и ровное, как стол, застланный ослепительной скатертью снега. Солнце, кажется, обрушило на это поле весь свой свет, по нему беснуются в сложнейших переплетениях радуги. От них ломит взгляд... Лыжня блестит, как вдавленные в снег рельсы.

Вдалеке висит березовая роща — темная туча ветвей на белых подпорах стволов. Она влечет своей загадочностью. Она заморожено притихла, полная неслышного звона. Звон этот оглушает. Каждый ствол подобен виолончели — он запоет протяжно и грустно, не поленись лишь коснуться его. Сквозь белую колоннаду стволов далеко виднеется гулкое, студеное пространство.

Из глубины вымахнула сизая белка, закачалась на жиденькой веточке, уставясь на меня черными зернышками глаз. Скрылась.

Вот от блестящего наката отделилась новая лыжня, свежая. Я свернул на нее. Из любопытства. Знакомые письмена — острым концом палки по белому насту: «Я люблю тебя!» Осторожно шел я дальше, жалея те земли, до которых не долетает сверкающее снежное серебро, где могли бы быть отчеканены те нетленные слова.

Молодые стояли под островерхой серебряной кровлей старой ели. У нее был свежий улыбающийся рот и светлые волосы, как бы вобравшие в себя розовые отблески зари, на руках — маленькие, узорчатые варежки. Он, забавляясь, взмахнул палкой и встряхнул нависшую над головой ветвь. Шурша и искрясь, потекла книзу легчайшая пыль, повисла занавесом, на минуту скрыв от моего взгляда лыжников. А когда пыль рассеялась, предстали передо мной уже седыми, запорошенными снежком... И, засмеявшись, покатились впереди меня.

Лыжня выбежала из рощи... В конце поля, на горизонте, чернел перелесок. Те двое, в ярких костюмах, уходили от меня все дальше и дальше. Что их влекло туда? Неистребимое желание узнать, что там, за темным перелеском, за горизонтом. Я мог бы ответить: новый горизонт, который повлечет их к себе с такой же силой...

Я думаю, что конец наступает тогда, когда перед взором исчезает горизонт и угасает желание узнать, что кроется за ним. Наступает вечная темнота. Рвитесь за горизонты!

Девочка

У девочки-длинноножки в платьице абажуром были косички, исцарапанные коленки, полные губки сердечком, над глазами изумленные бровки. Голос ее звенел во всех уголках сада одновременно, точно она порхала по воздуху. Ее узнавали птицы, зверушки. Они слетались на ее зов: синицы, воробьи, поползни, сойки и даже вороны. И белки. Она насыпала в кормушку, приделанную к березе, корм — пшено, семечки, сухари, орехи.

— А вам — ничего,— категорически заявляла она сорокам, которые громко бранились неподалеку.— Да, вам ничего, потому что вы нечисты на руку.— И засмеялась своему выражению: откуда у птицы руки?..— Мама, как перевести на птичий язык «нечисты на руку»? Нечисты на клюв? На лапку?

Она любила наделять друзей своих прозвищами. Знакомую синицу назвала «веретеном» за непоседливость нрава; воробья — «летуным» (наподобие —«шатунный») за то, что он, живя за наличником, никогда не сидел дома; сойку — «цыганкой» за пестрый, яркий наряд, а ворону — «губошлепкой».

«Мама» — любимое слово в лексиконе девочки. Она произносила его на все лады: и жалобно, и обиженно, и просительно, и огорченно, но чаще всего восторженно — мама!.. Однажды под вечер девочка увидела ежа. Она чуть было не наступила на него босой ногой. Еж спешил от одной елки к другой, весь в иглах, на иглах — старые листья и иголки хвои.

— Мама!— закричала девочка.— Мама, ежик! Вон он, гляди. Налей, пожалуйста, молока в блюдце, я его сейчас принесу...

Еж уложил свои иголки, как только к спинке его прикоснулись тоненькие ее пальчики. Он понял, что плохого не будет. Так произошло знакомство...

Ежик приходил каждый день в сумерки пить молоко. Он давал себя гладить, заранее укладывая свои булавки. Девочка разговаривала с ним. Еж слушал. Если молока не было, он ждал, сидя перед тарелкой, точно кот...

И в один прекрасный день ежик не явился в назначенный час. Он исчез. Девочка горевала. Она пожаловалась мне: «Знаете, у нас очень большое горе: пропал ежик. Он, наверное, погиб. Он такой неосторожный и доверчивый. Пошел, наверное, через дорогу и попал под колеса...» Молоко, выставляемое каждый день, на случай, прокисало.

И однажды в сумерки раздался радостный и пронзительный визг девочки: «Мама!» Она стояла на ступеньках крылечка и, задохнувшись от неописуемого восторга, молча показывала вниз. Возле тарелки находился ежик, а рядом с ним четыре крохотных ежика. Ежиха,

кажется, извинялась перед девочкой за вынужденное отсутствие. Она, кажется, улыбалась ей. Девочка уже занималась ежатками...

Если бы охрану природы поручили вот таким девчонкам и мальчишкам, то природа с ее птицами, зверями, с рыбой, с цветами была бы в полной безопасности. Она находилась бы под надежной защитой человеческой любви и заботы. А браконьерам не стало бы пощады.

Иллюзии

На площади у Кировского метро стоял человек в роговых очках, пожилой, интеллигентный, и продавал старые книги. Они совсем не старые, некоторым не было и года от роду, но все же побывавшие в руках, и по страницам их пробегала не одна пара глаз. Они лежали на лотке и, запыленные, выцветшие, выглядели жалкими — их никто не брал, хотя стоили они полцены. Я не хотел бы такой же участи своим книгам, разве что через двадцать лет, а то и через пятьдесят...

Старые книги я помню в лавочках у букинистов, что располагались вдоль Китайской стены. Я тогда впервые попал в Москву, мне было пятнадцать лет... Я бы нашел на том базаре все, что захотел, если бы умел разбираться в книгах. Но не умел. Зато купил там четыре тома Есенина — белые, с березками, в мягком переплете. Они и сейчас хранятся у меня. До этого стихи Есенина я лишь однажды услышал и запечатлел в сердце навсегда. Есенин!.. Не могу расстаться с мечтой написать книгу об этом удивительном явлении...

У человека, стоявшего со своим лотком у Кировских ворот, я купил небольшую книжечку, потрепанную, но знакомую,— она была написана в начале 30-х годов. Я читал ее в юности. Я помню ее до деталей, помню сцены, имена героев — они поражали мое воображение. Книги подобны звездам: звезды показывают мореплавателю путь в океане, хорошая книга ведет человека к заветной цели.

Я схватил свою книгу с лотка с такой поспешностью, что букинист посмотрел на меня поверх очков с некоторым подозрением. Я тут же начал листать ее — зная, где что написано,— перечитывал по нескольку раз... Я растерянно поглядел на букиниста, как бы спрашивая его, что же произошло. Что меня приводило в восторг? Примитивно, беспомощно, литературно малограмотно; сцены, что волновали меня, наивны... Во мне вдруг что-то отпало — отпал еще один лист с ветки. Стало даже тоскливо. И я подумал: не следует возвращаться к тому, что ушло с юностью, как не следует искать встреч с женщиной, которую знал много лет назад. Не надо разрушать иллюзий. Утраченные иллюзии не восстанавливаются.

Ожидание

Она приходила сюда, на каменный выступ, взлетевший высоко над морем, со своей скамеечкой, садилась и застывала, немолодая, печальная женщина. Темная, строгая одежда, скорбная неподвижность, безмолвный, спокойный взгляд. Рядом высился кипарис, похожий на огромное веретено, а сзади террасами уходили ввысь горы.

Казалось, горы были живыми, они жили, каждый час видоизменяясь и перемещаясь. Утром, когда всходило солнце, самый высокий гребень молодо алел и как бы приподнимался выше, к белому облаку в чистом небе, серебряные грани его сверкали, щедро раздаривая улыбки морю, людям, миру. Днем горы будто спали, глухие, недвижные, совсем реальные. К вечеру же они опять приходили в движение, расцветали сиренью, потом пламенели от заката, накаливались, точно в ущельях разжигали горны. С темнотой они словно бы встряхивали головами, рассыпали космы тумана, буклисто завиваясь, свисали вниз. В ненастье горы сутулились от тяжести облаков, сырых и плотных, что давили на их плечи.

Но женщина никогда не глядела на горы, она их будто не замечала совсем. Взгляд ее был прикован к морю. Море металось, бежало, торопясь, то в одну сторону, то в другую. Оно взмахивало ей — то ли приветственно, то ли прощально — белыми платками пены. К вечеру, когда туман, клубясь, скатывался вниз и становилось сыро, из дома, стоящего неподалеку, выходила молодая женщина с пледом в руках. Она укрывала колени сидящей, некоторое время стояла рядом с ней и возвращалась в дом. Один раз я видел из своего окна, как молодая пришла с мужем, морским офицером,— офицер был сыном пожилой женщины. Он поцеловал ее в пробор на седой голове. Они также постояли — я не слышал, о чем они говорили,— поглядели в море и тоже ушли в дом.

Я узнал потом, что во время войны женщина — жена известного художника — проводила мужа в боевой рейс. В тот день над морем, охватив полнеба, тревожно пылал закат, и она видела, как в этот пожар уходил корабль, а на нем уходил в бой ее муж, военный корреспондент, художник флотской газеты. Из похода он не вернулся. Ходили слухи, что корабль был потоплен противником, но что людей в большинстве спасли и взяли в плен враги. Теперь, когда над морем горел закат, женщину охватывало волнение, она невольно прижимала руки к груди, где сердце — оно болело от тоски, от воспоминаний.

Женщина все еще ждала, надеясь на чудо. В ожидании живет надежда. В надежде — глубоко, глубоко — бьется родничок жизни. Пока человек надеется на лучшее, он живет.

Перевал

Дорога вьется среди гор, по краям ущелий, петляет, огибая подъемы и крутые спуски, и кажется иногда, что ты идешь по узенькой ступеньке: слева каменные скалы нависают тяжелым карнизом, вскинешь голову и видишь, что скалы эти, упираясь в небо, держат на своих плечах голубой свод неба, к вершинам гор прилепились белые облака — зацепились и не могут оторваться, ветер полощет их, надувает, точно паруса, и думается, что скалы стронутся сейчас с места и поплывут невесть куда. Горы отзывчивы и чутки. Крикнешь, и гора, подставив каменные ладони, поймает твой голос, перекинет его своей соседке, та — своей, и пойдет он гулять по каменным гребням, пока не попадет в глубокий каменный карман ущелья, откуда ему не вырваться...

А пропасть — вот она, рядом, дна ее не видно, оно скрыто тьмой, и лишь по глухому бормотанию, доносящемуся оттуда, догадываешься, что там, внизу, идет своя жизнь, там, прыгая по камням, бежит поток. Ущелье дышит сыростью и тревогой. Берет любопытство: откуда там поток, где он берет свое начало? И тебя влечет вперед эта загадка. Она придает силы, нетерпение охватывает тебя. Она начинается на перевале, а до перевала еще очень далеко — к нему идти да идти, все поднимаясь и поднимаясь. А сердце все тяжелее, ноги уже не так упруги, и в коленях покалывает боль. Усталость сковывает движения. И многие, очень многие, не достигнув перевала, выдыхаясь, останавливаются на пути, довольствуясь малым... И они никогда не увидят чуда — потока, падающего с кручи в пропасть. Водопад как бы ворсистый от брызг — попадая в солнечные лучи, брызги горят, плавятся, образуя радужный круг... А вот и сам перевал — рубеж, доступный выносливым и смелым. Отсюда открывается равнина, осиянная солнцем, исхлестанная дорогами — иди по какой хочешь, выбирай.

В жизни каждого человека свой перевал. В творчестве тоже. Его обязательно нужно достигнуть. И лучше подниматься на перевал в молодости... Я еще не взошел на свой заветный перевал, но уже слышу, как над головой полощутся облачные паруса...

Журавли

Подмосковные березовые рощи запылали оранжевым огнем. Оно нестерпимо и текуче, это оранжевое пламя. Оно охватывает лесные пространства все шире и шире, и кажется, не будет конца этому палу, и не было таких сил, чтобы загасить этот пожар. Ступала по земле осень, яркая, шумная, зрелая, познавшая жизнь, ее мудрость. Шурша желтым широким сарафаном, она щедро сыпала под ноги людям вороха листьев свежей золотой чеканки. Сквозь лимонную желтизну кленов проглядывали гроздья рябины, ягоды шиповника, калины, зерна каприфоли...

Осень прощалась с людьми, грустно улыбаясь, взмахивая желтой косынкой. Она обещала вернуться и привести с собой юную свою дочь — зеленую, в цветах, Весну, окруженную стаями птиц. Как должна быть прекрасна и добра наша сторона, если птицы, большие и малые, перезимовав в теплых краях, вновь возвращаются к родным очагам, чтобы здесь познать великое счастье любви, обзавестись семьей — полдюжиной горластых и прожорливых птенцов. Серенькая, грациозная трясогузка гуляет по дорожке сада, колышется ее длинный и плоский хвост, ловко ловит на лету комариков, мошек. Крошечная, с красноватой грудкой зорянка, доверчивая и искусная, свивает гнездо в обросших мохом корнях жасмина, прямо на глазах людей, не допуская мысли, что гнездо ее кто-то тронет. Застучали на весь лес неутомимые работяги-дятлы в маскарадно пестрых одеяниях. В отдалении тосковала в одиночестве кукушка, самая несчастная из птиц, потому что бездомная. На коньке своего домика, трепеща черными в крапинах крыльями, перебирал звуки скворец, добиваясь расположения своей своенравной подруги. А по ночам, до самого рассвета, разбойничали в густых зарослях соловьи, резали утреннюю свежесть пронзительным, в дюжину голосов, свистом. Каждый звук их был настолько отгранен, отшлифован, что казался осязаемо выпуклым и тяжелым, как драгоценный камень. Леса и сады принадлежали птичьему роду... За лето каждая семья обзавелась потомством: выкормила, воспитала, научила летать — подготовила к дальней осенней дороге.

И вот эта пора наступила. Небо поблекло, выцвело за лето. Облака на нем растянулись в длинные, жидкие волокна, и лучи солнца, пробиваясь сквозь них, выглядели худосочными, едва теплились. И по лесам печально шумел листопад. И тогда сквозь этот шум донеслись с высоты едва уловимые прощальные клики журавлей. Я запрокинул голову, глядя в небо. Журавли, должно быть, только что снялись с ближних болотистых низин, летели двумя полукружиями, еще не построив строгого порядка для движения. Я помахал им шляпой, желая благополучного пути. Вожак, видимо, дал команду, и один из журавлей, молодой и сильный, стремительными кругами спустился вниз, пролетел мимо, и я, казалось, почувствовал, как он коснулся меня крылом, оставив неизгладимую отметину на моем лице — на память.

Провожая журавлиный клин в дальний путь, я позабыл, что они на своих крыльях уносили еще один год моей жизни. Но, сознавая это, я все равно буду ждать их весной — они прилетят, чтобы осенью сделать на моем лице еще одну отметину...

ДРАМАТУРГИЯ ПОИСКА

Надежда КОЖЕВНИКОВА,
Сергей АБРАМОВ

...Недавно на телеэкраны вышел фильм «Следствие ведут знатоки» Ольги и Александра Лавровых в постановке В. Бровкина. «Следствие по делу» — написано в титрах одной из серий. Уточним это определение, потому что оно связано с самим стилем этих передач — деловым, спокойным, тактичным.

Именно дело становится основой каждой серии — и как документ и как профессиональный термин. И как понятие нравственное — работа, которой посвящена жизнь героев передач из этой серии.

Их трое: майор Знаменский (Г. Мартынюк), майор Томин — повышение его в звании произошло на глазах телезрителей (Л. Каневский), эксперт Кибрит (Э. Леждей).

Зритель наблюдает за ними только в рабочей обстановке. И только в процессе работы проявляются образные детали, особенности характеров героев, их привычки и склонности. Но такая ограниченность места действия не тяготит, не наскучивает. Для Знаменского, Томина и Кибрит работа есть главная часть их жизни. Именно в работе с наибольшей полнотой раскрываются человеческие качества. Отношение к работе — как стержень личности — становится одной из основных тем передачи, хотя обаяние героев, то, чем они особенно привлекают зрителей,— еще и в богатстве живых деталей, своеобразии, талантливости натуры.

Павел Знаменский добросовестен, строг. И по контрасту с его суровостью неожиданно трогательна та доверчивость, с какою он готов поверить человеку, поддержать его, найти хотя бы проблеск хорошего в людях совсем не безупречной репутации... А Томин с его манерой слегка подсмеиваться над собой и окружающими, за которой зритель начинает различать надежность, а порою застенчивость и смущенность...

От серии к серии герои передачи обрастают новыми жизненными подробностями. Яснее становится телезрителям их человеческий, нравственный облик, крепнет доверие к ним. И это очень важно. Центральный герой многосерийных произведений непременно должен завоевать симпатию зрителя, ибо за ним закрепляется общее внимание, в нем обещание оправдать интерес...

Однако основой сюжета передач этой серии по-прежнему остается дело, следствие, которое они, знатоки, ведут на наших глазах.

Вместе с развитием судеб героев растет и совершенствуется мастерство авторов, оттачиваются стиль и манера.

Диапазон работы знатоков широк. От выяснения личности агента иностранной разведки («Ваше подлинное имя?») до раскрытия подпольного «предприятия» («Повинную голову...»). И каждый раз метод расследования становится иным. Он меняется в зависимости от «объекта». Но в этих разных методах сохранен один стиль — деловой, серьезный, без дешевых эффектов.

Вниманию зрителей предлагают «дело», не разгаданное еще, но и не нарочито запутанное, не классический детектив. Перед нами процесс кропотливой работы, будничной, идущей изо дня в день...

Два человека сидят друг против друга — следователь и обвиняемый. Один прячется, другой ищет. Один запутывает следы, другой вот-вот настигнет его... Кажется, нет никаких особых драматургических эффектов — ни погони, ни стрельбы, напротив, статичность.

Однако за внешней статичностью — напряженное внутреннее действие, за кажущейся будничностью — драматизм. Идет бой, борьба мировоззрений, причем один действует открыто, другой маскируется... Авторы передачи не предлагают легкой победы своим героям. Противники их — люди не простые, не поддающиеся мгновенной разгадке. И характеристики им даются в ходе самой беседы, в репликах, порой весьма остроумных, помогающих зрителю самому, без подсказки разбираться в происходящем, увидеть истинное лицо человека.

В этом — секрет успеха «Знатоков».

Артисты Л. Броневой и Г. Мартынюк в фильме «Следствие ведут знатоки».
Фото Б. Вдовенко.

А. Титов и Л. Боброва в сцене Будулая и Насти.
Фото Ю. Зенковича.

МЫСЛЬ И СТРАСТЬ

Н. ЛЕЙКИН

Ключевые направления нового спектакля — «Костры Будулая» — на сцене Московского цыганского театра «Ромэн» точно избраны постановщиком С. Барканом и режиссером Э. Эгадзе для того, чтобы передать самый дух интереснейшего литературного первоисточника — повести Анатолия Калинина, раскрыть красоту и значительность ее персонажей.

Не будем сетовать на неизбежные потери инсценировки (С. Баркан и В. Рыжова), порадуемся тому, что глубокие, исполненные душевного благородства образы: цыган Будулай, русская колхозница Клавдия Пухлякова, молодая цыганка Настя, сестра покойной жены Будулая, и другие герои — обрели в театре живое, полнокровное воплощение.

Действие спектакля развивается в двух планах. Фрагментами, словно высвечиваясь лучом памяти из прошлого, проходят воспоминания бывшего фронтовика Будулая о том, как после войны искал он — и нашел в донских степях — могилу загубленной гитлеровцами жены своей. Нашел и сына Ваню, выращенного Клавдией Пухляковой... О том, как не решился открыть Ване Будулай, что он — его отец, и как ушел из хутора, дабы не разрушить сложившуюся семью Клавдии, не причинить незаслуженную боль ей, женщине, подобравшей в огне войны Ваню — крохотное, беззащитное существо и заменившей ему мать...

Первый же, основной план спектакля — это сегодняшняя история Клавдии, Будулая и Насти. В этой истории драматично сталкиваются отношения героев: любовь к Будулаю Насти, которая вместе с ним работает в донском совхозе, и Клавдии, отправившейся на поиски Будулая... Но мы видим еще и скрытую любовь самого Будулая к Клавдии, ставшей матерью для его родного сына... Глубоко в душе таит Будулай, борясь с самим собой, это чувство.

Старая мудрая цыганка, однажды встретившаяся у ночного костра Будулаю в его скитаниях, сказала ему: «Не все то лучшее, что хорошо только тебе одному. Лучшее то, что и для других лучшее».

Именно этим высоким нравственным принципом руководствуются в своих поступках, в проявлении своих чувств и сам Будулай и Клавдия. Именно отсюда их душевность, деликатность, такт, их обостренное сознание ответственности за судьбы людей... К пониманию этой же истины приходит в конечном счете и Настя. Она обретает силы отказаться от Будулая, становится преданной женой любящего ее Михаила Солдатова (Е. Максименко).

Сильные, цельные натуры современников, крупные, незаурядные личности раскрывают в этих ролях талантливые актеры театра «Ромэн».

Будулай — А. Титов и Клавдия — О. Петрова ведут тему нравственной и гражданской зрелости человека, привлекая прежде всего горделивым природным достоинством, моральной стойкостью, мужественной сдержанностью... Настя Л. Бобровой, напротив, сама страсть, вихревой, неудержимый, обжигающий порыв. Хотя и она тоже по-своему горда и мужественна. Мы видим это и в ее самозабвенной, огневой пляске-признании во время объяснения с Будулаем в ночной степи и в ее отчаянном, бурном танце-прощании...

Прекрасна и чиста Настя Бобровой в этих сценах... Темпераментно и вместе с тем тонко, одухотворенно доносит актриса и переполняющую сердце страсть, и нежный лиризм, и горькую самоотверженность умной, решительной девушки.

Танцы, песни, музыка органически входят в драматическую ткань спектакля (композиторы И. Шахов и А. Нестеров, балетмейстеры И. Хрусталев и А. Колесников). И не только потому, что музыкальность — специфика цыганского театра. В данном случае музыкальная форма представления уместно отвечает сложным психологическим коллизиям, философичности содержания, способствуя наиболее полному романтичному выявлению чувств и переживаний героев. Это же можно сказать и о поэтичных степных пейзажах, являющихся частью декорационного оформления (художник О. Арутюнян).

Но «Костры Будулая» — это не одна лишь история любви героя. Тема поисков личного счастья неразрывно переплетается с темой труда, жизни цыган в условиях советской действительности, в братской интернациональной семье народов.

Продолжив на своих подмостках бытие героев повести Анатолия Калинина, театр «Ромэн» пополнил свой репертуар интересным спектаклем о людях наших дней, об их душевной красоте.

ЧЕЛОВЕК И ЗЕМЛЯ

Иван **СТАДНЮК**

Кадр из фильма «Русское поле».

Уже одно это название — «Русское поле» — почему-то заставляет твое сердце дрогнуть; твоя мысль непроизвольно устремляется в глубины истории, а в душе вдруг начинают звучать знакомые строки и строфы о поле, написанные в разные времена и разными художниками... «Русское поле» — так назвали картину, поставленную на киностудии «Мосфильм», автор сценария Михаил Алексеев и режиссер-постановщик Николай Москаленко. Видимо, точнее и не назовешь это песенно-поэтическое сказание о Волге в ее летней межени, о людях, которые живут на ее берегах и трудятся на необозримых — то равнинных, то в промоинах и музгах — приволжских землях, щедро дарящих урожаи в ответ на нелегкий крестьянский труд.

Ничто так не обжигает человеческое сердце, как истина. И ценность каждого художественного полотна мы определяем в первую очередь степенью его истинности, а потом уже иными критериями. И «Русское поле» в этом смысле покоряет зрителя той значительной и очевидной правдой, той незамутненной истинностью, в которых заключена вся, будто и не сложная, но и не простая философия жизни людей, на коих лежит обязанность накормить, напоить, обуть и одеть великое множество всех тех, кто занят иным созиданием.

Я бывал на землях, где живут алексеевские герои. Вспоминаю людей, ставших прототипами персонажей фильма «Русское поле». Поэтому мой разговор о них может оказаться несколько пристрастнее, чем полагается в суждениях о картине, появившейся на экранах. Тем не менее хочется мне сказать, что автор сценария, известный советский писатель Михаил Алексеев, остается в фильме, как и в своих прозаических произведениях, верным строгой любви к хлеборобам. Он еще раз средствами искусства выразил уважение к их чувствованиям, утверждая, что все люди страдают или радуются, испытывают боль или счастье одинаково, кем бы ни были они в своей жизненной юдоли. И весьма приятно отметить, что режиссер-постановщик Н. Москаленко и главный оператор Ю. Гантман в значительной степени постигли исходные позиции алексеевского творчества и успешно разделили их в своей кинотрактовке сценария «Русское поле».

Не желая лишить читателя возможности самостоятельно разобраться в драматургии «Русского поля», не буду вдаваться в пересказ содержания фильма. Однако замечу, что зрителю не придется особенно затруднять себя разгадыванием каких-то хитросплетений сюжета. В киноповествовании при всей многолюдности некоторых эпизодов и сцен мы выделяем всего лишь несколько персонажей, чьи судьбы нас глубоко волнуют. Эти персонажи так или иначе связаны с судьбой главной героини фильма, наиболее заинтересовавшей нас, Федосьи Угрюмовой. Роль эту весьма достоверно сыграла Нонна Мордюкова, безошибочно использовав в лепке характера Федосьи многообразие ярких, психологически контрастирующих красок.

Покинутая мужем, еще молодая женщина, колхозная трактористка Федосья Угрюмова хочет оградить сына от жалости к себе; она не выдает своих страданий, но и не старается изобразить на виду у любопытствующих бабенок этакое безразличие... Забота о земле, порученное ей дело — вот, кажется, и все, чем заняты ум и сердце Федосьи. И пусть люди догадываются о сердечных муках и бессонных ночах — никто не увидит ни слез на ее глазах, ни кричащей тоски во взгляде. И уже в полную меру проявляется сила натуры русской бабы Федосьи Угрюмовой, когда гибнет в военном пограничном конфликте единственный ее сын Филипп... Многое скажут зрителям лицо, глаза Мордюковой — Угрюмовой... Нет предела ее печали, измерены все глубины материнских страданий... Но она, как всегда, занята делом — пашет землю... В это время на поле появляется весело настроенная туристская группа иностранцев. И вот диалог.

Переводчик: Мисс Уоллес просит покататься на тракторе.

Федосья: На тракторах не катаются, на них землю пашут.

Переводчик: Почему вы работаете на тракторе? Разве у вас не хватает мужчин?

Федосья: А разве это тайна, почему у нас не хватает мужчин?

...Переводчик: ...Разве это женское дело?

Федосья: А разве это не женское дело — хлебом накормить детей досыта?..

Одни лишь эти слова Федосьи—свидетельство понимания бед и болей, оставшихся в наших деревнях и селах после давно отшумевшей войны, стремления создателей фильма показать истоки и нынешнего трудового энтузиазма советского колхозного крестьянства, особенно молодежи...

Рядом с Н. Мордюковой превосходно сыграла роль Марии, Фениной подруги, Инна Макарова, очень точно передав чувства женщины, когда-то покинувшей землю в надежде на более легкую долю, а затем испившей горькую чашу заблуждений и ошибок, победившей самое себя и возвратившейся в родное село.

Хочется оградить актрису Людмилу Хитяеву, исполнительницу роли Наденки, умыкнувшей мужа у Федосьи, от нападок критика Е. Демушкина, которому кажется, что Л. Хитяева и авторы фильма не стремились сделать этот образ сколько-нибудь сложным, многогранным. Зряшние претензии... Л. Хитяева с присущей ей искренностью изобличает свою героиню, а Зоя Федорова, превосходно играя Матрену, тетку Наденки, еще раз показала силу своего дарования, дополнив наше понимание Наденки своим отношением к ней. Мне думается, вполне достоверно играет Леонид Марков роль Авдея... Нельзя не сказать похвальных слов и в адрес молодых актеров: Владимира Тихонова (Филипп Угрюмов), обаятельных Нины Масловой (Нина) и Людмилы Гладунко (Таня).

Новые актерские краски обнаруживает Вячеслав Невинный; в «Русском поле» он строит свою роль чуть гротескно, вызывая у зрителя сочувственную улыбку и доверие. Его Федченков — управляющий объединением «Сельхозтехника», а не директор МТС, как утверждает тот же критик, не зная, видимо, что МТС давно ликвидированы, а объединение «Сельхозтехника», если объяснять упрощенно,— это своеобразные магазины, где колхозы покупают в определенном порядке необходимую им технику... В фильме происходит жанровая сценка на территории «Сельхозтехники», ее задача — выявление характеров и взаимоотношений. А критик принял ее как попытку решать проблему механизации села.

Известно, что к любому фильму и среди зрителей и среди профессиональных кинокритиков есть разные подходы, разные критерии оценок. Более же всего ломают копья в спорах о режиссуре... Но если говорить о режиссуре «Русского поля», то в ней, на мой взгляд, очень много поучительного для других мастеров кино. Взять хотя бы эпизод проводов новобранцев в армию. Будто и нет ничего тут особенного: река, берег, цветы, памятник погибшим героям, оркестр... Ребята-новобранцы качают председателя колхоза Леонтия Сидоровича, надевшего все свои ордена и медали. Здесь Федосья, Авдей, их сын Филипп, девушки, парни, Наденка... Толпа направляется к парому — с песнями, частушками, плясками... Будто ничего особенного, а у тебя спазм в горле... В эти минуты с экрана как бы смотрят в зрительный зал история и современность, судьба народа, победившего в жесточайшей войне с фашизмом и напрягающего все силы сейчас, чтобы не допустить новых военных потрясений; ты будто ощущаешь скорбь солдатских вдов и солдатских сирот; воочию видишь любовь к оплоту мира — Советским Вооруженным Силам; видишь гордость матерей и отцов, чьи сыновья идут служить под прославленные боевые знамена...

А ведь никаких особых слов не звучит с экрана. Только мозаика кадров, жанровых сцен, выливающихся в прекрасную песнь, волнующую до слез. Именно песнь!.. И это сила, это победа режиссуры... Хорошо, когда ты видишь крупным планом человека и прослеживаешь его судьбу. Но еще прекраснее, когда ты ощущаешь крупный план образа народа, его характер. Именно этим отличается режиссура Н. Москаленко. За судьбами героев, за событиями, происходящими на фоне великолепно снятых пейзажей (здесь пейзаж — действующее лицо!), встает образ жизни людей, населяющих русские просторы; характер той части народа, которая именуется советским крестьянством и живет не только в России, но и на землях других социалистических республик.

Ко всему сказанному нелишне добавить, что фильм весьма масштабно показывает, как разительно изменилась картина бытия советского крестьянства, в чем суть нового родства сегодняшних крестьян с землей. Уже нет вопроса, любят или не любят крестьяне землю, ставшую общей, колхозной или совхозной. Мы видим и ощущаем эту любовь. Мы воочию видим на экране, что родилась несравненно иная, новая поэзия общения человека с землей, поселившись в сердцах тех парней и девушек, тех мужчин и женщин, кому стали подвластны мудрые и сложные машины. Их любовь к машинам, их ощущение своей власти над моторами, их прямая и непосредственная причастность к таинствам плодородия земли стали сущностью этой новой поэзии. И очень радостно, что создатели «Русского поля» щедро показали все это зрителю.

ДВА ЛИЦА АМЕРИКАНСКОГО

А. ВАСИЛЬЕВ

23 ноября 1971 года восемь видных сенаторов, представляющих руководство как республиканской, так и демократической партии в конгрессе США, нанесли визит государственному секретарю Роджерсу. Нечасто столь представительные делегации с Капитолийского холма посещают седьмой этаж светло-серого здания внешнеполитического ведомства США, расположенного в части Вашингтона, издавна называемой «Туманным дном». И еще реже о таком посещении не ставится заранее в известность вездесущий корреспондентский корпус при государственном департаменте.

Тем не менее цели этого визита стали позднее известны. Законодатели практически в ультимативной форме потребовали немедленного возобновления поставок Израилю сверхзвуковых истребителей-бомбардировщиков типа «Ф-4 Фантом». Позиция госдепартамента заключалась в следующем: необходимое оружие Израиль получит, однако открытое объявление о таких поставках в данное время помешало бы проведению задуманной на «Туманном дне» очередной дипломатической комбинации в районе Ближнего Востока. Но эта позиция не устраивала визитеров. Один из сенаторов даже пригрозил Роджерсу, что будет жаловаться на него Белому дому. На этой ноте встреча фактически закончилась. А уже 30 декабря из правительственных источников просочился слух о том, что решение о возобновлении поставок Израилю «Фантомов» принято.

Итак, потребовалось всего лишь 5 недель, чтобы тактика Вашингтона претерпела сдвиг явно вопреки планам, лелеявшимся на 7-м этаже госдепартамента. Значимость подобного сдвига станет понятной, если учесть сообщения американской печати о том, что нынешний государственный секретарь рассматривает официальную ближневосточную политику США как свой собственный, подконтрольный лишь ему удел.

Последняя глава в истории с «Фантомами», которые американская печать называет «симбиозным символом» военного сотрудничества между Вашингтоном и Тель-Авивом, вскрыла прежде всего усиливающуюся роль израильского лобби в столице США.

Восьмерка законодателей могла стучать кулаками. За главными толкачами маячили 78 сенаторов и 251 член палаты представителей, поставивших подписи под резолюцией, требующей от правительства дополнительных поставок «Фантомов» Израилю. Конечно, многие законодатели рассматривают Израиль как форпост США на Ближнем Востоке, как стража американских нефтяных и иных интересов в этом районе мира. И все же для того, чтобы голосование дало такие результаты, должен был быть весьма искусный и влиятельный организатор и координатор кампании по подготовке проекта резолюции и мобилизации сил в Капитолии в его поддержку. Для старожилов Вашингтона не составило большого труда установить, кто был движущей пружиной последней кампании. «Кампанию координировал Исая Л. Кенен»,— пишет весьма осведомленный в закулисных вашингтонских делах еженедельник «Нэшнл джорнэл» в номере от 8 января сего года.

Кто же такой Исая Кенен?

Этот 67-летний, слегка лысеющий человек с аккуратно подстриженными усами впервые появился в Вашингтоне в 1943 году в качестве директора-распорядителя Американской еврейской конференции (АЕК). До этого он сумел создать себе имя в сионистских кругах Америки, работая журналистом в крупном индустриальном центре США — Кливленде. В 1947 году Кенен покинул АЕК и всплыл в роли секретаря по вопросам печати Еврейского агентства в Нью-Йорке, которое представляло «еврейские интересы» в Организации Объединенных Наций. Позднее Кенен получает официальный ранг пресс-аташе израильского представительства при ООН.

В начале 50-х годов Кенен вновь перебирается в Вашингтон и разворачивает кампанию давления на правительство с целью расширения экономической и военной помощи Израилю. В тот период он еще официально регистрировался как лоббист — агент Израиля.

Вместе с другими тель-авивскими лоббистами Кенен создал тогда же Американский сионистский совет, который в 1959 году сменил вывеску на более респектабельное название—Американский комитет по общественным связям с Израилем (АКОСИ). Кенен занимает сейчас в нем пост вице-президента, руководя практически всей его деятельностью. Одновременно он выпускает еженедельный бюллетень «Ниэр ист рипорт» («Ближневосточные новости»). Этот бюллетень бесплатно рассылается всем сенаторам и конгрессменам. В нем с произраильских позиций толкуются любые события на Ближнем Востоке, ведется настойчивая и изощренная кампания в пользу дальнейшего расширения американской помощи Израилю, в частности активизации сотрудничества в военной области, а также публикуются всевозможные антисоветские вымыслы.

Кенен говорит мягким голосом, обходителен, он сама респектабельность. Ему создана слава крупнейшего знатока любых вопросов, связанных с Израилем. «Многие, многие люди,— говорит он,— хотят получить от нас идеи. Тот или иной сенатор, работая над проектом речи, может позвонить мне. Мы занимаемся интерпретацией, разъяснениями и подготовкой документов, ложащихся в основу политики. Я думаю, что на Капитолийском холме видят, что фактически это не давление».

Конечно, было бы удивительным, если бы такой мастер закулисных интриг открыто признал, что пытается оказать давление на членов высшего законодательного органа США, а через него на официальную исполнительную власть. Но если послушать Кенена дальше, то все становится на свои места. В порыве откровенности он как-то рассказал:

«Когда возникает трудная ситуация, я посылаю инструктивное письмо примерно 700 лицам, которые, в свою очередь, вступают в контакт с национальными и местными руководителями еврейской общины Америки, а также с вашингтонскими деятелями. Я могу также вызвать их к себе в контору, чтобы насторожить в отношении того, что происходит, и потребовать от них принять все возможные меры. Например, в случае, если какие-то сенаторы не подписали необходимый документ, я прошу сделать в отношении этих сенаторов все возможное».

Был такой случай. Лидер республиканской партии в сенате Хью Скотт дал указание своему помощнику подготовить выступление по Ближнему Востоку. «Похоже на то, что именно это нам нужно»,— похвалил Скотт своего помощника, получив проект выступления. «Однако,— добавил он,— на всякий случай почему бы вам не проконсультироваться еще с Си?» «Си» — это Исая Кенен для наиболее близких его друзей в Вашингтоне.

Влияние «Си» объясняется тем, что он все больше играет роль координатора интересов крупнейших сионистских и еврейских организаций США в Вашингтоне. Назовем лишь некоторые из них. Это самая многочисленная организация Бнай Брит, насчитывающая более полумиллиона членов, это Американский еврейский комитет, «Евреи — ветераны войн», Национальный совет еврейских женщин и другие. «Возглавляемый Кененом АКОСИ,— пишет еженедельник «Нэшнл джорнэл»,— это группа, под зонтом которой еврейские организации лоббируют в Вашингтоне во имя Израиля».

С другой стороны, известны теснейшие связи Кенена с тельавивским руководством. Обращает на себя внимание, в частности, тот факт, что предпринятой им кампании на Капитолийском холме в пользу возобновления поставок Израилю самолетов «Фантом» предшествовала его встреча в октябре 1971 года в Тель-Авиве с Голдой Меир. После этой поездки он прямо намекнул, что ему придется действовать засучив рукава, дабы добиться сдвига в тактике государственного департамента, касающейся поставок «Фантомов».

Во многом благодаря усилиям американских сионистских кругов правительство США, несмотря на все свои заверения о стремлении проводить на Ближнем Востоке сбалансированную политику, резко увеличило военную помощь Израилю. В одном только минувшем 1971 году американские поставки достигли астрономической цифры в 600 миллионов долларов, что более чем в 7 раз превышает сумму наибольших ежегодных поставок предыдущей администрации Джонсона. В 1970/71 и 1971/72 финансовых годах правительство и конгресс США выделили Израилю около 900 миллионов кредитов на

СИОНИЗМА

самых льготных условиях, которые не предоставляются другим государствам. Пентагон, со своей стороны, пошел на продажу Израилю самолетов по пониженным ценам. Один из представителей республиканской администрации признал, что «в Израиль идет фактически непрерывный поток оружия». Кроме поставок самолетов, танков, артиллерии, самых современных средств ведения электронной войны, США начали оказывать помощь в налаживании выпуска оружия по американским лицензиям на территории Израиля. Все это позволило израильскому послу в Вашингтоне генералу Рабину неоднократно заявлять, что ни одна предыдущая американская администрация не сделала для Израиля столько, сколько нынешняя.

Но это совершенно не означает, что у Израиля нет верных друзей среди лидеров демократической партии. Во всяком случае, все претенденты на пост президента от демократической партии в нынешней предвыборной кампании неоднократно выступали с требованиями еще больше расширить военную поддержку Израиля. Небезынтересно отметить, что одному из них, сенатору Генри Джексону, американская печать приписывает сомнительную славу главного законодателя, обеспечившего благодаря искусным парламентским маневрам принятие конгрессом резолюции о предоставлении Израилю военных кредитов на сумму в сотни миллионов долларов.

О почтении, с которым относится к демократам израильский посол в Вашингтоне, свидетельствует хотя бы такой факт. Генерал Рабин, как рассказывают, серьезно думал о продаже своей резиденции в Вашингтоне, поскольку она стоит на пригорке и одному из лидеров демократов в палате представителей, 83-летнему кумиру американских сионистов, Эммануилу Целлеру, было не под силу взбираться по ступенькам, чтобы пообедать у посла.

Сионистское лобби в Вашингтоне придает колоссальное значение также работе со средствами массовой информации США. Оно вкупе с израильским посольством добилось того, что из каждых семи редакционных статей в американской печати, посвященных ближневосточному кризису, шесть написаны с явно произраильских позиций. Во время последнего визита Голды Меир в США для нее были устроены не только официальные пресс-конференции и выступления по телевидению. Она встретилась в неофициальной обстановке за ланчем с ведущими вашингтонскими обозревателями и руководителями столичных бюро различных органов печати. Владельцы трех крупнейших телевизионных корпораций дали в ее честь неофициальный обед, на котором присутствовали практически хозяева всех наиболее значительных средств массовой информации. Кроме того, она в частном порядке встречалась с редакторами газет «Нью-Йорк таймс», «Вашингтон пост», журналов «Ньюсуик» и «Тайм».

Руководители сионистских организаций внимательно следят за содержанием и тоном американской печати. Стоит лишь, отмечает вашингтонский обозреватель Роулэнд Эванс, появиться где-либо статье, которая может рассматриваться как антиизраильская, как происходит невообразимое: со всех концов страны в газету начинают поступать критические письма, но чувствуется, что они направляются одной «невидимой» рукой, так как и содержание и формулировки в них одни и те же. И это постоянная практика, добавляет Эванс.

Но, конечно, дело не только в письмах. Они скорее играют роль прикрытия, маскировки: на них всегда удобно сослаться в оправдание произраильской линии большинства средств массовой информации, в которых роль первой скрипки играет капитал еврейской монополистической буржуазии США. Без поддержки средств массовых коммуникаций становится все труднее получить любую, даже маленькую выборную должность в США. Если же добавить, что капитал, стоящий за международным сионизмом, не скупится на средства, когда речь идет о финансировании кампании по выборам президента и конгрессменов, то становится ясной его «формула успеха»: доллары, пропагандистская шумиха, «идеи» в виде готовых речей, бесплатная реклама в газетах и т. д. И все это окупается тем, что на ключевых местах в Капитолии оказываются «свои люди» — свои для американских сионистов и для израильского посольства в Вашингтоне. Ибо, как говорит Исая Кенен, «израильские дипломаты аккредитованы не только при правительстве США, но также, по существу, и при американской еврейской общине».

Рассказ о «респектабельных» методах работы американских сионистов можно было бы продолжить. Но пора сказать и о других методах их действий. Открытые угрозы, нападения, поджоги, убийства — такие следы оставляют за собой в последние годы американские сионисты из небезызвестной «Лиги защиты евреев» (ЛЗЕ).

Несколько слов о лидере ЛЗЕ, Меире Кахане. Сын и внук раввинов, он с детских лет пристрастился к черносотенным идеям и повадкам сионистского экстремизма. «Мой дом,— говорил его папаша Чарльз Кахане,— всегда был местом сионистской деятельности». Из воспоминаний Кахане-старшего всплывает любопытная деталь: на воображение Меира, которому в то время следовало больше интересоваться детскими играми, произвело неизгладимое впечатление посещение их дома покойным ныне лидером сионизма В. Жаботинским, «предвосхитившим», как теперь ясно, более позднюю идеологию корпоративного фашизма. Портрет Жаботинского, основателя тайной террористической организации «Хагана», красуется в кабинете М. Кахане в штаб-квартире ЛЗЕ в нью-йоркском районе Бруклин. Еще будучи учеником еврейской религиозной школы, Кахане примыкает к молодежному сионистскому движению «Бетар» — составному отряду террористической организации профашистского толка «Иргун», привлекшему к себе внимание чудовищным преступлением в арабской деревне Деир Яссин, стоившим жизни 250 мужчинам, женщинам и детям.

В журнальной статье даже не перечислить всех подробностей биографии Кахане. Упомянем лишь, что вместе с неким раввином Д. Чурбой он создавал в 1965 году организацию «Движение 4 июля», главной целью которой была поддержка эскалации пентагоновской агрессии во Вьетнаме. Кахане подвизался в роли «консультанта» пресловутой Комиссии по расследованию антиамериканской деятельности конгресса, давая там «показания» о «положении советских евреев» и одновременно помогая «искателям ведьм» выявлять прогрессивно мыслящих людей среди американских евреев. Идеологической основой мировоззрения Кахане, отмечала газета «Нью-Йорк таймс», всегда был антикоммунизм.

Создавая в 1968 году ЛЗЕ, Кахане уверял, что задача Лиги — охрана жизни бедных еврейских слоев, еврейских лавочников, синагог от антисемитов. Но уже вскоре стало ясно, что отнюдь не этими «гуманными» соображениями руководствовались те сионистские круги, которые выталкивали на авансцену новоиспеченного фюрера. Налеты на организации борцов за гражданские права, взрывы бомб у здания, занимаемого Коммунистической партией США, «Союзом молодых рабочих за освобождение», беспрерывные провокации в Нью-Йорке и Вашингтоне против семей советских дипломатов и журналистов с применением в ряде случаев бомб и огнестрельного оружия — вот в чем заключается деятельность «защитников» американского еврейства.

Какова политическая подкладка действий штурмовиков от сионизма? Ее с предельной откровенностью выболтал Кахане в выпущенной им в прошлом году книге «Никогда вновь!». Вот его программа действий: «Немедленное прекращение всех переговоров, которые Запад ведет с Советским Союзом... в области торговли, космоса, разоружения и т. д. ...Введение эмбарго на всю торговлю с Советским Союзом и полный бойкот всех фирм, ведущих с ним дела. Прекращение культурного и спортивного обмена... Организация кампании, имеющей целью приостановить туризм в СССР... Требование исключить Советский Союз из числа участников Олимпийских игр и из международных организаций... Преследование советских официальных лиц (за границей), включая пикетирование их частных резиденций».

Выступая против разрядки международной напряженности и оздоровления политического климата во всем мире, сионизм старается не допустить в первую очередь улучшения отношений между СССР и США.

Таковы два лица сионизма: так называемое «респектабельное» и откровенно бандитское. Внешне «респектабельные» сионисты норовят отмежеваться от вызывающих всеобщее возмущение действий сионистских погромщиков. Они даже иногда «осуждают» эти действия. Но дальше пустых тирад дело не идет. На практике Кахане не может не чувствовать, что его действия встречают скрытое одобрение и поддержку со стороны «респектабельных» сионистов. По свидетельству журнала «Тайм», ссылающегося на видных представителей этих сионистских кругов США, последние, касаясь действий «Лиги защиты евреев», обычно говорят: «Сам бы я этого не сделал, но я рад, что у нас под руками есть хулиганы».

И такое отношение вполне естественно. Ибо два лица сионизма представляют собой не более чем две стороны одной и той же медали. Как подчеркивал член Политического комитета Коммунистической партии США Хаймен Лумер, Кахане и его присные просто доводят «до крайности реакционные взгляды, господствующие сегодня среди «респектабельных» американских еврейских организаций». Поэтому-то, продолжал Х. Лумер, «не ведется никакой подлинной борьбы за то, чтобы положить конец преступной деятельности «Лиги защиты евреев», и эта терпимость способствует ее дальнейшему существованию».

Следует отметить, что такое разделение функций в истории сионизма — вещь обычная.

Что же касается «Лиги защиты евреев», то она широко используется американским сионизмом не только как легальная террористическая организация, но и как связующее звено между сионизмом и ультрареакционными правыми силами в США, стоящими подчас на откровенно антисемитских позициях, что делает прямые контакты с ними «респектабельных» сионистов несколько затруднительными. Однако Кахане, хоть и выдает себя за решительного «борца против антисемитизма», связями с оголтелыми расистами и антисемитами ничуть не смущается. Наоборот, он даже проповедует необходимость их. «Если в данный исторический момент,— открыто заявляет он,— интересы антисемитизма совпадают с интересами евреев (?!), то давайте научимся использовать этот момент для нашей собственной пользы... Мы примем поддержку от консервативных групп. Мы не должны думать, что консервативные организации плохи для нас». Наоборот, по мнению Кахане, именно сейчас американские сионисты испытывают «немедленную и конкретную нужду воспользоваться помощью именно этого (то есть ультрареакционного.— **Прим. авт.**) сегмента американского населения».

Все это показывает, что, в какое бы обличье ни рядился сионизм, какую бы маску, будь то самую «респектабельную», на себя ни напяливал, он не может скрыть свою открыто реакционную сущность, скрыть ту угрозу, которую он представляет для дела мира и международной безопасности. Сионисты беззастенчиво играют судьбами евреев в своих грязных и корыстных целях.

К. БАРЫКИН, К. ЧЕРЕВКОВ

Фото Н. АНАНЬЕВА.

ФАРФОРОВЫХ ДЕЛ МАСТЕРА

Андрей Никифорович Воронихин, профессор архитектуры, академик перспективной живописи, широко известен как зодчий, создавший знаменитый Казанский собор. Но есть еще и другие знаменитые воронихинские творения, одно из них — непревзойденной красоты ваза, изящная, звонкая, светящаяся какимто внутренним светом. Ее увидишь и в залах Русского музея и в мастерской главного художника Ломоносовского фарфорового завода,— это точное повторение, созданное нашим современным мастером по проекту Воронихина. А рядом с вазой десятки других: и редкостных изделий и массовых,— в которых сплелись воедино высокое мастерство и полет художественной мысли. Это сегодняшний день нашей фарфоровой промышленности, признанным лидером которой является Ленинградский завод имени Ломоносова. И не потому, что ему около 230 лет. Из цехов завода выходили и выходят изумительные творения мастеров фарфора. Прекрасные вещи, украшающие жизнь.

...Директор завода Александр Сергеевич Соколов, будто обмолвившись, сказал, но затем в конце разговора снова повторил, чтобы не показалась та, первая его фраза случайной:

— Мы немного консервативны, мы не уходим далеко в сторону от выработанной, традиционной ломоносовской линии в фарфоре...

Слова эти говорят о главном — о стиле, о направлении. На заводе не приемлют всякие «измы», все, что, прикрываясь модой, тянет на разные выкрутасы. Может, именно такое постоянство, такое художественное направление в производстве фарфора и открывает изделиям ломоносовцев «зеленую улицу» — на них велик спрос и на отечественном и на зарубежном рынке.

Это не значит, что на фабрике не следят за модой. Следят. Пристально. Но не гонятся за ней. Не становятся ее слугами. Тут создают ее.

В этом главное отличие Фарфорового завода имени Ломоносова от других подобных ему предприятий.

Сейчас завод выпускает миллионы экземпляров изделий 400 названий. 1970 год дал 10 миллионов 200 тысяч штук фарфоровых изделий, план последнего года пятилетки — 21 миллион ваз — и роскошных и простых, недорогих, массового спроса чайных сервизов, сахарниц и штофов, чашек, блюдец, кофейников — в общем, как говорится, фарфоровой разности. При этом и массовые изделия («тем более массовые»,— подчеркивала главный художник З. О. Кульбах) отличает печать отменного вкуса.

Не так-то просто, конечно, было выйти на эти передовые позиции. А выйдя, сохранять и приумножать их с каждым новым поколением художников, создавать новое, но все в тех же традиционных рамках. Особенно остро это ощущаешь в залах заводского музея, которому более 130 лет. Он и история и день сегодняшний. Здесь несколько тысяч экспонатов — от фарфоровых «азов» до наших дней. Редкостные вазы, чайные сервизы, белоснежный букет с тончайшими лепестками роз... Любуешься ими и словно путешествуешь из эпохи в эпоху,— меняются художественные вкусы, оттачивается, совершенствуется мастерство, растут тиражи лучших изделий.

В музее ярко представлен советский, самый, пожалуй, плодотворный период. Творческий коллектив живописцев насчитывает сегодня свыше тридцати человек. Среди них немало видных художников — А. Воробьевский, А. Лепорская, В. Городецкий, Э. Криммер, В. Семенов, Т. Беспалова-Михалева, Н. Славина, К. Косенкова. На вкладке этого номера, в частности, представлены фарфоровые изделия художников —сервиз «Кобальтовая сетка» А. Яцкевич, «Колобок» Ю. Васнецова, «Красные цветочки» Л. Григорьевой, наконец, сервиз «Московский» Л. Лебединской. Сотни мастеров воплощают замыслы художников. Однажды заводу поручили за 48 часов сделать три букета, собранных из фарфоровых цветов. Ломоносовцы уложились в эти невероятные сроки и выполнили заказ на высоком художественном уровне.

«Имеет от Стекла часть крепости Фарфор»,— говорил Ломоносов. Развивая ту же мысль, наш современник, член-корреспондент Академии наук СССР Н. Н. Качалов, подметил:

...Позволительно будет выразиться, что фарфор представляет собой недоваренное стекло, а стекло — это переплавленный фарфор.

Все это вспоминаешь, когда шагаешь по сравнительно молодому цеху костяного фарфора. Отсюда выходят тончайшие изделия; кажется, что они лишь для того белые, чтобы не спутал кто: перед вами фарфор, а не молочное стекло, не слоновая кость.

Костяной фарфор в общем-то новинка. Завод имени Ломоносова — единственное в стране предприятие, в цехах которого делают сервизы и чашки из такого фарфора. Секретарь парторганизации цеха Елена Михайловна Иванова, сама отличная глазуровщица, говорит:

— Дело это новое и интересное. А когда интересно, лучше получается...

Доказательств тому у Ивановой немало. Из 31 заводского изделия, уже получивших Знак качества («квалитет русского фарфора — высший квалитет»,— говорили ленинградцам их друзья из Майсена, люди, которым не откажешь в понимании фарфорового дела), 18 приходится на цех костяного фарфора.

Елена Михайловна знакомит с лучшими работницами цеха, с молодежью. Сидят рядом, ловко сортируя изделия, Лида Гордеева и Тоня Лебедева. Недавно они ходили в заводское училище. А сейчас в цехе они почти на равных с мастерами.

На заводе ширится движение «Пятидневное задание — в четыре дня». Не всем это по плечу. Есть и переходный рубеж: «Пять — в четыре с половиной!»

Резервы! Искать резервы! Это одна из серьезнейших забот всех — от директора до рядового рабочего. Резервы ищут и в масштабе завода и в масштабе цехов. Поставленная перед ломоносовцами задача удвоить выпуск посуды, ваз — дело трудное. Во многом поможет реконструкция старейшего в стране фарфорового предприятия. Уже в этом году начнутся работы по проектированию новых цехов, лабораторий, замена устаревшего оборудования более совершенным.

Удвоить количество выпускаемой продукции — это, конечно, важнейшая задача. Но не в ущерб качеству, красоте, изяществу, будь то вещи единственные в своем роде или предметы широкого потребления. Здесь всегда рука на пульсе.

Еще в музее мы обратили внимание на совершенно необычные кофейные сервизы.

— Алексеем Викторовичем Воробьевским расписаны,— сказала Зигрид Освальдовна Кульбах.— Обязательно познакомьтесь с ним, интересный художник. Воробьевский — заметная фигура в фарфоровом производстве. Манеру его письма не спутаешь ни с какой другой. Воробьевский стиль!

Есть у него сервиз «Лиловая гора». В декабре прошлого года сделана эта изумительная вещь. Говорят, Воробьевский сам пытался создать авторскую копию — не удалось.

Очень интересно работает заслуженный художник РСФСР Владимир Лаврентьевич Семенов. Как и Воробьевский, он многое сделал для

Комсомолка Нина Топоркова после школы пришла работать на завод имени Ломоносова. Она осваивает профессию литейщицы.

Изящный сервиз «Кобальтовая сетка».

А это «Колобок» — сервиз для детей.

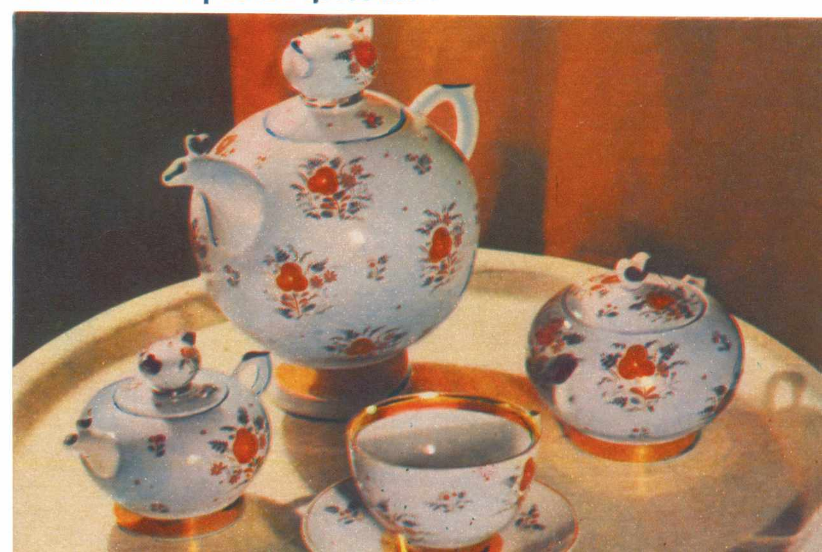
Из сервиза «Московский».

◀ Один из участков цеха подглазурной росписи.

Так расписывают бокал.

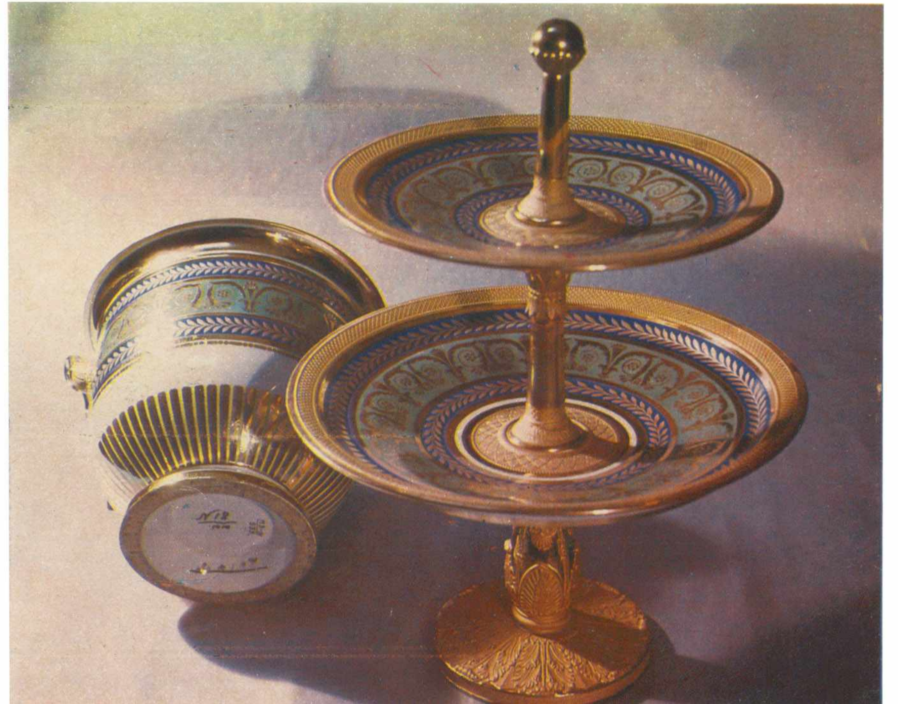
Назвали его «Красные цветочки».

ПЕВЕЦ ПРОБУЖДЕННОГО КРАЯ

К 70-ЛЕТИЮ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ ГАБИТА МУСРЕПОВА

Счастливая судьба у Габита Мусрепова, окрыленная великим революционным переломом в жизни нашей страны. Современная казахская литература многим обязана ему. И не только тем, что он стоял у ее истоков, хотя это тоже очень важно. Его редкостно большой талант вот уже почти полвека верно и преданно служит народу, партии.

Габит Махмудович Мусрепов начинал свой творческий путь еще в двадцатые годы и вырос от самоучки до писателя-профессионала со всесоюзной известностью, чьи произведения с интересом читают сейчас миллионы.

Наряду с такими художниками, как Сакен Сейфуллин, Беймбет Майлин, Ильяс Джансугуров, Мухтар Ауэзов, Сабит Муканов, Мусрепов стоял у колыбели зарождающейся советской казахской литературы.

Здесь нет нужды приводить весь перечень рассказов, повестей, романов и пьес Г. Мусрепова, ставших заметной вехой в литературной и культурной жизни республики. Если его классический «Этнографический рассказ» — безупречная чеканка ювелира, то полифонический роман «Пробужденный край» — огромное полотно крупного мастера, где он не скупился применить богатую палитру. Кстати, этот роман — одно из ярких явлений казахской прозы, повествующее о становлении рабочего класса в Казахстане. В нем ярко и выпукло изображены люди героического труда.

Романы «Пробужденный край» и «Солдат из Казахстана», драма «Трагедия поэта», сценарий (совместно с Б. Майлином) первого казахского фильма «Амангельды» являются летописью духовного развития казахского народа на разных этапах.

Г. Мусрепов вложил много усилий в развитие горьковских традиций и их укоренение на почве казахской литературы. Творчество писателя всегда питал живой источник — многогранная жизнь народа. Тонкий лиризм, теплый юмор — главные черты, присущие его прозе.

Мне вспоминается 1000-й спектакль «Кыз-Жибек», ставший праздником профессионального казахского искусства. После окончания спектакля взволнованные театралы, не отпуская никого со сцены, не только дружно приветствовали жизнеутверждающую идею шедевра народного гения, но и выразили достойную дань уважения автору пьесы Габиту Мусрепову.

Творение народной мудрости стало взлетной площадкой писательского вдохновения. Так же интересна его интерпретация лирического эпоса «Козы-Корпеш и Баян-Слу», когда-то заинтересовавшего А. С. Пушкина во время его путешествия по степям Приуралья.

Габит Мусрепов, обращаясь к прошлому, к истории, никогда не забывает нашу современность. Японские новеллы и новые рассказы последних лет, за которые он удостоен звания лауреата Государственной премии республики,— это весомый вклад в казахскую новеллистику. Они отличаются свежестью мысли, значительностью рассказываемого, отточенностью почерка зрелого писателя.

Г. Мусрепов по-отечески, с теплой заботой воспитывает молодую литературную смену, ведет большую общественную работу.

Депутат Верховного Совета республики, член ЦК КП Казахстана, секретарь СП СССР и СП Казахстана, заместитель председателя Советского комитета по связям с писателями стран Азии и Африки — вот широкий круг деятельности Габита Мусрепова.

Сейчас, на пороге своего семидесятилетия, певец пробужденного края — цветущего Казахстана приобретает вторую зрелость. Ему еще творить и творить, чтобы дарить радость людям...

Аян НЫСАНАЛИН

Алма-Ата.

костяного фарфора, чтобы стал он изящней, привлекательней. И это одновременно с ростом темпов производства, с его автоматизацией. Блюдца, чашки сноровисто, ловко формуются машиной. Четыре секунды — и блюдце готово. Правда, пока еще без голубой каемочки. Затем покрываются глазурью, а после обжига, поостывшие, идут они к живописцам, которые нашли способ расписывать белое фарфоровое поле не только кисточкой, но и машиной.

В механизированный способ декорирования фарфора внесли свою лепту художники завода. Тон задает старейшина художников, «батя», Алексей Александрович Скворцов. Сейчас ему 82 года. Но он не оставил завода, трудолюбив по-прежнему, учит молодых живописцев.

— Все мы его ученики,— заметил Воробьевский.

Алексей Александрович сам сейчас редко пишет, но когда молодежь приходит из профтехучилища, он ее опекает... Скворцов на заводе 67 лет. Кто же лучше его покажет и растолкует, какую краску взять, как растворить ее?.. К нему за консультацией обращаются и художники более опытные. «Батя» еще и в ОТК. Слово его не последнее в оценке качества художественного изделия.

...Литейщица Анна Семеновна Павлова показывала нам, как отливается чашка. Обыкновенная чашка. Самая первая в серии. Художник ее придумал, а литейщик эту фантазию воплотил в изделие. И тут требуется высокий класс мастерства, творчество. Только в этом случае, при обжиге, при нагревании и охлаждении, модель станет точно такой, как оригинал. Настолько такой, что один из признанных знатоков русского фарфора, взглянув на вазу, сотворенную ломоносовцами, скажет: «Так это же его, воронихинская ваза!»

Впрочем, появлению вазы, как и некоторых других изделий из фарфора, предшествовало еще одно обстоятельство — находка геологов. На Дальнем Востоке они обнаружили каолин высоких достоинств. Такой каолин, хоть и далековато расположен прииск, резон везти через всю страну.

— Конечно, не весь каолин пойдет нам,— уточняет директор завода А. С. Соколов.— Есть у нас друзья и коллеги на Владивостокском фарфоровом заводе. Они только начинают дело, не все пока ладится у них, но уже в прошлом году они ежемесячно давали миллион изделий.

Приморцам помогли ломоносовцы. Владивостокские мастера приезжали в Ленинград учиться. Уехали, накопив опыт, получив несколько моделей — чашки, тарелки, блюдца. Все те необходимые в быту вещи, которые только тогда приносят радость, когда есть в них нечто от искусства. Это тоже стиль ломоносовцев.

— Мы стремимся создать образ,— рассказывает Зигрид Освальдовна Кульбах.—А от него идем к функциональности изделия. Наш девиз — делать как можно больше, не роняя при этом художественных достоинств фарфора. Может, в том и заключен секрет популярности ломоносовского фарфора.

Об этом же говорит и директор Александр Сергеевич Соколов:

— Ведь не вечно будет царить фарфорофаянсовый дефицит. Близится время, когда хлынут на прилавки белые и раскрашенные, легкие, как бумажные, или словно из камня вырезанные тарелки, чашки. И тогда покупатель начнет выбирать. Значит, надо в каждую вещь, каким бы большим тиражом она ни выпускалась, привнести элементы подлинного искусства. Мы помним об этом, ибо делаем не только редкостные вазы, сервизы...

Издавна считалось, что одной из ведущих фигур в фарфорово-стеклянном производстве является инвентор, то есть изобретатель, выдумщик. Он один может задать тон и направление. Среди создателей фарфоровой и стеклянной посуды в Санкт-Петербурге работал первый европейский ученый-керамист и замечательный практик Дмитрий Иванович Виноградов, друг Ломоносова. Это Дмитрий Иванович и его помощники, им же выпестованные, взращенные, вывели первое в России фарфорово-стеклянное производство ломоносовских времен — «порцелиновую фабрику» — в ряд самых именитых производств. Но теперь одним инвентором заводу не обойтись. Тут их много, выдумщиков, изобретателей,— и художники, и формовщики, и живописцы, и скульпторы, и рядовые вроде бы литейщики, именно вроде бы, потому что в каждую вещицу они вкладывают мастерство, знания, сноровку. А, скажем, комплект посуды для ресторана гостиницы «Россия» создавался в творческом союзе с архитекторами и метрдотелями...

От простого фарфора, который станет заурядной чашкой для бульона, до участка, на котором создаются вазы вроде воронихинской, между ними — один пролет. И стоят-то они, готовые, чашка и ваза, на одном столе, и проверяет их один контролер. С одинаковым пристрастием и придирчивостью. Потому что и на прекрасной вазе и на недорогом блюдце начертаны одинаковые буквы — ЛФЗ. Это марка завода, которой ломоносовцы очень дорожат.

Эти снимки сделаны в заводском музее. Здесь собраны изделия разных, подчас безвестных, мастеров прошлых веков — со времен основания завода.

Николай САПФИРОВ

ЕРНОС

Да, не повезло ему на этот раз! Чертовски не повезло! Три года воевал. Летал над Таманью, Керчью, Новороссийском, Севастополем, над Краснодаром, Сталинградом, Курском, Смоленском — всего не перечтешь. Более двухсот боевых вылетов — и ни одного ранения, ни одной царапинки. И вот лежишь и не знаешь, что с тобой. Впрочем, руки и ноги целы, голова на плечах. Выдюжим! Вот только с глазами что-то неладно. Боль такая, словно в них воткнули острые иглы. А может, их уже и нет — глаз? Может, теперь для него не будет рассветов — одна лишь долгая черная ночь?..

Превозмогая боль, Пронин осторожно поднял руку, и опять голос медсестры остановил его:

— Больной... Нельзя!

I

В хирургической палате возле высокого двустворчатого окна, из которого открывался вид на широкий больничный двор, лежал человек, прикрытый белой простыней.

Шел второй месяц лета. Ярко светило солнце. Клумбы на больничном дворе источали аромат распустившихся цветов. Но человек, лежавший на госпитальной койке, не видел клумб, не чувствовал запаха.

Уже несколько суток лежал раненый без сознания. Каждое утро санитары осторожно поднимали его с постели, бережно укладывали на каталку и увозили в операционную, где ждал седой ленинградский профессор, окруженный свитой ассистентов. И каждое утро раненому делали новую операцию.

Закончив последнюю, самую сложную, профессор глубоко вздохнул и, глядя вслед удалявшейся каталке, задумчиво сказал:

— Первый случай в моей практике... Если выживет, можно считать это чудом.

Человек очнулся на пятые сутки. Попытался открыть глаза — черная, беспросветная тьма. Попробовал говорить — едва шевельнул губами, и рот обожгла нестерпимая боль. Тотчас послышался голос дежурной сестры:

— Больной, лежите спокойно. Вам нельзя шевелиться и разговаривать...

Так вот почему он здесь, в этой комнате, насквозь пропитанной запахом лекарств!

Человек мучительно напрягал память, чтобы восстановить события, которые привели его сюда. Кажется, это случилось 29 июня сорок четвертого. Да, совершенно верно: именно в тот день они бомбили и обстреливали отходящую вражескую колонну.

Перед ним вдруг возникла картина налета: грозно рыча, штурмовики устремились вниз. Навстречу стремглав помчались, увеличиваясь в перекрестии прицела, черные прямоугольники машин, вытянувшиеся длинной лентой. Стрелок-радист Митрофан Пронин нажимал гашетку.

Над шоссе заметалось пламя. Еще один заход — и вся вражеская колонна превратилась в сплошное море огня. Машины легли на обратный курс. Пронин по опыту знал: теперь

Митрофан Пронин (слева) и Владимир Пятницкий.

гляди в оба, в любую минуту могут появиться вражеские истребители. Гитлеровцы наверняка их вызвали!.. Ага, так и есть! Из-за облаков вынырнули несколько «фокке-вульфов», развернулись для атаки. Заметив, что один из них заходит в хвост, Пронин развернул пулемет. В перекрестии возник силуэт вражеской машины. Очередь... и в этот же миг страшный удар. Фашистский летчик тоже успел выстрелить.

Пронин не видел, как падал сраженный им истребитель, не слышал в шлемофоне встревоженного голоса командира звена старшего лейтенанта Владимира Пятницкого, который тщетно звал: «Пронин! Пронин! Что ты молчишь?..»

«Почему она сказала, что мне нельзя шевелиться и разговаривать? — первое, о чем он подумал, услышав слова медсестры.— Неужто все так серьезно?»

Он еще не знал, что у него прострелена шея, вырвана левая щека, раздроблены челюсть и ключица, наполовину оторван язык, выбиты все зубы и оба глаза. Он испытывал лишь страшную слабость и мучительную боль, раздиравшую тело.

Хорошо, сестра. Раз нельзя, значит, нельзя. Он будет точно выполнять все врачебные предписания, лишь бы поскорее встать на ноги. Ведь его ждут боевые друзья, родная эскадрилья и еще одно бесконечно дорогое существо по имени Нина. Эх, сестра, сестра! Если бы ты знала, что это за девушка! Рядом с ней забываешь обо всем на свете. Вся радость, вся красота жизни — все в одной Нине...

И Пронин снова, уже в какой раз, вспомнил, как они познакомились. В то время его часть была расквартирована в казармах на окраине Тулы. А неподалеку в палатках жили студенты, помогавшие пригородному совхозу убирать и обмолачивать хлеб.

Рано утром, когда студенты собирались в поле, он подходил к окну и смотрел на одну светлоглазую девушку. Один раз она почему-то не ушла со всеми.

Митрофан подошел к девушке и в нерешительности остановился. С чего начать разговор? Наконец спросил, почему она не отправилась с остальными студентами.

— А я сегодня дежурю,— ответила девушка.

Они разговорились. И вот уже знают не только имена, но и подробности жизни друг друга. И все спрашивают, спрашивают...

— Могу ли я пригласить вас на танцы? К нам в клуб...— спросил Митрофан, когда пришло время расставаться.

Нина кивнула. Ей тоже понравился стройный голубоглазый сержант.

Месяца через два полк получил приказ перебазироваться. Пронин пришел к Нине в общежитие. Был тихий лунный вечер. Они стояли у входа, тесно прижавшись друг к другу. Молчали. Потом Пронин сказал:

— Нина, хочу, чтобы ты ждала... Я обязательно вернусь к тебе.

— Я буду ждать, даже если на это потребуются годы,— тихо сказала Нина.

Ночью Пронин улетел из Тулы.

II

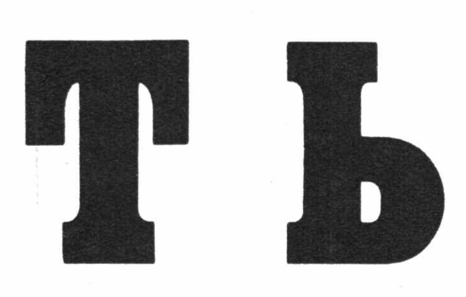
На госпитальной койке хирургической палаты лежал человек, наглухо забинтованный. Четыре месяца без движений, в беспросветной тьме, в полном молчании. Обитатели палаты

давно знали, какая страшная беда случилась с ним, и только он один не знал. Врачи строго-настрого наказали: о глазах ни слова.

А раненый все еще жил надеждой на возвращение в боевой строй. И старательно выполнял все предписания врачей.

А вокруг кипела жизнь. Она врывалась в окна палаты громом репродукторов, звонками трамваев, гудками автомашин, щебетанием птиц. Мир черного мрака и молчаливого одиночества, в котором Пронин пребывал все эти месяцы, становился невыносимым.

И Пронин не выдержал: воспользовавшись отсутствием сестры, снял повязку. Вначале он ничего не понял. Перед ним стояла все та же непроницаемая черная стена. «Может быть, сейчас ночь?» — подумал раненый, но тут же вспомнил, что еще не разносили обеда.

Уткнулся лицом в подушку и зарыдал. Все кончено! Он больше не увидит неба, солнца, друзей, любимой. Вечная ночь — вот его удел.

Ужас и отчаяние охватили его. Потом наступила апатия, он лежал молча, безразличный ко всему. Потом снова начал метаться. Ему не хотелось верить, что свет навсегда погас...

И тут Пронин услышал тяжелые шаги, резкий скрип сапог — так ходил только его командир. Митрофан сразу догадался, что это он.

— Здорово, старина! — сказал Пятницкий, крепко пожимая его руку.— Извини, не смог раньше. Не пускали. А сегодня разрешили... У нас горячка. По нескольку вылетов в день. Долбаем фашиста — только щепки летят! Ну, а ты как?

Пронин вздохнул:

— Сами видите...

— Понимаю, нелегко. Но верю: беда такого, как ты, не сломит. Ты вот не знаешь, а я скажу: чуть ли не каждый вечер у твоих окон дежурили наши ребята...

— Передайте всем привет,— сказал растроганный Пронин.

— Передам, обязательно. Ну, что ж, мне пора. Через недельку еще наведаюсь.

Вечером, перед самым ужином, раненого навестил заместитель командира полка по политической части Соколов. Пронин искренне уважал этого умного, храброго человека и очень обрадовался его приходу.

— Я слышал, ты в панику ударился? — громко произнес замполит, усаживаясь на табурет.— Скажу прямо: не поверил.

— Я действительно в отчаянии, товарищ замполит,— честно признался Митрофан, и голос его дрогнул.— Не знаю, что делать...

— То есть как это «не знаю»? Жить, друг мой, жить! Освоишь специальность, начнешь работать, а может, пойдешь учиться...

— Но я же слепой! — вырвалось у Пронина.

— Знаешь, был такой скульптор, Луи Видаль? Не слыхал? Слепой, а создал прекрасные произведения! А чешский полководец Ян Жижка? Тоже был слепой. А Островский? Э, да что говорить! У нас и нынче немало незрячих людей, которые стали учеными, композиторами, поэтами, инженерами.

Пронин слушал молча. У него перехватило дыхание. Все это так ново и неожиданно. Незрячие ученые, инженеры, поэты... И каждому есть место в жизни! Нужно только определить это место и упорно стремиться к нему. А друзья помогут, он чувствует, как все они озабочены его судьбой.

— Мы много думали о тебе, сержант,— сказал Соколов.— На днях полк перебазируется под Москву. Решено взять тебя с собой. Будешь долечиваться под нашим наблюдением. И одновременно примешься за азбуку слепых. Об этом мы уже позаботились. Вчера я отправил в столицу человека, чтобы он раздобыл эту самую азбуку.

— Спасибо, товарищ замполит,— тихо промолвил Митрофан.

В эту ночь Пронин впервые спал спокойно, ни разу не вскрикнув во сне. А утром, к удивлению всей палаты, неожиданно попросил у соседа костыль и неумело, осторожно ощупывая дорогу, сделал первые шаги по палате.

Медсестры сразу заметили перемену в душевном состоянии больного. Заметил ее и лечащий врач.

— Отлично, сержант! — весело проговорил он, дружески похлопав Пронина по плечу.

А Пронин думал о Нине... Суждено ли им встретиться вновь? Пятый месяц Нина засыпает его письмами. Он же в ответ — ни строчки. Даже на последнее письмо не ответил, а оно было такое трогательное: «Моя жизнь станет счастливой лишь тогда, когда я буду рядом с тобой, независимо от того, каким ты придешь ко мне! Почему не отвечаешь, почему молчишь? Пойми, наконец, я жду тебя. Очень жду. Разве ты забыл, что говорил мне перед отъездом на фронт?»

Нет, он ничего не забыл. Он все помнит. И тот прощальный лунный вечер и слова, что сказал ей. Он готов тысячу раз повторить их, те слова. Но... сможет ли Нина теперь любить его — слепого, обезображенного? В лучшем случае это будет жалость, жертва. А может ли, имеет ли он право принять такую жертву от любимой? Нет, надо все забыть!..

Думая о Нине, Митрофан не услышал, как в палату вошел старший лейтенант Пятницкий.

— Привет от всей летной братии! — крикнул он.— А я тебе подарки от ребят принес. Посмотрим, что тут есть! Ага, коньячок пять звездочек. Один бог знает, где ребята из первого звена достали. А это от второго — натуральный шоколад, прямо с фабрики. Ну, а третье — посылает яблоки и сливы... Приказываю все уничтожить! — И Пятницкий засмеялся.

— Зачем же столько? — смущенно проговорил Пронин.— В госпитале хорошо кормят.

— Ничего, брат,— снова засмеялся Пятницкий.— От добавочного пайка вреда не будет!.. А вот тебе еще один подарок. Надо бы заставить поплясать, да уж ладно!.. Письмо из Тулы... Прочитать?

Митрофан покачал головой:

— Не надо...

— Вот как? — искренне удивился старший лейтенант.— Разве ты разлюбил ту девушку?

Раненый долго молчал, потом глухо произнес:

— Не хочу губить ее жизнь.

— Ты это сам решил? Или с ней советовался?

— Сам... Она должна забыть меня.

— Значит, еще не написал ей?

— Не писал и не буду.

— Так...— Пятницкий забарабанил пальцами по тумбочке. Пронин знал привычку командира выражать таким образом свое недовольство или неодобрение...

— Что ж, посмотрим,— сказал наконец старший лейтенант.— Эх, ты...

Командир не договорил. Пронин услышал, как он встал. Потом раздались шаги, хлопнула дверь.

III

Долгое и непонятное молчание Митрофана вызвало поток тревожных и противоречивых размышлений. Что случилось? Почему не отвечает на письма? Нина потеряла покой, осунулась.

— Что с тобой? — озабоченно спрашивали подруги.— Ты больна?

Нина отмалчивалась.

Только одна, самая близкая подруга Клава знала истинную причину. Пробовала уговаривать:

— Да выбрось ты из головы этого сержанта! Подумаешь... Другая, видно, ему приглянулась!

— Ну что ты говоришь? — обиделась Нина.— Он же на фронте.

— Парень есть парень, с ветерком в голове! — не унималась Клава.— Да и то сказать: кто ты ему? Жена, что ли?

«А может, она и права? — вдруг подумала Нина и сразу почувствовала укол ревности, от которой больно защемило сердце.— Ведь и на фронте есть девушки».

Ночью она включила репродуктор. Передавали сводку Совинформбюро. Напряженно вслушиваясь в слова диктора, Нина подумала, как она могла позволить какие-то совершенно нелепые догадки. Идет жестокая война. Любимый, самый дорогой ей человек каждый день, каждый час рискует жизнью, защищая Родину, а она... Глупо.

Как вдруг Нина с ужасом подумала, что Митрофан не пишет потому, что его, быть может, уже нет в живых.

Ей стало страшно. Обхватив голову руками, неподвижно лежала она в постели, смотрела в окно. «А может, он ранен и ему сейчас не до моих писем?»

Вспомнилась история, вычитанная ею из газет. Случилось это в первый год войны. У одного солдата оторвало ноги. В госпитале он упросил товарища написать жене ложное письмо о его смерти, а сам вскоре выписался и уехал жить в другой город, где его никто не знал. Не хотел быть в тягость. «Что если и Митрофан молчит по такой же причине?»

На другой день вечером в институте было комсомольское собрание. Обсуждался вопрос о помощи фронту. Студенты решили предстоящие каникулы отработать в совхозе на уборке урожая. Началась запись добровольцев. Нина оказалась четвертой в списке.

В общежитие она вернулась поздно. Клава еще не спала, ожидая ее возвращения.

— Извини меня,— сказала Клава, когда Нина вошла в комнату.— Все, что я тебе говорила о Митрофане... Нет, он оказался совсем не таким.

— Что с ним? — задыхаясь от волнения, крикнула Нина.

— Понимаешь, кто-то распечатал письмо... Ну, я и прочла. Жив твой Митрофан! Только очень ранен.

— Где письмо? — теряя терпение и чувствуя, как по всему ее телу пробегает нервная дрожь, крикнула Нина.— Я хочу сама...

Клава поспешно вытащила из тумбочки конверт со штемпелем воинской части. Адрес был написан незнакомой рукой.

«Уважаемая Нина,— писал старший лейтенант Пятницкий,— считаю своим долгом сообщить, что мой стрелок-радист, а ваш близкий друг Митрофан Пронин в одном из воздушных боев был тяжело ранен. Жизнь его висела на волоске. Но наша всемогущая медицина спасла героя. Сейчас опасность миновала, он поправляется. Но сможет ли Митрофан одолеть душевный недуг, который оказался сильнее физического? Дело в том, что в результате ранения Пронин потерял зрение, ослеп навсегда. Я был у него. Он угнетен, растерян. Беда может сломить его. Нужно, чтобы кто-то вдохнул в него силы, веру в себя, в жизнь. Никакой врачеватель не в состоянии этого сделать. А вы можете. Только вы, и никто другой. Я знаю, что вы любите друг друга, а любовь делает чудеса. Сотворите это чудо, уважаемая Нина. Напишите Митрофану, что вы по-прежнему любите его, и он, я уверен, победит свой недуг...»

Нина опустилась на стул, закрыла лицо руками.

— Ниночка, пойми, он же слепой!.. Хорошенько все обдумай,— сказала Клава.

— А я уже решила,— сквозь слезы отозвалась Нина.

Окончание следует.

Евгений Светланов.

ДИРИЖЕР

Арам ХАЧАТУРЯН, народный артист СССР, лауреат Ленинской премии

Несколько лет тому назад в Москве, в Большом зале Консерватории, состоялся концерт, о котором до сих пор говорят любители музыки, хотя на первый взгляд в нем не было ничего из ряда вон выходящего: звучала симфония «Манфред» Чайковского, почему-то многими считавшаяся отнюдь не самым интересным произведением композитора. Но в тот вечер никто из присутствующих в зале не согласился бы с подобным мнением: музыка потрясала своей напряженностью, драматизмом, то насыщенным, жадным стремлением человека к счастью, то безысходной тоской и отчаянием... В оркестре разворачивалась грандиозная по силе выразительности и глубины картина человеческой жизни. Музыка волновала и убеждала... Убеждала до конца.

Лишь когда отзвучал заключительный аккорд и на мгновение наступила тишина, которую разорвал шквал аплодисментов, в сознании возникла мысль: вот исполнение!.. И тогда восприятие слушателей переключилось от музыки к тому, кто своим исполнительским талантом в этот вечер держал в напряжении зал. К дирижеру, народному артисту СССР Евгению Светланову.

«Сегодня дирижирует Евгений Светланов»,— часто сообщают друг другу любители музыки, стоя у кассы концертного зала, где уже давно все билеты распроданы. А ведь московская публика — совершенно особая: она вполне может служить мерилом достоинств исполнителя, и не случайно зарубежные гастролеры говорят, что «пройти у москвичей», значит, получить наивысшую международную оценку.

В чем же секрет столь высокого авторитета Евгения Светланова?.. На этот вопрос можно отвечать долго и пространно, с экскурсами в биографию дирижера. Но можно и очень конкретно сформулировать основные черты его творческого облика... Начнем с последнего.

Светланов — большой художник. Он из плеяды тех настоящих исполнителей, которые становятся сотворцами композитора. Он принадлежит к тем музыкантам, которые всевидящим и всепроникающим взглядом охватывают произведение, настойчиво и кропотливо докапываясь до его существа; которые могут открыть, казалось бы, уже в очень знакомой музыке что-то удивительно свежее и ранее не слышанное; которые обладают великим даром собственной интерпретации... Одним словом, тем, кто в исполнительстве имеет свой личный почерк.

Совсем недавно прозвучала у Светланова хорошо уже знакомая москвичам 13-я симфония Дмитрия Шостаковича — одно из грандиознейших художественных явлений нашей эпохи. Многие, кто знал эту музыку раньше, услышали ее словно впервые. Если прежде казалось, что успех этой симфонии во многом объясняется необычностью ее построения и интересом к литературному тексту — она написана на слова Евгения Евтушенко, то в интерпретации Светланова на первом плане оказалась жизненная мудрость художественных обобщений. Каждый штрих и нюанс музыки, будь то иронический смех в «Юморе» и «Слухах» или огромный драматический накал в третьей части, приобрели скульптурную рельефность и чуть ли не зримую наглядность.

Пример с 13-й симфонией Шостаковича не единичен. Те, кто систематически посещает симфонические концерты, также хорошо помнят «Весну священную» Стравинского, «Дафниса и Хлою» Равеля, Шестую симфонию Чайковского, Седьмую симфонию Малера, Третью, Восьмую и Десятую симфонии Шостаковича, Третью, Пятую и Десятую симфонии Бетховена, Классическую симфонию Прокофьева и, наверное, еще многое другое, что поразило точностью восприятия авторского замысла и необычайной свежестью звучания, появляющимися только там, где исполнение есть высокий акт творчества.

Можно многое сказать о Светланове такого, что говорится всегда о крупнейших музыкантах-дирижерах: ведь не случайно в зарубежной прессе его имя часто ставят рядом с именами выдающихся современных дирижеров Запада.

Музыкант с очень хорошим вкусом и большой культурой, великолепной дирижерской техникой и очень точным, выразительным жестом, Светланов обладает огромной волей музыканта. Когда Светланов находится за дирижерским пультом, он и оркестр — одно целое. И вместе с тем есть грань художественного облика, которая выделяет Светланова даже из среды самых талантливых дирижеров нашей эпохи. Это совершенно редкая эмоциональность.

Представьте, на сцену выходит человек среднего роста, который кажется выше благодаря привычке держаться очень прямо; человек с открытым русским лицом, на первый взгляд совсем обыкновенный. Но вот он становится за дирижерский пульт. И сразу происходит удивительное перевоплощение. От «обыкновенности» не остается и следа.

Всем своим существом, всей щедростью художественной натуры Светланов отдается творимой им музыке. В нем нет ни позы, ни самолюбования, ничего нет, кроме этой музыки, кроме беспредельного желания раскрыть всю ее до конца...

Эта редкая эмоциональная сила и открытость чувства долгое время заставляла думать, что ближе всего дирижеру музыка Рахманинова, но различные программы показали, что подобным же образом Светланов проявляет себя всюду, что он может дать в любом произведении точно такое же рахманиновское, а может быть, просто исконно русское нарастание эмоций.

Природа весьма щедро одарила Евгения Светланова. В его лице совмещается дирижер, пианист и композитор. Окончив Гнесинский институт по классу М. А. Гурвич как пианист, Светланов поступил на композиторское отделение Консерватории к Ю. А. Шапорину. Первым педагогом его по композиции еще в училище был М. Ф. Гнесин, параллельно с композицией шли занятия по дирижированию с А. В. Гауком.

Со времени дебюта молодого дирижера в марте 1953 года прошло девятнадцать лет. За эти годы создано 5 симфонических произведений, около 50 романсов, 15 камерно-инструментальных произведений.

За десять лет, проведенных в Большом театре, пройден путь от стажера до главного дирижера. Любопытно, что любовь к театру у Светланова проявилась с детства; его родители в прошлом певцы. В юношеские годы будущий дирижер был артистом миманса.

Приходят признание и слава... Имя Светланова известно не только на Родине. Талант дирижера находит почитателей в Италии, Испании, Румынии, Чехословакии, Болгарии, Польше, Бельгии, Голландии, Англии и США, Японии, Югославии, Мексике, Канаде... Несколько лет Светланов возглавляет один из ведущих коллективов нашей страны — Государственный симфонический оркестр Союза ССР. По общему мнению, никогда еще за дирижерским пультом оркестра не стоял музыкант, творческая натура которого столь бы соответствовала исполнительской манере коллектива.

Когда говоришь о большом художнике, отмечаешь ту или иную его работу, которую можно считать кульминационной точкой деятельности — пусть даже на данном этапе... А если этот художник молод и находится в расцвете сил, если каждая его работа воспринимается как откровение, если о каждом произведении думаешь — вот она, кульминационная точка, выше ее ничего не может быть, а на следующей программе убеждаешься, что эта точка опять осталась позади,— то начинаешь верить в художника как в человека возможностей беспредельных. Евгений Светланов — большой и истинный художник потому, что он всегда находится в движении.

УКРАИНСКИЕ МОТИВЫ

Иван РЯДЧЕНКО

В СТЕПИ, У КАХОВКИ...

Михаилу Халину.

Лихих коней тугие холки,
удар копыт, как динамит...
В степи, у города Каховки,
тачанка грозная гремит.

Мгновенья замерли в металле,
чтоб, встречным ветрам вопреки,
седые кони не устали,
не поседели седоки.

Они летят в копытном стуке
по легендарной тишине.
Уже их сыновья и внуки
убиты на другой войне.

Уже парит морская чайка
над желтым трепетом жнивья.
А неумолчная тачанка
несется к нам из забытья.

Во вьюгах зим, весной зеленой,
на конном яростном бегу
здесь конармейцы Первой Конной
еще стреляют по врагу.

В необозримости пространства
под грохот бронзовых копыт,
как будто символ постоянства,
тачанка вечная летит.

Звенят натянуто постромки,
сжимает вожжи ездовой.
И расступаются потомки
перед тачанкой боевой!

ЖИВУТ ВО МНЕ ДВА СЕРДЦА...

Сгибало тополь бурей,
но вновь он прям, как нить.
Меня одною пулей
вовеки не убить.

Не плод научных версий,
не пересадки вклад,
живут во мне два сердца
и дружно бьются в лад.

Столетия осиля,
как молния и гром,
слилась во мне Россия
с шевченковским Днепром.

Как будто бы два друга
одолевают путь:
как только другу туго —
другой подставит грудь.

Твержу не просто фразу,
а знаю, как пароль:
мои ошибки сразу
двоим приносят боль.

Клянусь твоей травою,
родная сторона:
в душе ужились двое,
а к ним любовь — одна!

СКАЗКИ

Соловьиная муза
и горшки вдоль плетня.
У днепровского шлюза
ночь качает меня.

Вспомнить сказку не вредно.
Вот летает во мгле
крючконосая ведьма
на лихом помеле.

Нашептав околесиц,
выгнув хвостик дугой,
черт уселся на месяц
и болтает ногой.

И, дымками рогаты,
в белых юбках до пят,
подсиненные хаты
под луною стоят.

Вижу ведьму и беса,
сказок хитрую суть.
И лучи Днепрогэса
не мешают ничуть.

САБЛЯ БОГДАНА

В час, когда обнажается Днепр из тумана,
представляется мне непреклонный мираж:
запорожец—усатый недремлющий страж—
протирает заветную саблю Богдана.
Протирает клинок боевой и старинный
под картавое карканье вспугнутых стай,
чтобы в ласковых ножнах родной Украины
никогда не ржавела
днепровская сталь.

Рисунок Вл. ДОБРОВОЛЬСКОГО.

КАМЕННЫЕ БАБЫ

Мы стоим, как неприкаянные,
слышим шорох ветерка.
Перед нами бабы каменные,
пережившие века.

Лица грубы, цветом глинисты,
под губами — трещин сеть.
Сколько ж надо горя вынести,
чтобы так окаменеть!

Мы вовсю глядим на трещины,
вспоминая, как за миг
каменели наши женщины
от известий фронтовых.

Острым горем заарканенной,
трудно бабе. Но, хоть вой,
легче стать внезапно каменной,
чем из камня стать живой...

Оживали наши женщины,
возвращалась доброта.
Только маленькие трещины
оставались возле рта.

КАНЕВ

Святыня наша, тихий Канев,
ты потрясаешь нас, как гром.
Здесь, думой очи затуманив,
Кобзарь гуляет над Днепром.

Стоят почтительные внуки,
придя за мудростью сюда.
Молчит под кручей у излуки
благоговейная вода.

Легко и трепетно до дрожи!
И даже белый пароход,
чтоб дум поэта не тревожить,
порой на цыпочки встает.

ПОДСОЛНУХ

Без хитроумной электроники,
а просто слыша тайный зуд,
родных полей светопоклонники
за солнцем головы ведут.

Они в своем житье не каются,
для них в светиле — жизни суть.
А ночь настанет — опускаются
их лица круглые на грудь.

Лучистый полдень или сон кругом —
твой вечный зов неумолим:
желаю стать твоим подсолнухом,
светопоклонником твоим!

Одесса.

Вечером в доме Чертковых. Люба, Алексей Борисович, Марина Георгиевна и Соня.

Фото А. Бочинина.

СУДЬБА АЛЕКСЕЯ

Нина ВЕРИНА

Новенькие здания московского Юго-Запада в тот ненастный вечер манили приветными огоньками, хотелось поскорее попасть под крышу — в тепло, в свет, в домашний уют. Наконец-то. Вот она, дверь нужной мне квартиры. Звоню. И, конечно, как всегда, немного волнуюсь: каков-то окажется герой будущего очерка? А тут еще и случай совсем уж необычный... Дверь открыл глава семьи Чертковых, Алексей Борисович,— человек молодой, по-спортивному ладный. Хозяин провел меня в небольшую столовую — современная мебель, пишущая машинка на хохломском столике, много детских игрушек и книги — тома, томики, брошюры на полках вдоль стен. Книги эти мне сразу понравились: обложки их не блестели свежим глянцем, поистерлись, так что было видно: библиотека здесь для дела.

Алексей Борисович представил мне свое семейство — жену, Марину Георгиевну, и дочерей — одиннадцатилетнюю Любу и пятилетнюю Соню. Завязалась беседа. Марина Георгиевна рассказывала о своей работе — она по образованию философ. Софьюшка хвасталась котом Машкой и детским садом. Алексей Борисович мимоходом посетовал, что замучился с авторефератом — ему вскоре предстоит защищать кандидатскую диссертацию по философии. Потом разговор перекинулся на дела международные, на последние театральные новости. Беседа была интересной. Все говорило о том, что мои новые знакомые — люди интеллигентные, всесторонне развитые, но в то же время самые обычные, ничем не отличающиеся от других интеллигентных и всесторонне развитых. Но ведь я-то знала, что Алексей Борисович — человек совершенно необычной судьбы! И все присматривалась к нему, все пыталась поймать — то ли в выражении лица, то ли в жестах, то ли в речах — хоть какой-то отзвук прошлого. Но искала и не находила. Ничего. Даже самой малости.

В этом славном, дружном семействе я бывала еще не раз. Много беседовала с Алексеем Борисовичем. И, наконец, услышала от него удивительный рассказ. Рассказ о жизни трудной, противоречивой, драматической.

— Знаете, что будило меня в детстве по утрам? Звон колоколов в соседней церкви. И всегда я угадывал, что сегодня: будни или воскресенье. В обычные дни к обедне звонили в маленький колокол; его серебристые звуки напоминали детский голос в церковном хоре. А в день воскресный отзванивал большой колокол — густо, басовито, словно хороший дьякон. И я торопился встать. Знал: сейчас меня приоденут по-праздничному, и все мы отправимся в храм, где мой дедушка будет служить обедню... Странно такое слышать, правда? Но ведь происходило это не в Советском Союзе, а в буржуазной Латвии — родился я в Риге в 1932 году. Мои деды были священниками. Родители тоже верили в бога, хотя отец и не захотел принять духовный сан. И все знакомые моих родителей были верующими. С особым тщанием у нас всегда готовились к визитам духовных особ. Духовенство уважали, считались с советами и наставлениями священников.

И естественно, что за главного у нас в семье почитали дедушку. Когда он совершал молитвы или готовился к службе, мы старались ходить неслышно и говорили шепотом. С самого детства я привык думать, что священнослужитель — существо особое, возвышенное, ведь это человек, приближенный к богу.

Очень я любил бывать в церкви. Здесь все казалось мне торжественным и прекрасным. Большие иконы в серебряных ризах. Причт в красивых облачениях. И странные, печальные, непонятные, а потому как бы особенно значительные слова, произносимые священником... Только не думайте, что рос я этаким угрюмым маленьким святошей. В характере моем не было тогда ничего мистического, исступленного. Я верил бесхитростно, в простоте своего сердца. Может быть, именно это и помогло мне потом...

Я рано начал читать. И вскоре всерьез пристрастился к книгам. Но в нашей домашней библиотеке преобладала или религиозная литература, или историческая, однако тоже с религиозным уклоном. Во всех подобных сочинениях превозносились церковные деятели, выдающаяся роль священнослужителей в русской истории, высокие моральные качества монахов и церковников, их религиозные и нравственные подвиги. А вы ведь знаете, что ребенок каждое писаное слово воспринимает как непререкаемую истину.

Еще в детстве я стал прислуживать священнику во время богослужений. Надо вам сказать, что в Латвии, правящие круги которой в то время уже шли к фашизму и потому подавляли всякое проявление инонационального духа, православная церковь для многих рус-

ских стала как бы духовным центром. Сюда тянулись и образованные люди, даже не отличавшиеся особой приверженностью к богу. И мне, мальчишке, было очень приятно сознавать, что вот я участвую в церковной службе, читаю, пою молитвы, которым внимает множество взрослых, умных людей...

А потом? Что было потом? Ведь пришла же в Латвию Советская власть! Неужели и тогда, в 1940 году, мальчик не встретил людей, для которых религия была силой враждебной, которые противопоставляли ей передовую марксистско-ленинскую идеологию и были всей душой преданы власти трудового народа? Неужели Алеша не слышал передач из Москвы по радио, не читал советских книг, газет? Да, все это было. Но за радостным, красным годом, сороковым, настал черный год — сорок первый. Латвию оккупировали фашисты. Вернулись времена владычества буржуазии, только теперь еще более мрачные и жестокие. В Риге свирепствовало гестапо. Людей обуял страх за свою жизнь, за судьбу близких. И многими овладели религиозные настроения. Но не это было главным в Латвии тех дней. Продолжая революционные традиции латышских стрелков, сражавшихся за власть Советов в годы гражданской войны, десятки тысяч сынов Латвии поднялись на бой с фашизмом в годы Великой Отечественной. В рядах рабочей гвардии латыши участвовали в тяжких оборонительных боях, вступали в Красную Армию. Жители республики яростно сопротивлялись нацизму и на захваченных землях: было в Латвии партизанское движение, были коммунисты и комсомольцы — герои и мученики подполья.

Однако в кругу знакомых Алешиной семьи как будто и не знали о боевых делах своих сограждан. Может, потому не знали, что просто не старались узнать? И сами Чертковы и их друзья ненавидели нацизм и втайне молили бога ниспослать поражение супостату Гитлеру и его воинству. Но в открытую с фашизмом не боролись: что ж, дескать, господь терпел и нам велел...

ЧЕРТКОВА

Окончилась война. В Латвии снова и теперь уже навсегда утвердилась Советская власть. Алексей учился в советской школе. Но сознание подростка уже было отравлено религиозной идеологией. А педагоги внимания на это не обращали. Серьезную антирелигиозную пропаганду в школе вообще не вели. Преподаватели в основном остались прежние. Случалось, что в воскресенье Алексей встречал в церкви учителя астрономии или основ дарвинизма.

В июне 1949 года Алеша Чертков окончил школу. Весь этот последний год его одноклассники оживленно обсуждали, кем быть. Один решил стать инженером, другой — учителем, третий — физиком. Алексей своих убеждений от товарищей не скрывал, и его решение стать священником всем в классе было известно. Над ним посмеивались: «Ну-ка, батюшка, отпусти нам грехи наши». Он добродушно отшучивался. Но в душе-то гордился, чувствовал себя героем: как же, вот, пожалуйста, он уже терпит издевки за свою веру.

Алексей поступил в Московскую духовную семинарию.

— Как радовался я тому, что еду в Москву! — продолжал свой рассказ Алексей Борисович. — Ведь я интересовался не только религией, но и любил кино, архитектуру. Мечтал побывать в столичных театрах, полюбоваться историческими памятниками. Я тогда наивен был до предела: считал, что священник должен основательно знать литературу, науку и самое жизнь. Только тогда он сумеет по-настоящему влиять на свою паству. Ну, а главной своей задачей я в то время ставил углубленное изучение духовных наук. Семинария представлялась мне храмом богословской премудрости. И я надеялся, что профессора, преподававшие там, вооружат меня научным обоснованием веры — серьезным и неопровержимым. Ведь учебник закона божия доказывал существование бога на самом примитивном уровне. И его наивная аргументация уже тогда меня не устраивала. Смущало только одно: семинария казалась мне обиталищем святости, и я тревожился, что по грехам своим недостоин там учиться.

Но все мечты мои рухнули, едва я попал в землю обетованную. Здесь господствовала муштра, тупая долбежка, всячески поощрялось наушничество. Распорядок дня был составлен так, чтобы студенты постоянно находились под бдительным оком начальства и питались только той духовной пищей, которая угодна наставникам. Утром — молитва, завтрак, лекции, потом небольшой перерыв и вечерние самостоятельные занятия в общей аудитории. Попробуй-ка в таких условиях незаметно прочитать неугодную начальству книгу!

Очень удивляло меня то обстоятельство, что никого, по существу, не интересует, как мы усваиваем богословские знания, преподносимые нам на лекциях. Более того, осмысленное усвоение материала, при котором необходимы и раздумья и сомнения — словом, усиленная работа мысли, вовсе не ценилось нашими преподавателями. Гораздо больше устраивала их бессмысленная долбежка. И меня немало веселило, когда студент Оскалюк, старательный зубрила, неустанно твердил: «Кафизма имеет три славы, кафизма имеет три славы...» Спроси его, что такое кафизма, и вразумительного ответа не жди. А преподаватели ставили Оскалюку приличные отметки. Я не понимал такого метода обучения. Знал ведь, что когда мы станем священниками, нам придется столкнуться со множеством неверующих людей. Чем же я, например, смогу опровергнуть их доводы против религии? Я просто не смогу вести серьезные теоретические споры!

В то время я еще мало был знаком с наукой. Но уже тогда понимал, что истинная наука во всех своих положениях основывается только на реальной действительности и на законах логики. Не то в религии, которая опирается лишь на веру в сверхъестественные силы. Наука начинается с факта и его объяснения, а религия начинается и заканчивается чудом, как правило, необъяснимым. Поэтому проверить ее основные положения примерами, взятыми из реальной жизни, невозможно. Даже сами отцы церкви говорят, что кардинальные положения религии доказаны быть не могут. Церковь утверждает, что творцом всего сущего является бог. Казалось бы, это положение нуждается в подтверждении. Однако единственное доказательство, которое приводят церковники, — это ссылки на священное писание. С точки зрения богословов, догматы религии считаются вполне доказанными, если в библии найдется хотя бы одна цитата, их подтверждающая. Богословы утверждают, что библия написана по внушению бога, который не может ошибаться. А если студенты семинарии спрашивают, откуда же известно, что библия написана по внушению бога, им отвечают: об этом сказано в самом священном писании... Вот и все доказательства.

Недоуменных вопросов рождалось у меня все больше, богословские книги подавали к ним все новые и новые основания. Но ответа на свои вопросы я в семинарии не получал. Наши наставники говорили только, что все сомнения, возникающие по мере углубления в богословие, внушает дьявол, искушающий веру людей. От дьявольского искушения нужно бежать, ибо вопросы, внушаемые им, — начало греха.

Но в бога я продолжал верить глубоко и искренне. Если ум мой выдвигал сомнения, то сердце их отвергало. А для того, чтобы всерьез разобраться в сомнениях, у меня не хватало ни знаний, ни времени. Мы были загружены штудированием богословских дисциплин, спевками, службами, подготовкой к приему важных духовных особ. Никакому постороннему влиянию в те дни я подвергнуться не мог: из стен семинарии нас выпускали редко, ибо опасались мирских соблазнов.

Однако, как ни странно, именно в стенах семинарии находилось немало соблазнов! Были среди нас неверующие, они-то пришли в семинарию лишь в предвкушении легкой жизни священнослужителя. На богослужениях в соборе Троице-Сергиевской лавры нагляделись мы на недостойное поведение монахов: они бранились на клиросе из-за того, кому выйти первым или возглавить службу, а нередко и служили, воздав перед тем Бахусу. Познакомившись с несколькими молодыми монахами поближе, я с ужасом узнал, что в «святые стены» их привела не жажда подвигов во славу господню, а стремление к праздной, сытой, безответственной жизни. Подумать только, и это монахи, которых я с детства привык считать почти святыми!

Сомнения и вопросы, одолевавшие меня в семинарии, усугубились стократно, когда, окончив ее, я поступил в духовную академию...

Чем более углублялся Алексей в изучение богословских трудов, тем больше подмечал в них нелепостей, противоречий, неувязок. От произведений отцов церкви веяло ненавистью к жизни, ко всем ее радостям. Студентам внушали, что жизнь людская греховна и так же греховны помыслы и мечты о счастье здесь, на земле. Человек должен терпеливо и безропотно переносить все беды и лишения, бежать всех жизненных искушений, неустанно замаливать свои и чужие грехи. И только после смерти в царствии небесном праведников ждет счастливая, светлая жизнь. И в юношеском мозгу мучительно шевелилось сомнение: для чего же тогда бог сотворил всю красоту земную, коли красота эта не что иное, как зло, несущее погибель людям? Постулат о греховности всех жизненных радостей настолько вкоренился в умы наставников Алексея, что однажды ректор, читавший студентам нравственное богословие, вполне серьезно заявил:

— Вы заметили, что в евангелии нигде не упоминается об улыбке Христа? Спаситель не мог улыбаться, ибо денно и нощно оплакивал наши грехи. А потому и вам возбраняется тешить беса улыбкою. Радоваться будете в раю, коли попадете туда по милости божией. Ныне же вам прилично лишь без устали молиться и скорбеть о своих прегрешениях...

А за окнами лавры кипела, бурлила, сверкала манящими, радостными огнями совсем иная жизнь. Какое-то время неподалеку от академии находился Загорский Дом культуры. Студенты, запертые от жизни в тесных стенах академии, частенько с тоской и завистью взирали на веселую молодежь, которая спешила в свой Дом — потанцевать, посмотреть кинофильм или спектакль. Этим юношам и девушкам никто не запрещал улыбаться, никто не призывал их хранить постный, благочестивый, скорбный вид.

— Веру мою сильно поколебала и работа над кандидатской диссертацией, — продолжает Алексей Борисович. — Работа эта навела на размышления о святости таинства причащения. Православная церковь учит, что во время обедни благодаря молитве священника хлеб и вино силою бога превращаются в тело и кровь Христа. Верующие, причащаясь, вкушают уже не хлеб и вино, а плоть и кровь Христову. Есть в этом что-то неприятное, более того, противоестественное. Но главное даже не это. Если просфору, именуемую телом Христовым, хранить долго, на ней появляется плесень. Неужели всемогущий бог не может уберечь от порчи свою плоть? Ведь церковь утверждает, что даже мощи святых нетленны!

Но почему же Алексей не ушел из академии? Вера была еще слишком сильна в нем. Воспитанное долгими годами представление о боге не могло так сразу уйти из сердца. И когда юношу особенно одолевали сомнения, он спешил в церковь. Возносил в торжественной тишине жаркую молитву всевышнему, прося укрепить в вере неразумного раба своего...

— Поверьте мне, — негромко говорит Алексей Борисович, — особенно сильна в религии эмоциональная сторона. Многовековой опыт церковников приучил их воздействовать прежде всего на чувства верующего, ставить на службу своим целям богатейший арсенал искусства: живопись, музыку, архитектуру, торжественное, красивое убранство церкви, возвышенность, благолепие обрядов. О, как здесь все продуманно, чтоб создать определенное настроение у человека, ищущего в церкви успокоения и возвышающих чувств! К сожалению, наши лекторы-антирелигиозники обычно обращаются лишь к мысли слушателя и совершенно не используют возможности эмоционального воздействия.

Течет неторопливо, разматывается исподволь это повествование о странной судьбе. И я не тороплю моего собеседника. Нельзя торопить. Тут ведь нет ненужных подробностей, каждая мелкая деталь важна, ложится к месту. Я понимаю это...

Алексей Борисович успешно окончил академию, стал кандидатом богословия, и ему предложили место преподавателя духовной академии, но он отказался. Юному богослову тогда казалось, что служба священника позволит ему широко общаться с верующими, наставлять их в нравственных вопросах, поддерживать и утешать в скорбях. Словом, он стремился сеять добро, злаки, а не плевелы.

Из церковных книг Алексей усвоил, что жизнь наставника человеческих душ нелегка и путь его тернист. Но во имя того, чтобы стать хорошим пастырем, он готов был многое претерпеть.

Выпускника академии посвятили в священники и определили на приход — сначала в храме при Даниловском кладбище Москвы, где он прослужил два года, а потом — в церковь Ризоположения — это возле ВДНХ.

Став священником, Алексей Борисович принялся служить богу и приходу ревностно, с усердием: произносил с амвона пылкие, зажигательные проповеди, вдохновенно совершал церковные службы, старался не отказывать верующим ни в большой, ни в малой просьбе. Верующие, видя, с каким рвением служит молодой, симпатичный, добрый батюшка, относились к нему сердечно, искренне благодарили. Это окрыляло, вдохновляло молодого священнослужителя. И Алексею казалось, что деятельность его служит к исправлению заблудших душ, к пробуждению в них всего чистого, светлого.

Тот первый период был самым отрадным в церковной деятельности Алексея Борисовича. Сразу сами собой отпали все сомнения, которые так мучили его в академии. Но вот шли дни, и постепенно вдохновенность стала таять, исчезать, на смену окрыленности, легкости, уверенности одно за другим вновь появлялись тревожные сомнения. Что порождало их? Сама жизнь. Вот, например, вскоре открылось странное для молодого идеалиста обстоятельство: оказалось, что христианский пастырь — особа, как казалось Алексею, весьма далекая от благ мирских,— именно этими-то благами вовсе и не обделен. Сослуживцы молодого священника жили в прекрасных, комфортабельных квартирах, обставленных дорогой мебелью, не знали недостатка в деньгах, многие из них имели даже собственные автомобили...

Да разве только в этом было дело! Появлялись вопросы и посложнее. В храм, где служил отец Алексей, часто приходил человек по имени Николай. Молился он истово, исповедовался и причащался регулярно, однако на каждой исповеди вновь и вновь каялся, что во гневе избивает жену. Но чего же стоит все, пусть даже искреннее благочестие этого человека, если оно не облагораживает душу, не удерживает от скверных поступков!

Или вот являются к пастырю соседи набожной старушки, которую он привык видеть молящейся, и жалуются: оказывается, в квартире от богомолки никому нет житья. Священник принимается увещевать старушку и с удивлением и стыдом видит, как глаза ее загораются гневом: «Вот ведь анафемы — батюшке жаловаться не постеснялись! Ну, да я им покажу!»

Что же все это значит, недоумевал Алексей Борисович. Конечно, человек может быть и слаб, и безволен, и гневлив. Но ведь вера в бога и наставление священника должны его очистить, исправить, удержать от греха. Однако весь недолгий опыт молодого священнослужителя убеждал его в том, что религия бессильна исправить хоть что-нибудь дурное в человеке...

Как-то священник прочитал в газете заметку, которая взволновала его и заставила призадуматься о вещах, весьма серьезных. В заметке говорилось, что один рабочий получил сильные ожоги и состояние его было крайне тяжелым. И вот в больницу, где он лежал, пришли без зова множество людей, пришли, чтобы предложить свою кровь и кожу для спасения незнакомого им человека. Как же так, думал Алексей Борисович, люди эти, в основном молодые, видимо, ничего не знают о христианском милосердии. Какую же грандиозную силу имеют их идеалы, далекие от религии, если не жаль людям ничего для спасения ближнего?

В стенах семинарии Алексею Черткову почти не приходилось соприкасаться с реальной жизнью. А здесь, на приходе, эта жизнь стала ставить перед священником все более трудные, порою неразрешимые проблемы.

Одна из прихожанок пожаловалась отцу Алексею, что ее всячески притесняют родственники, вместе с которыми она живет:

— Долго я терпела, ведь господь наш терпел и нам велел. А теперь нет больше сил!

Что мог ответить ей священник? Церковное учение повелевает прощать мучителя, обидчика, грабителя бесконечно, до «семижды семидесяти» раз. Но нельзя же оставлять человека в беде. Как тут быть?

Противоречия между жизнью и евангельскими заветами нарастали, как снежный ком.

Вот, скажем, труд. Важнейшее условие жизни людей! Священное писание утверждает, что труд — божье наказание за грехи человека. Рай, попасть в который стремятся все верующие,— это жизнь без труда, праздная жизнь. Но ведь именно труд, неустанный и радостный, создал все то, что составляет счастье каждого человека в нашей стране. Как же примирить такое противоречие с одним из основных постулатов религии?..

— Меня все больше и больше удивляло,— говорит Алексей Борисович,— почему моих собратьев не мучают все те проклятые вопросы, которые так терзали меня. И постепенно я убедился: большинство священников служат вовсе не ради спасения душ людских, но лишь ради собственного блага — и притом не духовного, а материального. Среди священнослужителей я провел всю жизнь, однако все своеобразие этого сословия разглядел только тогда, когда сам стал священником. Сначала мне казалось странным, что именно духовная сторона жизни духовенства по большей части крайне убога. Потом я понял: это норма. Ограниченность, узость кругозора — и не только в отношении науки, культуры, но даже и в отношении религии,— вот что характерно для большинства церковников. За все пять лет моего служения в церкви я почти не слышал, чтоб коллеги обсуждали какую-то новую книгу, радовались трудовой или научной победе своих соотечественников. Как-то поехал я в Московское епархиальное управление. Народу там собралось немало, и разговорились мы о всякой всячине. Кто-то пошутил, что митрополит Крутицкий и Коломенский Николай, часто выезжавший за границу, скоро, наверное, полетит на Луну. Вот ведь спутники-то один за другим запускают. В разговор вступил подмосковный священник.

— Какие это спутники?— недоуменно спросил он.

— Да как же, во всех газетах о них пишут,— ответил я.

— И, батюшка, зачем же газеты-то читать! Только беса тешить...

Претила и мышиная возня батюшек из-за доходов, из-за стремления заполучить богатый приход. Священники московской Всехсвятской церкви Владимир Родин и Константин Мещерский за обедней, следуя ритуалу, лобызали настоятеля и умиленно возглашали: «Христос посреде нас»,— а потом бежали строчить на него доносы, дабы самим занять место настоятеля. Ну, чем же это не иудин поцелуй?

Удручало отношение священнослужителей к суевериям, которым подвержены многие верующие, в большинстве своем люди малоразвитые и ограниченные. Чуть ли не каждый день сталкивался я с тем, что церковь всячески поощряет предрассудки. Но зато духовенство старается оторвать прихожан от общественной жизни, от книг, театра — словом, от всего, что обогащает душу и разум человека. Ведь мои коллеги прекрасно понимали, что просвещение несовместимо с верою в бога... Словом, пелена спадала с моих глаз, и я, наконец, с ужасом понял, что сею не свет, а тьму.

Однажды мне пришлось краснеть за свою деятельность уже не перед прихожанами, а перед монашкой, прислуживавшей в алтаре. В тот день я произносил проповедь на евангельский текст: «Не заботьтесь для души вашей, что вам есть и что пить, ни для тела вашего, во что одеться... Взгляните на птиц небесных: они не сеют, ни жнут, ни собирают в житницы; и отец ваш небесный питает их... И об одежде что заботитесь? Посмотрите на полевые лилии, как они растут: не трудятся, не прядут... Итак, не заботьтесь о завтрашнем дне...»

Окончил я проповедь, вхожу в алтарь, тут монашка вдруг и говорит с недоброй такой усмешкой:

— Отец Алексей, а ведь сам-то ты живешь не так, как птица небесная. Ишь какая у тебя ряса красивая! Что ж прихожанам про лилии проповедуешь? Небось, коли послушают тебя, так уже не в лилии обратятся, а в сено, засохнут без еды и пития...

Что я мог ответить на эти справедливые слова?

Нить, связывающая меня с религией, становилась все более тонкой. А порвать ее помогла моя страсть к чтению. Читал я в те годы очень много. И теперь уже не только богословские книги, но и романы и повести советских писателей, научно-популярные сочинения. А особенно меня стала интересовать марксистская литература. В ней я находил ответ на все вопросы, что так меня мучили. И чем больше я углублялся в изучение передовой идеологии, тем сильнее жег меня стыд за мою деятельность. Что же это получается? Я — заступник людской перед богом, оказывается, просто-напросто враг своего народа. Я не помогаю, а мешаю ему строить рай на земле. Тяну его назад, в прошлое.

Вера моя в бога умерла. И ничто более не связывало вчерашнего слугу божьего с церковью. Я заново переоценил свое отношение к миру, к действительности. Наконец-то буря в моей душе улеглась. Служить богу, не веря, я не мог.

12 марта 1960 года я отслужил последнюю обедню, написал на имя патриарха рапорт, в котором заявил, что снимаю с себя сан священника, и отдал рапорт настоятелю. Против ожидания он не выразил удивления, а спросил только: «Чем же ты будешь заниматься?» Вот этого-то я и не знал... Зато знал другое. Горячо проповедуя ошибочное, ложное учение, я наносил людям огромный вред, сеял невежество, обскурантизм. Меня теперь волновало только одно: смогу ли я хоть как-то исправить зло, причиненное мною? И я решил: сколько бы ни осталось мне жить, все эти годы я должен посвятить борьбе с религией...

Я слушала взволнованную, трудную исповедь бывшего священника и поражалась мужеству, упорству, твердости духа этого человека. Уход из церкви дался Алексею Борисовичу недешевой ценой. Родственники были недовольны его «отступничеством», вчерашние друзья отвернулись от Черткова. Да и в мир он ушел не на заранее подготовленные позиции — не было ни работы, ни «светской» специальности.

Однако уже через два месяца Алексей Борисович поступил на работу — экскурсоводом в Павильоне культуры и быта народов СССР на ВДНХ. Новые сослуживцы приняли бывшего священника приветливо, отнеслись к нему с большим тактом — не задавали ненужных вопросов, ничем не давали понять, что как-то выделяют его из своей среды. Вскоре Алексея Борисовича приняли на вечернее отделение философского факультета Московского университета, а в 1962 году он перешел на работу в планетарий, где трудится и поныне. Где только не приходилось ему выступать с антирелигиозными лекциями — перед самой различной аудиторией и в самых разных уголках Советского Союза. Вскоре почтальоны стали приносить Алексею Борисовичу не только анонимные угрозы, но и письма совсем иного рода. Ленинградская учительница написала: «Я от души рада за вас, что вы вышли из-под власти тьмы и теперь находитесь среди наших замечательных людей». А вот письмо из Казахстана: «...Я хочу сказать вам спасибо и пожелать наилучшей удачи в работе и в жизни». Как согревали эти письма сердце Алексея Борисовича! Благожелательный, теплый тон их свидетельствовал: его поступок был правильно понят советскими людьми.

Несколько раз приходилось Черткову выступать перед прихожанами церквей, с амвона которых он когда-то восславлял бога. Конечно, Алексей Борисович не настолько наивен, чтобы предполагать, будто одна лекция или беседа может вот так, сразу изменить мировоззрение человека. И все же он знал: крошечное сомнение, посеянное сегодня, усилит потом стократно сама жизнь. Так ведь было и с ним... А однажды у Черткова произошла очень приятная встреча. После беседы в одном из рабочих клубов Москвы к нему подошла незнакомая женщина и сказала:

— Спасибо вам за лекцию. Я иногда захаживала в церковь. И время впустую тратила и деньги. Теперь-то уж и сама к попам не пойду и другим не посоветую...

Уже двенадцать лет прожил вне религии бывший священник. Он стал членом Коммунистической партии. Окончил философский факультет. Написал девять антирелигиозных книг и множество статей. Алексей Борисович ощущает себя деятельным участником строительства новой, прекрасной жизни.

— Как я радуюсь тому, что порвал с религией в молодости, когда было не поздно круто перестроить жизнь,— говорит Алексей Борисович.— И как жаль мне тех юношей, которые еще и сегодня губят себя в стенах семинарии. Так и хочется сказать им: не растрачивайте попусту свои силы, не ищите того, чего нет ни на этом свете, ни на том. Жизнь прекрасна, мир наш широк и просторен, любому честному человеку найдется в нем достойное место...

С гостеприимным домом Чертковых я простилась поздним вечером. Моя приятельница Соня мирно сопела, обняв любимую куклу. Какой сон снится ей сегодня? Книжка про смешного деревянного человечка, которую ребятам читали вчера в детском саду? Веселые проказы или прогулка в зимнем, белом саду? Кто же это угадает! Знаю только, что никогда, даже во сне, не увидит славная черноглазая девчонка того, что так долго мучило ее отца наяву. И не звон колоколов будит Соню поутру, а ясный голос радиодиктора: «С добрым утром, дорогие москвичи!»

В. Стожаров. КАРГОПОЛЬ. СКЛАДЫ.

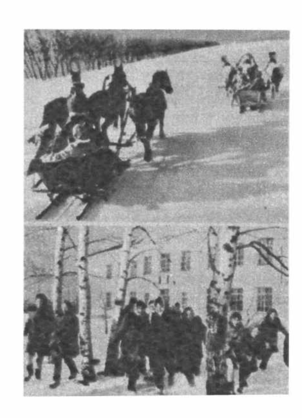
НАТЮРМОРТ. ЛЁН.

В. Стожаров. ЧАЙ С КАЛАЧАМИ.

СУМЕРКИ.

ДОБРЫЕ ЗЕРНА

М. СТЕПИЧЕВ

В центре этой тамбовской колхозной усадьбы под могучими липами стоят двухэтажные домики, возведенные еще первыми коммунарами. Тесовая обшивка их давно почернела, кое-где покрылась мхом, но домики по-прежнему удивительно приветливы. И хотя в последние годы выросло тут пять новых поселков, люди тянутся сюда, под старые липы, откуда полвека тому назад пошел их колхоз.

Люди, которые здесь живут, каждый по-своему, удивительно интересны. Давно я собирался рассказать о старой коммунистке Марте Кригер, «нашей Марте», как ее здесь называют, да все никак не удавалось. Но вот недавний разговор с Мартой заставил меня взяться за перо...

В тот вечер по приглашению Марты я зашел к ней в уютный домик, неподалеку от колхозного сада. Поведав о сельских новостях, хозяйка вдруг засуетилась, приговаривая: «Что же это я сижу сложа руки, гости ведь пришли». Она удивительно проворно делала все, и я даже засомневался, а правда ли, что ей уже давно перевалило за семьдесят. Но возраст выдавали узловатые, натруженные руки, отливавшие серебром волосы.

Марта распахнула окно. Сад был рассечен лунными полосами, меж ветвей колыхались звезды...

— Каждое деревце сажали своими руками. Пеленали, как родное дитя,— вспоминала Марта. Вдруг она замолкла, прислушиваясь к чему-то, глаза ее стали суровыми.— Слышите, очередной шабаш...

— О чем это вы?

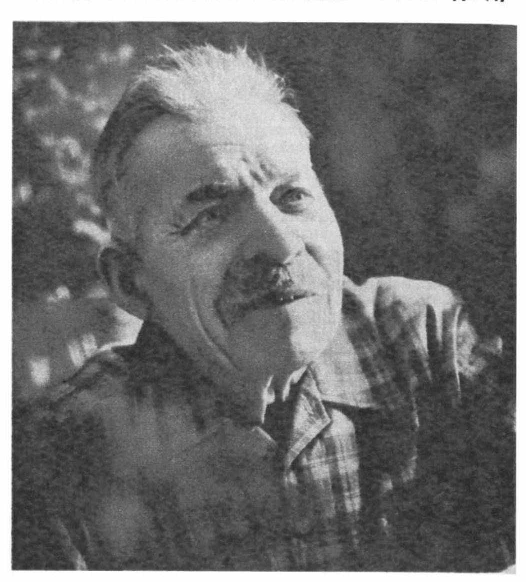
Марта кивнула на приемник. Я тоже прислушался. По радио рассказывали о грязных антисоветских выходках в Англии.

— Мутят воду эти, как их там, тори. Последыши той самой леди Астор, что к нам заезжала. Всю жизнь ведь грязь на нас лила. Да я и сама слышала, как развал она нашему колхозу предрекала... Чего тут удивляться: того же поля ягода, что и наша Оболениха. А Оболенскую-то, зверюгу-помещицу, хорошо помню: много лет на нее батрачкой спину гнула. Имение ее как раз находилось на месте нынешней усадьбы колхоза. В семнадцатом, когда бедняки брали власть, Оболениха волчицей завыла, почувствовала: кончилось ее время. «Красного петуха» под свой дом пустила, чтоб богатство народу не досталось, а сама бежать, в Англию уехала. Там и нашла общий язык с Асторами. К чему это я вам говорю? А к тому, что леди Астор, собираясь сюда, взяла с собой дочку Оболенихи как переводчицу, дескать... Нет, думаю, тут другой повод: все еще надеялись повернуть историю назад...

Горькую судьбу бедняков в царской России Марта знает не по книгам. И потому после революции она без колебаний пошла работать в совхоз «Ира». Но первые радости были недолгими. Как-то на совхоз налетела антоновская банда, в дикой злобе все разграбила, жестоко расправилась с коммунистами и комсомольцами. Директора расстреляли, а партийного вожака совхоза схватить не удалось. Разъяренные бандиты рыскали по усадьбе. Кто-то донес, что его видели у дома Марты. Ее схватили, избили до полусмерти. Но так ничего и не узнали. А ночью, отдышавшись, Марта увела спрятанного у нее коммуниста в лес... Вскоре антоновцев разгромил красноармейский отряд.

На месте совхоза осталось пепелище. Марта горестно ходила по обгоревшим улицам, сожженным нивам, садам. Как же дальше-то будет? Вот тогда на берегах реки Иры и появились странные люди в клетчатых пиджаках и потертых шляпах — крестьяне, вернувшиеся из Америки. Многие из них уехали туда в поисках счастья. Но хваленый рай обернулся для эмигрантов адом. Они горячо приветствовали революцию на Родине, послали на имя Ленина телеграмму: «Мы с вами душой и сердцем». И вместе с другими они создали на Тамбовщине интернациональную коммуну. Вступила в нее и Марта.

— Мы были увлечены новым,— вспоминает Марта.— Построили школу, клуб, столовую. Все учились. Помню, как я первые буквы сложила в слово. Получилось «Ленин». Мы всегда думали об Ильиче как о нашем отце и учителе. Он внимательно следил за делами маленькой коммуны в центре России. Когда мы собрали первый урожай, Владимир Ильич прислал приветственную телеграмму.

К. Е. Задирако — ветеран колхоза. Он один из тех, кто в свое время приехал из Америки, чтобы на родной земле создавать коммуну.

Фото Б. Кузьмина.

Марта достает из заветного сундучка пожелтевшую от времени бумагу, но читает ее наизусть: «Несмотря на гигантские трудности и, в особенности, ввиду разорения во время гражданской войны, вы достигли успехов, которые следует признать исключительными».

...Июльским утром 1931 года в хозяйстве появилась группа иностранцев. Среди них был высокий человек. «Кто это?»— спросила Марта. «Бернард Шоу, знаменитый английский писатель»,— ответили ей. Рядом с писателем суетилась элегантная дамочка в белой шляпке, о чем-то торопливо все расспрашивала и записывала в свою книжечку. Леди Астор и ее супруг увязались за Бернардом Шоу, когда он поехал в Советскую Россию. Писатель хотел повидать «страну надежды», чтобы рассказать о ней миллионам людей во всем мире. Астор же кипела ненавистью к новой жизни в Стране Советов и с необычайной энергией всюду искала «ужасы» на советской земле.

— Немка?— удивленно подняла брови леди, познакомившись с Мартой Кригер.— Плохо вам тут?

— Нет,— заметила Марта.— Дружно живем.

— Странно это от вас слышать,— бросила на ходу Астор и заторопилась к молодой доярке Марии Кардаш. До Марты долетал торопливый разговор:

— Трудно живется?

— Да нет, у нас в коммуне дела хорошо идут.

— Я спрашиваю, как вам самой живется, а не коммуне,— выпалила Астор.

— Так раз в коммуне дела хороши, значит, и мои дела тоже и всех...

Раздосадованная леди со злостью захлопнула блокнот, на прощание в сердцах буркнула доярке: «Все-таки у вас в колхозе все провалится» — и побежала к хлебопекарне. Там она встретилась с работницей Марией Пилипенко, приехавшей сюда из Австралии. Леди приготовилась записывать ее ответы, но карандаш так и повис в воздухе:

— Вы спрашиваете, как тут живем? Прежде всего чувствуем себя людьми. У меня всегда есть работа, и труд мой ценят. Дети учатся за счет государства.

Астор, узнав, что семья Пилипенко — шесть человек — живет в одной комнатке, рассказала об этом Шоу. «Смотря какая комната»,— спокойно заметил писатель. Пошли посмотреть. Когда Шоу вошел в большое, светлое помещение, он задумчиво сказал: «В Англии в такой комнате нередко живет по 15 рабочих». Уходя, леди крикнула Марии:

— Никогда вы не выберетесь из этой клетушки! И дети будут тут киснуть...

— Посмотрим,— с достоинством заметила Пилипенко.

— Как же история рассудила этот спор?— спросил я Марту. Она ответила:

— Пусть лучше Мария Пилипенко, близкий мой друг, сама о себе все расскажет.

И мы пошли к Марии Матвеевне. Седая женщина с мягкими чертами лица приветливо пригласила нас в гостиную, где они с дочерью коротали вечер у телевизора. Старая коммунистка вышла на пенсию, живет сейчас с дочерью в двухкомнатной квартире.

— А где остальные ваши дети?

Мария Матвеевна сняла очки, улыбнулась.

— Разлетелись по всей стране. Большая дорога у каждого. Ольга — она со мной живет — работает мастером в ателье. Шьет платья колхозным модницам. Тут вот рядом, тоже в отдельной квартире,— семья Льва, он колхозный механизатор. В летнюю пору на побывку приезжает Владимир с женой и детьми, он работает в Москве, инженер. Александр пошел по ученой части. Кандидат наук... Вера стала адвокатом, Анна — бухгалтером. Младший, Витя,— в Ростове, токарь на заводе... Как видите, не сбылось пророчество заморской гостьи.

«Не сбылось пророчество леди Астор»— примерно такие же слова мы услышали и от Екатерины Васильевны Гонтарь-Шишковой. Ныне она всеми уважаемый школьный учитель. Она помнит свой разговор с леди Астор. Катюша сказала ей тогда: «Я здесь учусь и работаю, а через два-три года буду в университете. Обязательно!» Леди недоуменно пожала плечами: «Фантазерка...»

— А ведь так все и сложилось...— рассказывает Екатерина Васильевна.— Правда, училась я не в университете, а в педагогическом институте. Но это неважно. Главное — занимаюсь своим любимым делом, преподаю в местной десятилетке. Сотни наших питомцев уже стали учеными, агрономами, врачами, музыкантами...

За этой вот партой сидел Флабио, сын Джованни Фанфарони... Тут — сын Марты Кригер... А здесь — Можарова, теперь она Героиня Труда,— рассказывала Екатерина Васильевна, когда мы переступили порог класса.

А потом мы вышли на улицу. Среди заснеженных берез виднелись скульптуры спортсменов. Это творения колхозного зодчего Джованни Фанфарони. Его и Флабио. У себя на родине, в Италии, Джованни, каменщик, не мог работать по специальности: был кризис. А здесь вот — зодчий, ваятель...

Побывал Джованни и в Америке. Но, не найдя там счастья, приехал в Россию помогать строительству нового мира. Собрал бригаду строителей. Построил школу, клуб, электростанцию. Хватило времени и на то, чтобы заняться любимым делом — скульптурой... На пенсию он вышел, когда ему минуло уже восемьдесят, да и то потому, что захотелось поездить по стране, навестить детей, внуков. Они живут в разных местах: один — ученый, другой — музыкант, третий — инженер.

...«Разве уживутся за одной чашкой люди двадцати национальностей?» — сказала Астор, узнав, что в колхозе работают дети многих народов. Марта запомнила эти слова. И еще она запомнила, что, когда создавалось их хозяйство, коммунисты говорили крестьянам: «Мы не обещаем вам легкой жизни, но совесть ваша перед революцией будет чиста». Люди разных национальностей пошли за коммунистами и создали такой коллектив, дела, интернациональная спайка которого стали известны далеко за пределами Тамбовщины. Владимир Ильич призывал коммунаров работать с максимальным напряжением и с наибольшей производительностью труда и дисциплиною... И они делают все, чтобы выполнить ленинский наказ.

...И еще вспоминает Марта один эпизод, связанный с приездом зарубежных гостей в том 1931 году.

...После обеда гости побывали в детских яслях. Детишки высыпали гурьбой в сад, набрали букет цветов и преподнесли его Бернарду Шоу. На цветах сверкали бисеринки росы. Писатель улыбался, глаза его светились радостью. Принесли из сада букет и для леди Астор. Но она, увидев цветы, поморщилась: «Оставьте, не хочу». «Почему же?» — спросила воспитательница. «Это гвоздики, а я не люблю все красное. Они напоминают мне о флагах на баррикадах... Ужасно...»

Уважением и любовью окружено в колхозе имя Марты Кригер. Ее старания вложены в создание колхозной фермы коров-рекордисток, которые еще до войны давали по пять тысяч литров молока в год. Вместе с новаторами-зоотехниками она, рядовая телятница, вывела новую — краснотамбовскую породу крупного рогатого скота. Перед войной Марта не раз заседала в Кремле. Здесь ей вручали орден Ленина. В пору войны и после нее Марта проявила себя замечательным организатором колхозного производства...

Никогда не забыть Марте военных лет! Работала с неистовым упорством. Почти не появлялась дома — все на ферме, в поле. Волновало ее, что не берут в армию сына, коммуниста: неужели не доверяют? Наконец, пошла к военкому. «Хочу, чтобы сына взяли на фронт». А сына-то не брали в армию потому, что инженер Кригер нужен был на производстве. Но когда просит мать...

Вскоре пришло письмо от сына: его подразделение готовится вступить в бой под Сталинградом. Марта решила повидаться с ним. Приехала в Сталинград, разыскала его и выступила перед солдатами, уходящими в бой. Она, немка, призывала их громить немецких захватчиков.

В тот же день Марта уехала домой. Долго добиралась она по военным дорогам. Ее обогнала похоронная: «Ваш сын погиб смертью героя под Сталинградом...»

...Марту Кригер часто можно увидеть в музее села. В горестном молчании стоит она у фотографии любимого сына, одного из двухсот односельчан, павших смертью храбрых в боях за Советскую Отчизну.

Колхоз и сейчас принимает много гостей. Приезжают и из-за границы. Однажды к Марте подошла женщина из Венгрии и протянула мешочек с отборным зерном.

— Возьмите, сестра, в знак признательности за давний ваш подарок: семена этой пшеницы привез в Венгрию мой отец из вашего колхоза имени Ленина. Отец был здесь еще до войны. Много рассказывал. Эти добрые зерна разошлись по нашей земле...

ВСПОМИНАЕТ ЧЛЕН ВОЕННОГО СОВЕТА ФРОНТА

Все больше книг военно-мемуарного жанра прочно входит в золотой фонд литературы о Великой Отечественной войне. К таким книгам относится и «От Днепра до Вислы», принадлежащая перу одного из крупных политработников Советской Армии, бывшего члена Военного совета 1-го Украинского фронта генерал-полковника Константина Васильевича Крайнюкова.

Книга увлекает главами, в которых автор вспоминает предосенние и первые осенние дни 1943 года, когда армия, где он в то время был членом Военного совета, вела успешное наступление на киевском направлении, вышла на Днепр и, с ходу форсировав его, захватила плацдарм на правом берегу. Читатель как бы становится очевидцем тех героических событий, ощущает биение пульса огромного войскового организма и проникается пониманием огромной роли партийно-политической работы на войне. А мне при чтении этих глав вспоминаются бои на Дону, Курская битва, когда я, тогда корреспондент фронтовой газеты «За честь Родины», не раз в полках и дивизиях встречал генерала Крайнюкова, слушал его беседы с командирами и политработниками, в штабах и подразделениях, на маршах и огневых позициях. Уже тогда славился он в армии как умелый и неутомимый военный и политический деятель, искусно направлявший работу партийно-политического аппарата, вникавший во все трудности, с которыми сталкивались штабы и войсковые службы. Он всегда вовремя оказывался в самых «горячих» местах. Многие из нас запомнили, как энергично и бесстрашно под непрерывным огнем врага руководил генерал Крайнюков в конце сентября 1943 года строительством первого моста и первой переправой батальонов через Днепр.

Тем живее наш интерес к его воспоминаниям, которые страница за страницей воскрешают действия войск 1-го Украинского фронта, сыгравшего важную роль в исторической битве за Днепр, в освобождении столицы Украины — Киева, в успешном осуществлении Житомирско-Бердичевской, Корсунь-Шевченковской, Проскуровско-Черновицкой операций, в изгнании гитлеровских оккупантов с Украины, в том числе из древнего Львова, Тернополя, Перемышля и других крупных городов, в освобождении значительной части дружественной Польши, в завоевании Сандомирского плацдарма на Висле, в разгроме крупной группировки немецко-фашистских войск в Карпатах и на завершающем этапе войны — в освобождении Чехословакии и других сопредельных стран.

В книге «От Днепра до Вислы» автор рассказывает о грандиозных сражениях, предшествовавших полному и окончательному разгрому немецко-фашистского вермахта, когда германское командование, стремясь во что бы то ни стало задержать стремительное продвижение Красной Армии на запад, бросало ей навстречу свои отборные соединения, тысячи танков и самолетов. В этих условиях, как мы видим из книги, Военному совету 1-го Украинского фронта приходилось постоянно решать не только многообразные оперативно-тактические задачи, но и сложнейшие проблемы стратегического значения, тщательно разрабатывать и осуществлять оперативные планы гигантских по своим масштабам боевых операций, изо дня в день осуществлять руководство политическим воспитанием огромной массы войск и организовывать их материально-техническое обеспечение. Автор мемуаров обстоятельно знакомит читателей с интересными историческими фактами и малоизвестными подробностями, которые намного обогащают наше представление о войне, о деятельности Ставки Верховного Главнокомандования, о том, как зарождались, выверялись и осуществлялись замыслы стратегических операций.

С исключительным интересом читаются, например, страницы, в которых автор рассказывает об одном из талантливейших полководцев Великой Отечественной войны, Николае Федоровиче Ватутине. С ним К. В. Крайнюков разделял все заботы и всю ответственность за боевые дела войск фронта.

Н. Ф. Ватутин был не только выдающимся военачальником и человеком большой души, но и обладал большой личной храбростью. Он первым лег в солдатскую цепь, когда на машину, в которой он ехал вместе с К. В. Крайнюковым, внезапно напала большая группа бандеровцев. В неравном бою Ватутин был смертельно ранен.

Тепло, с душевным волнением пишет К. В. Крайнюков о многих своих фронтовых друзьях и соратниках, в том числе о А. А. Гречко, И. С. Коневе, Г. К. Жукове, К. С. Москаленко, В. Д. Соколовском, И. И. Якубовском, И. Д. Черняховском, П. А. Курочкине, П. С. Рыбалко и многих других. Автору мемуаров удалось заметить и воссоздать наиболее характерные черты каждого из этих прославленных полководцев. С такой же сердечной теплотой вспоминает он о своих встречах с командиром 1-го Чехословацкого армейского корпуса генералом бригады Людвиком Свободой.

Впечатляющи воспоминания автора о командирах дивизий, полков, батальонов, о многих рядовых тружениках войны: солдатах, сержантах, офицерах. Тут и герои форсирования Днепра, и мужественные освободители Киева, и участники боев на Дукинском перевале в Карпатах, и танкисты, с беззаветной отвагой сражавшиеся с врагом на улицах Львова, и отважные воины, которые первыми высадились на Сандомирском плацдарме.

Значительное место в книге отводится анализу форм и методов партийно-политической работы в ходе боев. В числе ее видных организаторов и руководителей в войсках фронта в ту пору были Л. И. Брежнев, А. А. Епишев, С. С. Шатилов и другие. Автор подробно рассказывает о важнейших решениях Центрального Комитета партии по вопросам партполитработы, о тех практических заданиях и указаниях по политическому и воинскому воспитанию войск, которые получал от секретаря ЦК КПСС, начальника Главного Политического управления Красной Армии генерал-полковника А. С. Щербакова, о своих личных встречах с ним.

Свою книгу генерал-полковник К. В. Крайнюков заканчивает такими словами: «Вместе с боевой эстафетой нам полезно передать молодым командирам и политработникам богатый опыт минувших дней, доставшийся ценой огромных усилий, испытаний, жертв и имеющий непреходящую ценность... Если это в какой-то мере мне удалось, буду считать, что я выполнил свой долг».

Нет сомнения, что книга «От Днепра до Вислы» принесет большую пользу в воспитании как армейской, так и гражданской молодежи.

Полковник С. БОРЗУНОВ

К. В. Крайнюков. От Днепра до Вислы. Военные мемуары. Воениздат, 1971.

Х. Л. ЛОУРЕНС

ПОВЕСТЬ

Рисунки Е. ШУКАЕВА.

Золотой медальон

Через некоторое время все трое вернулись в дом Джилингхема. Освещая путь электрическим фонариком, Альберто привел Хосе и его спутника-мулата к находящемуся рядом с буфетной люку в винный подвал, открыл замок, и все трое по каменным ступеням спустились вниз. В застоявшемся воздухе пахло прелым деревом, вином и спиртом. Рида здесь не оказалось. Хосе неторопливо выхватил фонарик из рук дрожащего Альберто, снова тщательно обследовал подвал и снова убедился, что в нем никого нет. Он уже готов был отказаться от дальнейших поисков, когда чьи-то глухие, словно из-под земли, крики насторожили его. Хосе с новой энергией принялся осматривать каждый уголок подвала и наконец наткнулся на деревянную крышку второго люка. Хосе поднял ее и заглянул в заполненную мраком пустоту.

— Сеньор Рид,— вполголоса позвал он.— Отзовитесь, только не слишком громко.

По каменному полу внизу прошаркали чьи-то шаги.

— Кто тут? — послышался голос Рида.

— Хосе, сеньор.

— Хосе?! Слава богу!

— Слава Хосе, сеньор. Бог тут ни при чем, это я вас нашел.

— Ты можешь вызволить меня отсюда?

— За тем я и пришел. Как вы попали в эту дыру? По лестнице?

— Не знаю. Еду мне опускают на веревке.

Хосе повернулся к своему спутнику.

— Разыщи веревку,— распорядился он.— Сейчас мы найдем веревку, потерпите,— снова обратился он к Риду.— Вот она... Обвяжитесь концом... Готово? Поднимаем!

Минуту спустя в отверстии показались руки и голова Рида. Хосе и мулат рывком вытащили его из люка. Рид настолько обессилел, что не мог стоять, но коньяк из поднесенной Хосе бутылки помог ему прийти в себя. Хосе вознаградил и себя, а затем разрешил приложиться к бутылке мулату и Альберто.

— Я выполнил свое обещание, не так ли, сеньор? — спросил итальянец.— Теперь я могу идти на свидание с Марией?

— Можете, можете, сеньор! — ухмыльнулся Хосе, переходя на «вы».— Вам предстоит замечательная ночь, запомнится на всю жизнь.

Альберто хотел что-то ответить, но не успел. Хосе и мулат мгновенно обвязали его веревкой и, опустив в люк, закрыли крышку.

Все трое направились к выходу из подвала. Никто их не остановил, в доме по-прежнему все спали. Несколько минут спустя они уже мчались в «бьюике» по безлюдным улицам. Рид, намерзшийся в сыром и холодном подвале, уютно устроился на подушках теперь уже так знакомой ему машины и быстро уснул.

На следующее утро, совсем рано, кто-то позвонил Корту по телефону. Положив трубку, он поспешно оделся, поймал около отеля такси и приехал в особняк Джилингхема.

— Ну? — жестким тоном обратился он к хозяину.

— Совершенно не понимаю, как это могло произойти. В погребе оказался мой повар. Я оставил его там и немедленно позвонил вам.

— Давайте спустимся туда.

Джилингхем провел Корта в подвал, зажег свет и открыл крышку люка. Снизу доносилось бессвязное бормотание.

— Молчать! — резко крикнул Корт.— Кто тебя упрятал сюда?

— Человек по имени Хосе.

— А кто увез Рида?

— Хосе, сеньор.

— Кто был с ним?

— Его друзья, но я не знаю их имен.

— Еще кто?

Наступило довольно долгое молчание.

— Женщина, сеньор,— наконец ответил Альберто.

— Женщина?

— Да, сеньор.

— Как ее зовут?

— Мария.

— Где ты познакомился с ней?

— Она работала здесь.

— Долго?

— Всего несколько дней, сеньор.

— У нее были рекомендации?

— Наилучшие, сеньор.

— Как же все произошло?

Сначала не очень уверенно, а потом все больше воодушевляясь от собственных слов, Альберто рассказал потрясающую историю о том, как на него напали два бандита, вооруженные автоматами, кинжалами и кастетами, какое мужественное сопротивление он оказал, как, рискуя жизнью, преграждал путь в дом, но в конце концов был вынужден уступить грубой силе, как сразу понял, что Мария — гнусная шпионка.

— И это все? — презрительно спросил Корт.

— Все, сеньор.

Корт повернулся к Джилингхему.

— В общих чертах так оно, видимо, и было. Я знаю Хосе. Рид сейчас у него. И мы должны снова заполучить этого человека — мне не нравится его осведомленность.

— Вполне согласен с вами,— кивнул Джилингхем.— А теперь нужно извлечь из подвала этого мерзавца.— Он наклонился над люком и крикнул: — Альберто, ты уволен!

Корт улыбнулся, и Джилингхем, довольный тем, что все, кажется, обошлось для него благополучно, ответил ему улыбкой, однако тут же получил такую сильную пощечину, что едва устоял на ногах.

— Идиот! — прошипел Корт.— Еще одна такая ошибка — и я добьюсь, что тебя переведут в какую-нибудь дыру, где ты обязательно сойдешь с ума.

Он наклонился над люком и позвал:

— Альберто!

— Слушаю, сеньор!

— Тебе не кажется, что ты знаешь слишком много?

— Но я же могу все забыть, сеньор, честное слово!

— На тебя нельзя положиться.

— Я буду молчать, я буду молчать, сеньор! — В голосе Альберто слышался ужас.

— У тебя, Альберто, есть немного еды и воды и почти догоревшая свечка. Ни воды, ни пищи, ни света ты больше не получишь. Прощай, Альберто!

Корт захлопнул тяжелую крышку люка и, на ходу бросив побелевшему как снег Джилингхему «Пошли!», направился к лестнице.

12

Мария приводила в порядок свою хижину. Ей удалось убедить Хосе, что если Риду на некоторое время потребуется тайное убежище, то лучшего, чем ее домишко, и не сыскать. «Мой домишко,— твердила она,— почти рядом с пещерами. Если вдруг появится полиция, сеньор Рид сможет быстро туда перебраться». Девушка не сомневалась, что Хосе спасет Рида: он не бросал слов на ветер.

Размышления Марии прервал тихий свист. Девушка поспешно распахнула дверь, и в хижину вошли Хосе и Рид.

Рид выглядел плохо: исхудал и осунулся. Он вновь обрел свободу, но ему не давала покоя мысль, что теперь, после подвала, вновь придется сидеть в пещере. В машине Хосе сообщил ему об убийстве Ратмана, и Рид теперь чувствовал себя еще более одиноким и беспомощным, чем в джунглях. Рид не сомневался, что это — дело рук Корта: только для него журналист представлял серьезную опасность.

— Здравствуйте, сеньор,— приветствовала его Мария.— Вы у друзей, и вам придется пожить у меня, пока...

— Сеньор Рид очень устал,— вмешался Хосе.— Прежде всего ему надо выспаться. Оставь нас.

Марии не очень хотелось выполнять это распоряжение, но спорить с Хосе она боялась.

Помогая Риду раздеваться, Хосе ни на минуту не переставал болтать. Рид и в самом деле чувствовал такую слабость, что мог только слушать.

— Мария принесет вам поесть, сеньор,— говорил Хосе,— а потом вы должны поспать... Погорюйте о моем друге сеньоре Ратмане. Сейчас, когда он мертв, что должен сделать его хороший друг? Выполнить все то, что сеньор Ратман хотел сделать для вас. А что он хотел сделать для вас? Освободить от сеньора Корта. И я освобожу. Сеньор Ратман хотел также, чтобы портфель не оказался у сеньора Корта. Так оно и будет. Полицейские закрыли и опечатали квартиру сеньора Ратмана. Они опечатали и дверь и окна. Но что такое печати? Сегодня ночью один мой приятель аккуратно снимет их, найдет портфель и принесет мне. А дальше? А дальше посмотрим. Ничего другого нам пока предпринимать нельзя. Но через некоторое время Хосе все равно найдет способ перехитрить Корта... Да вы ложитесь, ложитесь!.. Однако не маловато ли это — только перехитрить Корта? По-моему, маловато. Я должен его убить. А как вы думаете, сеньор?.. Сеньор!

Рид уже не слышал его, не слышал, как в комнату вошла Мария с едой: он крепко спал.

Продолжение. См. «Огонек» №№ 5—11.

Человек, проникший в квартиру Ратмана, работал неторопливо и тщательно. Вскоре он нашел портфель. В поисках чего-нибудь более ценного, с его точки зрения,— денег или серебра — он обнаружил лишь наручные часы и портативную пишущую машинку. Решив, что больше поживиться нечем, он направился к окну и только теперь заметил тоненькую проволочку на полу, тянувшуюся к небольшому, спрятанному за книжным шкафом магнитофону. Прибор оставался включенным, хотя кассета с лентой для записи была полностью израсходована. Немного поколебавшись, неизвестный пришел к выводу, что не мешает прихватить и магнитофон и отдать его Хосе — может, тогда тот не станет допытываться, с какой добычей он вернулся с задания. С этими мыслями человек покинул квартиру тем же путем, каким и проник в нее,— через балкон и оттуда по веревке на крышу. Сидевший у наружных дверей усталый и сонный полицейский даже не пошевелился.

Корт был вне себя. Расхаживая без конца по номеру гостиницы, он проклинал всех и вся. Особенно доставалось Джилингхему. Принять на работу без тщательной проверки таких сомнительных людей, как повар и судомойка!.. А местная полиция? Ведь ясно же, что охрану надо было поставить в самой квартире Ратмана... Полицейские клялись всеми святыми, что вор или воры ничего не взяли, однако портфеля в квартире не оказалось, хотя он, Корт, сам тщательно обыскал ее. Человек, весьма опытный в подобных делах, он во время обыска догадался кое о чем и после недолгих поисков нашел подтверждение своей догадки — клейкую тесьму в том месте, где был прикреплен микрофон, свободный от пыли квадрат пола, где мог стоять магнитофон, и едва заметные потертости на полу там, где проходил провод, по которому, несомненно, ступали эти болваны из полиции. Работал ли магнитофон, когда он, Корт, стрелял? Наверное, работал,— нетрудно сообразить, что Ратман включил его, чтобы записать рассказ миссис Каппелман.

Обо всем случившемся придется письменно доложить Центру. Мысль об этом заставила Корта вздрогнуть. Он предвидел, как плохо это может кончиться для него. Не исключено, что его вызовут для объяснения. Несколько лет назад предшественник Корта совершил такую же ошибку, или, точнее, допустил, что она произошла. Его тогда тоже вызвали в Центр. Он не только не вернулся — с той поры о нем вообще никто ничего не слышал. И вот теперь наступила его очередь...

Корт прервал свое бесконечное хождение по номеру, закурил и потер ладонью лоб. Во-первых, нужно устранить Рида и Хосе. Во-вторых, раздобыть портфель и магнитофонную ленту с записью. Но как?

Корт знал, где обитает Хосе, и понимал, что полицейские никогда не смогут его схватить. Креола нужно заманить в ловушку, и сделать это можно не силой, а только хитростью. К концу третьей сигареты, которые он курил одну за другой, у Корта был готов план действий.

Ювелир Гидо сидел в своем маленьком магазинчике и лениво наблюдал за публикой, гуляющей по Хирон де ла Юнион. Торговля у него сегодня шла неплохо. Вот и сейчас он заметил полного американца с женой, явно направлявшихся к его заведению. Ювелир поспешил к двери, намереваясь почтительно встретить покупателей, но обнаружил, что они прошли мимо, а вместо них на пороге появились неизвестно откуда взявшиеся два подозрительных типа. Ювелир сразу определил, что они не были ни покупателями, ни полицейскими. Один из них подошел к Гидо, ткнул его пальцем в грудь и грубо спросил:

— У тебя есть тут отдельная комната? Проведи нас туда.

— Но магазин, сеньоры! Я же...

— Закрой!

— Но в это время я никогда не...

— А сейчас закроешь.

Испуганный ювелир краешком глаза заметил, что у его витрины остановился тот же полный американец с женой, но крикнуть о помощи не решился. Американец хотел войти, но один из неизвестных преградил ему дорогу.

— Извините, сеньор,— заявил он,— магазин закрыт.

Подталкиваемый в спину, ювелир провел их в маленькую комнату. Дальше он ничего не помнил: его ударили чем-то тяжелым, и он потерял сознание. Очнулся он от холодной воды, которую плеснули ему в лицо, и обнаружил, что лежит на полу, связанный по рукам и ногам, с кляпом во рту. Кто-то заговорил с ним, и Гидо показалось, что он узнаёт голос. Сделав усилие, ювелир повернул голову и увидел Корта.

— Наши друзья,— обратился к нему Корт,— вышли выпить вина и вернутся минут через пять. Если вы согласитесь выполнить одну мою просьбу, вас сейчас же освободят. Если не согласитесь...— Корт сделал многозначительную паузу и продолжал: — Мне нужны Хосе и его друг Рид в ближайшие часы, сейчас же.

Ювелир лихорадочно размышлял:

«Предать Хосе? Но это значит погибнуть от руки одного из его друзей, хотя и не сразу. Предать Корта? Но это тоже смерть, причем немедленная... Надо выиграть время, а там видно будет...»

— Вот и хорошо,— заметил Корт, словно читая его мысли. Он разрезал веревки и вынул кляп изо рта ювелира.

— Я согласен.

— Я так и знал. Знал, что вы предадите Хосе.

— Нет, не предам, я поступлю проще: вызову его сюда, а что произойдет дальше...

— Именно предадите,— холодно повторил Корт.— Вы умеете писать?

— Умею.

— Хосе сможет прочесть написанное?

— С трудом, но сможет.

— Прекрасно. Вот вам карандаш и бумага. Пишите и не забудьте, что я читаю по-испански. Пишите: «У меня был Корт. Он намерен убить тебя. Я пришлю тебе «бьюик» к двенадцати ночи. Уезжай в Кито вместе с Ридом — там вы будете в безопасности. Я сообщу тебе, когда Корт уедет из Лимы». А теперь дайте сюда... Так... Подпишите.

Ювелир вздохнул, но теперь это был вздох облегчения. Хосе поймет, что письмо написано в присутствии Корта: ювелир подписался не своим настоящим именем «Гидо», а тем, что значилось у него на вывеске,— «Альвар».

— Как доставить письмо Хосе?

— Через мальчика из соседней лавочки.

— Зовите его, передайте письмо и не вздумайте сказать что-нибудь лишнее.

Гидо выглянул из двери и крикнул:

— Пепе!

К нему подбежал мальчик, ювелир вручил ему письмо и наказал доставить сейчас же. Мальчуган отправился выполнять поручение, а Гидо вернулся в маленькую комнатушку. Почти тут же в ней вновь появились и те двое, что первыми вошли в магазинчик.

— Ну вот,— заметил Корт.— Как вы заказываете этот ваш «бьюик»?

— Из кабины телефона-автомата. Здесь у меня телефона нет.

— Когда придет автомобиль, вы поедете с нами.

— Я? С вами?! — попятился ювелир. Он сразу понял, что, не застав на месте предупрежденного Хосе, Корт обо всем догадается.

— Да, с нами. Но беспокоиться вам не следует, хотя вы и предали своего друга: он не успеет расправиться с вами. Мы возьмем вас с собой, поскольку нельзя доверять предателям... Сейчас я ухожу и вернусь к двенадцати. К этому времени «бьюик» должен быть здесь.

— Сеньор Корт, пожалуйста, не уходите! — умоляюще обратился к нему ювелир.— Ваши помощники могут плохо обойтись со мной.

— С предателями плохо не обходятся,— равнодушно заметил Корт, направляясь к двери.— Их просто уничтожают.

До смерти испуганный ювелир хотел сказать еще что-то, но Корт уже вышел.

13

Рид спал как убитый и проснулся далеко за полдень, да и то потому, что его разбудил Хосе.

— Амиго [1], у нас неприятности, и, по-моему, крупные.

— Что, что? — не понял не совсем еще проснувшийся Рид.

— Неприятности, амиго. Вы помните ювелира с улицы Хирон де ла Юнион?

Рид отрицательно покачал головой.

— Разве наш друг Ратман не рассказывал вам о нем?

— Нет.

— Ну, неважно. Он мой большой приятель и часто мне помогает. Он прислал записку, которую надо понимать так: дорогой Хосе, сегодня ко мне приходил Корт. Он страшно сердит и собирается заставить полицейских арестовать тебя, а если ты скроешься в пещерах, они все равно тебя найдут. Кроме всего прочего, он предлагает вознаграждение — пять тысяч солей. За такие деньги, сам понимаешь, найдется кто-нибудь, кто захочет помочь полицейским. В полночь я пришлю тебе «бьюик». Вместе с сеньором Ридом уезжайте в Кито и побудьте там, пока все не успокоится. Вот что написал мне мой друг ювелир.

Рид спустил ноги с кровати и сел. Через открытую дверь в хижину врывались лучи яркого солнца. Зима подходила к концу, а вместе с ней исчезали холодные, мрачные туманы. Рид почувствовал прилив бодрости и оптимизма.

— Ко всем чертям этого Корта! — воскликнул он.

— Вы думаете, сеньор, нам не следует уезжать?

— Да, не следует.

— Ну уж нет, сеньор. Корт — страшный человек. Он убьет нас, как уже убил Ратмана и...

— Но Ратмана мог убить кто-то другой.

— Другой? Возможно, сеньор, но только в том случае, если этот другой получил соответствующие указания от Корта. А кроме того...

— Да, да?

— Взгляните на письмо, сеньор. Оно подписано: «Альвар».

— Ну?

— Ювелира зовут Гидо, и он всегда подписывается как Гидо. А это письмо он подписал «Альвар». Почему?

Рид недоуменно поднял брови.

— Я вам скажу. Много лет назад он купил магазинчик у человека по имени Альвар, но вывеску менять не стал — так лучше для торговли. И вот сейчас он вдруг подписывается именем прежнего владельца. Тем самым он дает мне понять, что его силой заставили написать письмо.

Рид почувствовал, как быстро испаряется его оптимизм, уступая место страху. Он взглянул на Хосе.

— А мы, амиго, возьмем да и разочаруем сеньора Корта. Мы поставим ему западню, и он, даст бог, попадет в нее. Как говорится, и на старуху бывает проруха... Да, у меня ведь припасены и хорошие новости.

— Не мешало бы услышать и хорошие,— уныло вздохнул Рид.

— Хорошие, хорошие, сеньор. У нас есть портфель и вот это.

Хосе нагнулся, поднял с пола и положил на кровать Рида портфель и магнитофон.

— Как это тебе удалось? А магнитофон откуда?

— Сейчас все объясню. Я знал, что портфель спрятан в квартире сеньора Ратмана, и надеялся, что у сеньора Корта не было времени как следует его поискать. Но не в том дело. Портфель могли найти полицейские, а это значит, что он все равно оказался бы у Корта.

— Как так?

— Очень просто. Сеньор Каппелман прислал бы из «Санта-Розы» соответствующее требование. Портфель-то его, верно?

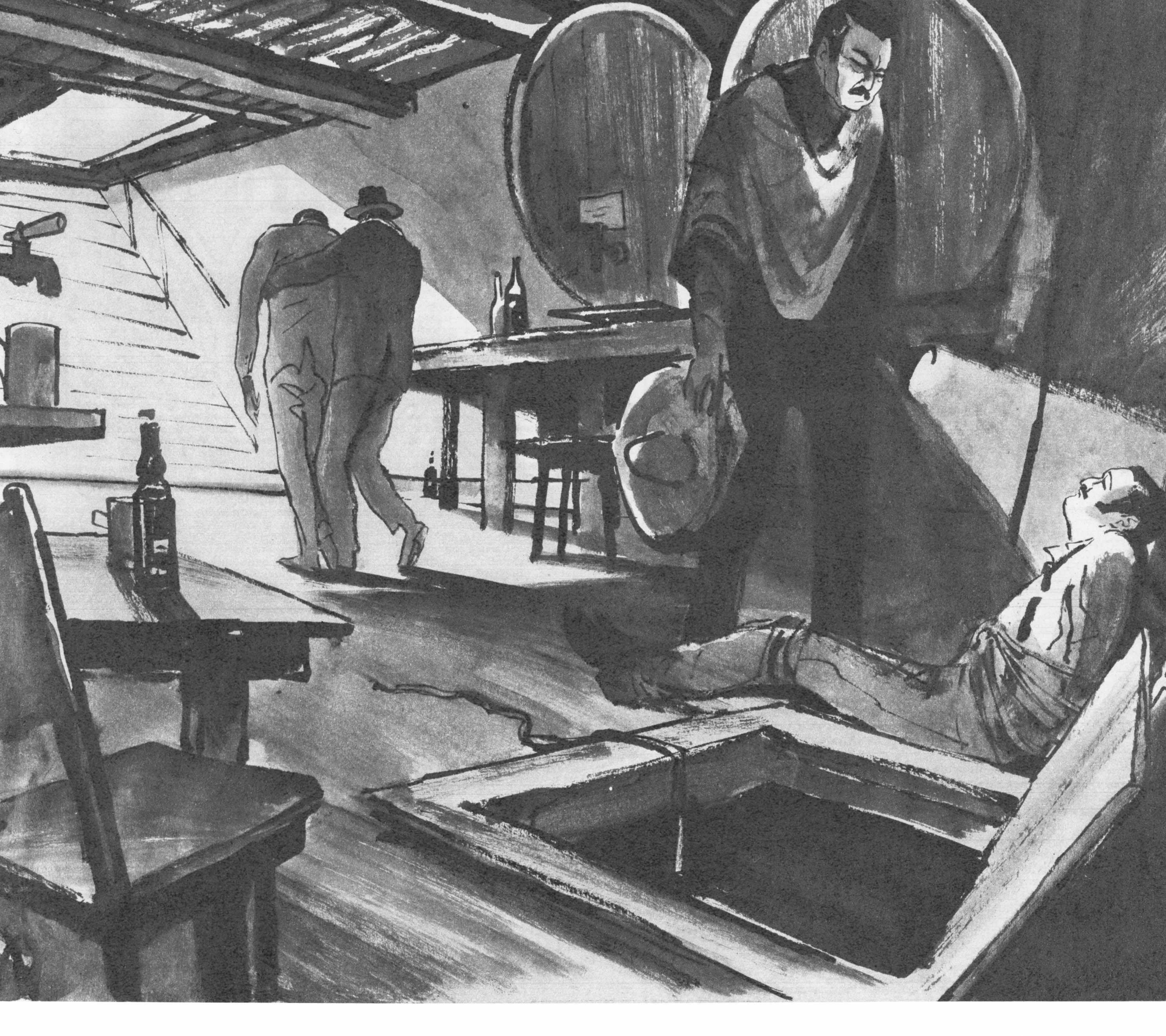
— Да, но Каппелман...

— Мертв. Так утверждаете вы и так утверждал сеньор Ратман. Однако, как я понимаю, сеньор Каппелман жив для тех, кому это нужно.

Рид кивнул.

— Вот я и попросил одного своего приятеля навестить квартиру Ратмана и найти портфель. Моя просьба его нисколько не затруднила, и теперь, как видите, портфель у нас.

[1] Друг (исп.).

Мой друг увидел там еще и эту машину. Он подумал, что она представляет какую-то ценность, и принес мне.

Рид открыл магнитофон и сразу обратил внимание, что лента израсходована и находится на второй кассете.

— А знаешь, Хосе, тут, возможно, что-то кроется, надо бы прослушать запись. Есть здесь поблизости дом с электричеством?

— Поблизости нет,— покачал головой Хосе.— Но у меня есть друг, владелец маленького кафе. У него есть электричество.

— Мы можем пойти к нему?

— А почему бы и нет?

— Сейчас?

— Можно и сейчас. От глаз соседей вы тут не укроетесь, но они вас не выдадут. Можно пойти и сейчас, днем.

Хосе взял магнитофон.

— А как же с портфелем? — спросил Рид.

Хосе подошел к двери и позвал Марию.

— Вот, возьми и спрячь. Это очень нужная нам вещь.

Хосе бросил портфель девушке. Мария на лету поймала его и ушла, успев, однако, улыбнуться Риду.

Вслед за Хосе Рид вышел из хижины. Оказавшись под яркими солнечными лучами, он почувствовал себя так, словно его чем-то оглушили, и с горечью подумал, что за последнее время почти не видел солнца.

На стареньком, давно отслужившем свой срок автобусе они проехали несколько остановок по направлению к городу и вскоре уже входили в небольшое придорожное кафе. Хозяин (Хосе называл его Мигелем) провел их в маленькую комнатушку. Здесь Рид перекрутил ленту с одной кассеты на другую, включил звук и с нарастающим вниманием прослушал рассказ миссис Каппелман. Теперь он в совершенно ином свете увидел все то, что произошло за последние дни. Он слушал миссис Каппелман, и перед ним развертывалась картина, которую он еще несколько минут назад назвал бы фантастической.

«А ведь Тацит был прав,— думал он,— когда две тысячи лет назад утверждал, что высшей целью людей, подобных Каппелману, является разрушение. Правда, теперь они поняли, что ложь и коварство, хитрость и вероломство приносят лучшие результаты, если до поры до времени действовать в глубочайшей тайне... Снова возрождается эта зловещая система: один рейх, один нарсд... В своих колледжах они выращивают некую элиту, некую новую расу господ — «херренфольк», призванную будто бы управлять всем человечеством. Пока это делается тайно, но кто знает, не наступит ли день, когда будущие «властелины мира» не попытаются открыто заявить о себе?.. А Корт, конечно, немец, выдающий себя за англичанина, по всей вероятности, эмиссар «Спарты», которому поручено навести в Лиме порядок...»

Рид почувствовал, что его охватывает сильнейший страх. Случайно проникнув в тайны «Спарты», он стал опасен для этой организации, и Корт обязательно постарается ликвидировать его.

«Спарта» — типичная немецкая организация с железной прусской дисциплиной и четкой военной структурой. В моих руках — портфель с бумагами, а в бумагах — десятки имен. Поэтому, по мнению Корта, я слишком осведомлен и, следовательно, представляю серьезную угрозу...»

В эту минуту рассказ миссис Каппелман, воспроизводимый магнитофоном, был прерван мужским голосом, в котором Рид сразу узнал голос Корта. Он был так реален и близок, что Рид испуганно взглянул в окно. На ленте про-

звучал приглушенный выстрел, словно что-то треснуло, стон женщины, неразборчивое восклицание Ратмана, второй выстрел, удаляющиеся шаги, голоса соседей Ратмана, щелкание замка и... тишина. Рид уже протянул руку, собираясь выключить магнитофон, как послышался голос Ратмана. Он задыхался, каждое слово давалось ему с огромным трудом: «Корт... убил... ее... и меня... меня... меня...»

Голос затих. Кассета продолжала вращаться, пока из нее не выскочил конец ленты. Рид выключил магнитофон и, потрясенный, повернулся к Хосе.

— Хосе, эта запись...

— Да?

— Это же смертный приговор Корту!

— Возможно,— без всякого энтузиазма согласился Хосе.

— Нам остается только вручить ее властям в Лондоне или в Нью-Йорке и...

— Но как?

— Как? Переправить эту запись туда.

— Хорошо, амиго.

— И после этого Корта либо повесят, либо посадят за решетку на всю жизнь.

— Все может быть. Только Корт слишком хитер, и к тому же у него слишком много влиятельных друзей вроде Джилингхема. Вы забыли об этом, сеньор?

— Признаться, забыл,— сразу утрачивая свой пыл, ответил Рид.

— Нельзя забывать ничего, что касается сеньора Корта. Прежде чем мы уедем отсюда, сеньор Корт должен умереть. Он убьет и вас и, возможно, меня, если мы не опередим его. Мы должны составить план.

Наступила долгая пауза. Прошло несколько минут, прежде чем Хосе заговорил снова:

— У меня есть план.

— Ну, ну! — взглянул на него Рид.

— Сегодня вечером сеньор Корт хочет украсть вас и меня.

— Знаю.

— Мы позволим ему украсть нас.

— Что?!

— Да, да, сеньор! Одно дело, когда вас крадут с вашего ведома, а другое, когда против вашего желания. Ничего с нами не случится. Вы убедитесь в этом сами. Я пойду позвоню по телефону.

Хосе ушел, оставив Рида в одиночестве, и вернулся примерно через полчаса, судя по выражению лица, очень довольный.

— Все в порядке, сеньор. Нам пора возвращаться.

На таком же дряхлом и переполненном автобусе Хосе и Рид вернулись в хижину Марии, уже приготовившей для них горячую еду и кофе. После ужина Хосе куда-то ушел, пообещав вернуться к двенадцати, а Рид задремал. Хосе появился в начале первого.

— Они приедут минут через двадцать,— сообщил он.

Оба сидели молча и курили, пока не пришла Мария.

— «Бьюик» здесь,— сказала она.

— Пора,— обратился Хосе к Риду и ухмыльнулся.— Нам надо взять с собой вот это,— добавил он, передавая англичанину небольшой сверток.

— Что тут?

— Кассета с магнитофонной лентой.

Рид с изумлением взглянул на Хосе.

— Но это же как раз то, за чем охотится Корт!

— Правильно. Однако если мы появимся с пустыми руками, он поймет, что мы заподозрили что-то неладное.

Рид не мог не признать резонности этого довода.

— А я возьму с собой это.— Хосе поднял портфель.— И ленту и портфель мы должны иметь при себе, если хотим, чтобы наш план удался. Но вы не беспокойтесь, запись на ленте совсем не та, что мы слышали, а портфель набит старыми газетами. А теперь, сеньор, внимательно послушайте, что я скажу. «Бьюиком» управляет Гидо — он выглядит очень испуганным. На заднем сиденье, по-моему, кто-то есть. Чуть подальше на дороге стоит еще одна машина, в ней сидят двое — нам они известны, это наемные убийцы... Так вот. Мы сядем в «бьюик». Не сопротивляйтесь... А потом... потом вы сами увидите...— Он встал.— Мария, мы вернемся к завтраку.

Хосе и Рид вышли из хижины и направились к поджидавшему их «бьюику».

— Помните,— шепнул Хосе,— ни в коем случае не сопротивляться. Будем вести себя, как ягнята, которых ведут на убой. Понятно?

— Все понятно,— тоже шепотом подтвердил Рид, пытаясь без особого успеха взять себя в руки.

Гидо в надвинутой на лоб шляпе ждал их недалеко от машины.

— Молодец,— похвалил его Хосе,— вовремя приехал.

— Д-да...— дрожащим голосом смог лишь промолвить ювелир. Он хотел сказать еще что-то, но не решился.

Хосе шутливо ткнул его пальцем в живот.

— Что «да»? Ничего другого ты так-таки и не скажешь?

Гидо сделал несколько судорожных глотков, но не произнес ни слова. Он был потрясен тем, что Хосе и Рид так просто попались в расставленную ловушку. «Хосе не понял моего предупреждения,— подумал ювелир.— Он не обратил внимания, что я подписал письмо не так, как обычно». Гидо захотелось закричать, позвать кого-нибудь на помощь, но было уже поздно. Пропуская Рида, ювелир сделал шаг в сторону. Рид открыл дверцу и едва не отшатнулся, когда знакомый ему голос из глубины машины произнес:

— Милости просим, мистер Рид! Я давно жду встречи с вами. По-моему, прошлый раз мы не окончили нашу милую беседу.

Рид, держась за дверцу «бьюика», заколебался; еще минута, и он, наверно, бросился бы бежать, но в эту минуту Хосе сказал:

— Входите, входите, амиго! Кто-то поторапливает меня пистолетом в спину...

Продолжение следует.

Перевел с английского Ан. Горский.

ПОИСК НАСТОЯЩЕГО В ЧЕЛОВЕКЕ

В сборнике «Шестая ночь» Петр Проскурин вовсе не навязчиво, а словно бы даже невольно застает героев своих рассказов чаще всего в весьма критические моменты их жизни, на каких-то поворотных точках их судьбы. И от того, как поведет себя в этот момент человек, в какую сторону он шагнет, во многом зависит сохранение им человеческого достоинства, рождение в его душе чего-то непреходящего и цельного, порою даже вся его жизнь. Самые различные по характеру, возрасту и положению в обществе проскуринские герои проходят испытание на крепость и душевную стойкость, на сердечную верность и чистоту помыслов.

Порой жизненные ситуации, в которых оказывается тот или иной человек в рассказах П. Проскурина, явно драматичны, более того — трагичны, но тем отчетливей раскрывается его душевная незаурядность, верность устойчивым и благородным принципам. Какое, казалось бы, дело больному и поэтому слабому физически Никонову (рассказ «Вечерняя заря») до семейных неурядиц Маши и мелочной, иждивенческой сущности натуры ее супруга Анатолия? Но Никонов, забывая о своем больном сердце, идет на крутой разговор и психологический поединок с мужем Маши. И это кончается острым сердечным приступом и — позже — смертью пожилого человека. Однако такой дорогой ценой спасена, заряжена волей к новой жизни Маша.

Еще более трагические события описываются в рассказе «На окраине». Здесь обыкновенная русская женщина Ариша Васюкова в решающий момент убивает своего опустившегося мужа-полицая, спасая чужого ребенка, которого она вытащила чуть ли не из-под горы трупов расстрелянных немцами жителей. Может быть, в иную пору Ариша не смогла бы и курицы обидеть, а тут...

В иных рассказах П. Проскурина конфликты выглядят менее напряженными, более житейскими и обыденными. Просто, например, хорошо поработавшие и заработавшие сплавщики леса решают на привале поиграть на деньги в «двадцать одно» («Черта»), или одинокий человек после смерти ушедшей от него жены возвращает к себе малолетнего сына («Белый полдень»).

Но за каждой из этих ситуаций проглядывается крутой поворот в судьбе героев, раскрытие в них недюжинных душевных сил. Ведь не просто в «двадцать одно» садится играть сплавщик Воромеев с опытным картежником Коржаком, а словно бы вступает с ним в моральную схватку, нарочно проигрывая выигранные до того большие деньги. И в этой схватке, по признанию всех друзей-сплавщиков, побеждает честный и справедливый Воромеев. И одинокий Данилов, поселив рядом с собой потерявшего мать сынишку, обретает в своей неустроенной жизни живую и чуткую душу, которая многое меняет в его взглядах на жизнь и на окружающих его людей.

Словом, автор умеет отыскать что-то настоящее и ценное в любом человеке, даже если этот человек на первый взгляд выглядит обыденным. Этим поиском и открытием настоящего, по-человечески благородного и возвышенного в очень непохожих друг на друга героях и отличаются лучшие вещи в новой книге Петра Проскурина.

Олег ЗВЕРЕВ

Петр Проскурин. Шестая ночь. Рассказы и повесть. Издательство «Советский писатель».

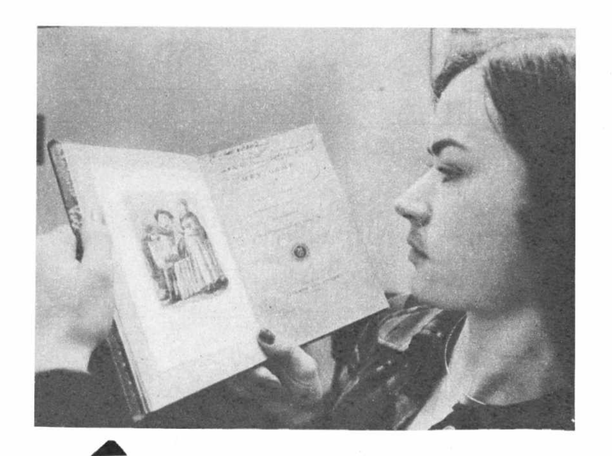
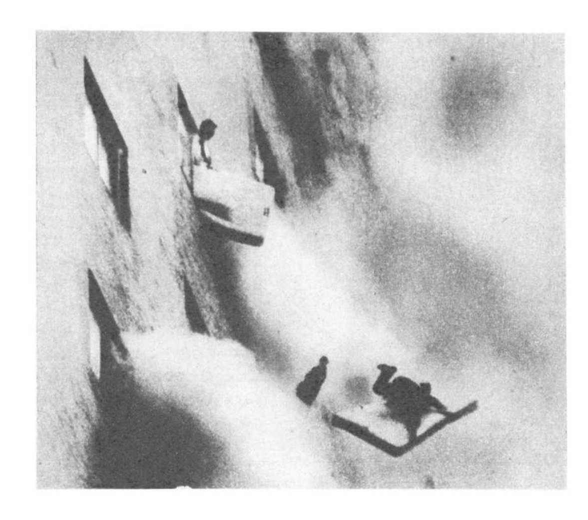

Фото ЮПИ, из журналов «Лайф» и «Вие нуове».

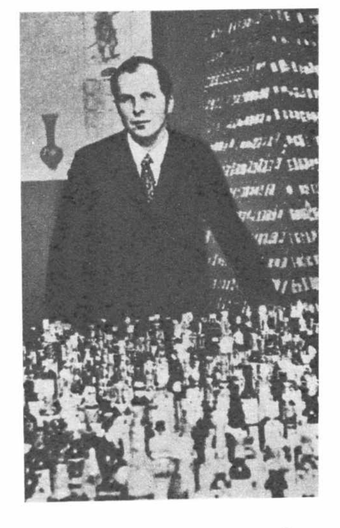
Эта книга Диккенса стоит 3 600 фунтов стерлингов. Именно за такую сумму на аукционе был продан этот экземпляр с многочисленными пометками автора. С молотка были проданы ценные рукописи, книги с заметками писателя, оригиналы рисунков к его первым произведениям и многие другие реликвии, связанные с памятью классика английской литературы. Все они принадлежали коллекционеру Компту, который собрал эти уникальные материалы.

Фотообъектив запечатлел момент трагедии, которая произошла недавно в Сеуле — столице Южной Кореи. Неожиданно возникший пожар охватил высотную гостиницу. Спасая свою жизнь, люди выбрасывались из окон. На снимке вы видите человека, который прыгнул с матрасом, с тем, чтобы как-то самортизировать свое падение на землю. Многим из тех, кто находился в горящем здании, спастись не удалось.

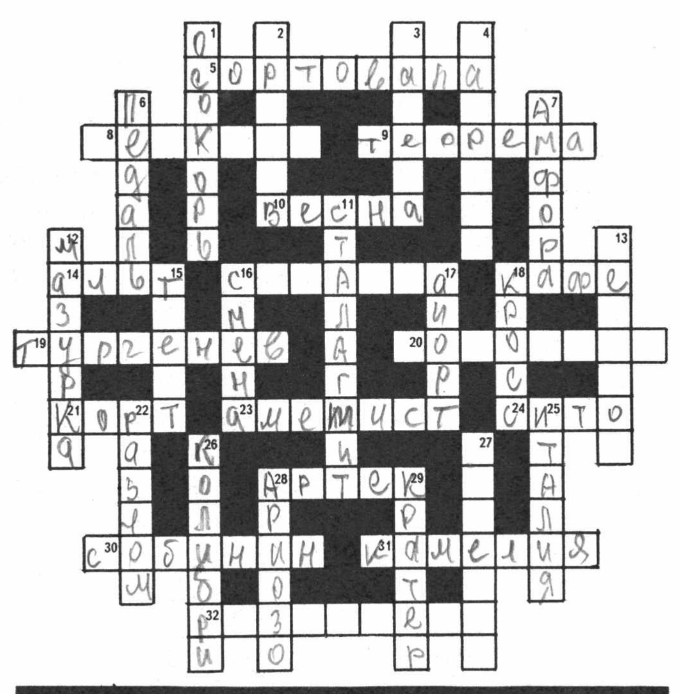
На железнодорожной станции близ Лондона был ограблен вагон со слитками серебра на сумму в 20 тысяч фунтов стерлингов. Английская полиция, которая до сих пор не может опомниться после «великого ограбления» почтового поезда, снова попала впросак.

На снимке макет кубка — на вес золота. На самом деле золота в нем будет 18 каратов, вес 5 килограммов. Его размеры: 36 см — высота, 13 см — ширина, 15 см — ширина в верхней части. По этому образцу будет изготовлен «кубок Жюля Риме» ФИФА, который вручат команде — победительнице следующего чемпионата мира по футболу. Как известно, прежний золотой приз обрел постоянную прописку в Бразилии: ее сборная команда уже трижды завоевывала богиню Нике. Авторы нового кубка футбольной славы — итальянцы Гаццанига и Бертони.

Разные бывают коллекционеры. Одни собирают старинные картины, другие — морские камушки. Итальянец Монтичелли д'Орджинаа из Кремоны сделал предметом своего хобби бутылки со спиртными напитками. Его коллекция насчитывает 5 880 бутылок. Однако Монтичелли д'Орджинаа не любитель алкоголя, по его словам, он «пополняет этот необычный винный погребок из любви к искусству».

КРОССВОРД

По горизонтали: 5. Курорт в Карелии. 8. Поэма М. Ю. Лермонтова. 9. Математическое положение, требующее доказательства. 10. Время года. 14. Детский голос. 16. Город в США, в штате Джорджия. 18. Предприятие общественного питания. 19. Русский писатель. 20. Хищное животное семейства куньих. 21. Площадка для игры в теннис. 23. Полудрагоценный камень. 24. Частое решето. 28. Пионерский лагерь в Крыму. 30. Действующее лицо оперы М. И. Глинки «Иван Сусанин». 31. Цветок. 32. Часть почвы, непосредственно соприкасающаяся с корнями растений.

По вертикали: 1. Черный тополь. 2. Русский поэт. 3. Летательный аппарат. 4. Форма для отливки типографского набора. 6. Ножной рычаг. 7. Сосуд у древних греков и римлян. 11. Известковый нарост на своде пещеры. 12. Польский народный танец. 13. Рассказ М. Горького. 15. Река в Англии. 16. Журнал для молодежи. 17. Сорт яблок. 18. Состязания в беге. 22. Драма Б. А. Лавренева. 25. Государство в Европе. 26. Маленькая птица. 27. Спутник планеты Сатурн. 28. Небольшая ария. 29. Углубление на вершине вулкана.

ОТВЕТЫ НА КРОССВОРД, НАПЕЧАТАННЫЙ В № 11

По горизонтали: 5. Монография. 7. «Трое». 9. Таволга. 11. Циновка. 13. Свиток. 15. Оттава. 17. Батист. 18. Баллистика. 19. Дратва. 20. Ростан. 23. «Красин». 26. Ондатра. 27. Номинал. 28. Анис. 29. Краматорск.

По вертикали: 1. Шоколад. 2. Фокстрот. 3. Васнецов. 4. Винница. 6. Контраст. 8. Портьера. 10. Аквамарин. 12. Костяника. 14. Кобра. 15. Овлур. 16. «Арион». 17. Бланк. 21. Оклахома. 22. Апостроф. 24. Байдара. 25. Ангарск.

На первой странице обложки: Живописцы Ленинградского фарфорового завода имени Ломоносова Наталья Козлова и Любовь Чашина (см. в номере репортаж «Фарфоровых дел мастера»).

Фото Н. Ананьева.

На последней странице обложки: Колхоз имени Ленина, Кирсановского района, Тамбовской области. Вверху: Праздник русской зимы. Внизу: Прозвенел звонок, веселой гурьбой разбегаются школьники (см. в номере репортаж «Добрые зерна»).

Фото Б. Кузьмина.

Главный редактор — А. В. СОФРОНОВ.

Редакционная коллегия: Д. Н. БАЛЬТЕРМАНЦ, И. В. ДОЛГОПОЛОВ (главный художник), Б. В. ИВАНОВ (заместитель главного редактора), Л. М. ЛЕРОВ, В. Д. НИКОЛАЕВ (ответственный секретарь), Н. Б. ПАСТУХОВ, Н. М. СЕРГОВАНЦЕВ, Н. П. ТОЛЧЕНОВА.

Адрес редакции: 101456, Москва, А-15, ГСП, Бумажный проезд, 14.

Рукописи не возвращаются.

Оформление Е. М. КАЗАКОВА.

Телефоны отделов редакции: Секретариата — 253-38-61; Отделы: Репортажа и новостей — 253-37-61; Международный — 253-38-63; Искусств — 250-46-98; Литературы — 250-56-88; Очерка — 250-15-33; Критики и библиографии — 253-38-26; Науки и техники — 253-37-52; Юмора — 253-39-05; Спорта — 253-32-67; Фото — 253-39-04; Оформления — 253-38-36; Писем — 253-36-28; Литературных приложений — 253-38-52, 253-32-45.

Сдано в набор 28/II-72 г. А 00643. Подп. к печ. 14/III-72 г. Формат бумаги 70 × 108 1/8. Усл. печ. л. 7,0. Уч.-изд. л. 11,55. Изд. № 668. Тираж 2 100 000 экз. Заказ № 2620.

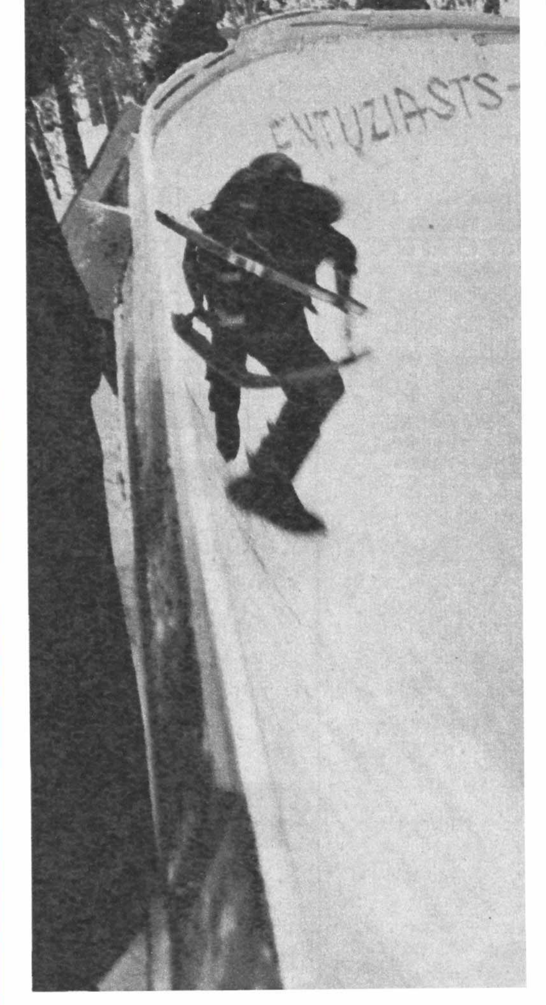
Ордена Ленина и ордена Октябрьской Революции типография газеты «Правда» имени В. И. Ленина. 125865, Москва, А-47, ГСП, ул. «Правды», 24.

Всем классом.

Самоделкин.

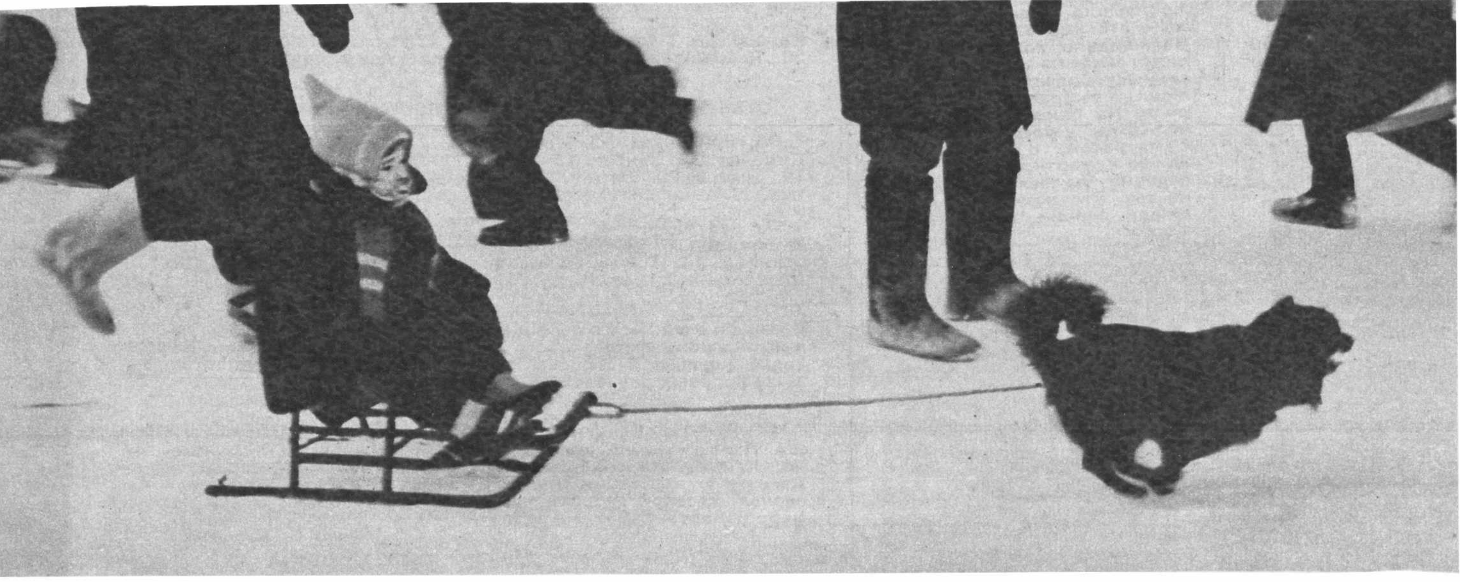

Чемпионом стать нелегко.

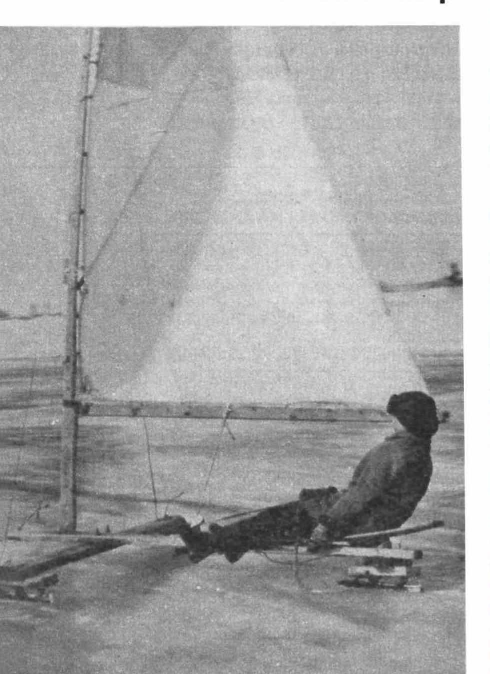
Веселая эта штука — сани. Про них даже и загадки-поговорки весельем вызванивают: «Под гору коняшка — в гору деревяшка», «Кленовые ноги ходили по дороге», «Furtive Furtive…

На максимальной скорости.

Свежий ветер.

Доброго улова!

В центре Арктики.

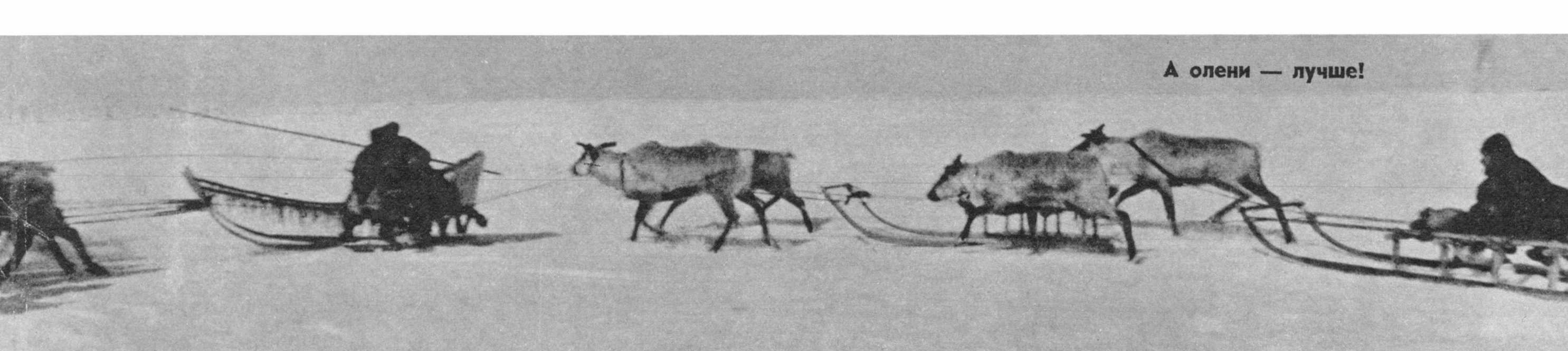
АХ, ВЫ,

А. БОЧИНИН,
Ю. КРИВОНОСОВ

Волшебные сани.

САНИ МОИ, САНИ...

А олени — лучше!

Индекс 70663.

Цена номера 30 коп.